

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)

Высокомерный. Грязный. Вне закона. Неотразимый.

МЕРЗАВЕЦ

РОМАН О СВОДНОМ БРАТЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

САБРИНА ПЕЙДЖ

Я не могу прекратить думать об этом мерзавце. Колтер Стерлинг является таковым. Любитель грязных словечек, бабник, грубый, испорченный, высокомерный мерзавец. Татуировки, пирсинг, горячий парень в плавках, сын знаменитости. Я ненавижу его. Он практически переспал со всеми девушками Академии Брайтона. Кроме меня. Я хорошая девушка. Ответственная девушка. С баллом 4.0, староста класса, училась слишком усердно, чтобы потерять девственность. Но во время празднования окончания учебы и вступления во взрослую жизнь, я просто взяла и приняла самое худшее решение всей моей жизни. Я потеряла свою девственность, спутавшись с самым дьяволом. Это было всего лишь на одну ночь. Было ли это умопомрачительно? Поматросил и бросил. Кроме этого я узнала, что мой отец – Сенатор, кандидат в президенты – женится на матери Колтера. Ох, да еще и этим летом мы примем участие в предвыборной компании. Одна большая счастливая семья. Я по уши в дерьме.

Сабрина Пейдж

«Мерзавец»

Роман о сводном брате — 1

Оригинальное название: *Sabrina Paige «Prick» (A Srep Brother Romance #1), 2015*

Сабрина Пейдж «Мерзавец» (Роман о сводном брате #1), 2016

Переводчик: *Александра Котельницкая*

Вычитка: *Лела Афтенко-Аллахвердиева*

Оформление: *Иванна Иванова*

Обложка: *Врединка Тм*

ГЛАВА 1.

КЭТРИН

Этот чёртов мерзавец.

Ухмылка медленно расплылась на его губах, мучительно медленно, как будто он нисколько не удивлён видеть меня здесь. Он выглядит таким самовлюблённым, что мне только и остаётся стоять тут, вместо того чтобы подойти к нему и стереть эту грёбаную улыбку с его лица.

Я стою, а моё сердце бешено бьётся в груди; клянусь, его слышно всем, кто находится в этой комнате. Я замерла на месте, уставившись на него, словно какая-то идиотка.

Колтер Стерлинг.

Дьявол во плоти.

Дьявол с самыми чертовски голубыми глазами, которые я когда-либо видела в своей

жизни, находится прямо в доме моего отца.

Когда глаза Колтера встретились с моими, я уже знала, что он видит меня насквозь. Под его взглядом я была словно голой, беспомощной, и румянец тут же дал о себе знать.

Единственное, о чём я могу думать, так это о нашей последней встрече с ним: о его тёплом дыхании на моей шее, которое заставляло корчиться от желания, чтобы он был внутри меня, о том, как он кусал мою губу, смешивая удовольствие и боль. Когда кончик его члена прижался к моему входу, я вздрогнула, чем вызвала у него полный непонимания взгляд.

— Чёрт, Принцесса, скажи мне, что ты уже делала это раньше.

Я усмехнулась, пытаюсь выглядеть намного смелее, чем было в действительности. Всё это было случайностью. *Член Колтера жаждал меня.* В отличие от Колтера я была полным нулём в таких отношениях. На самом деле я жила со статусом Маленькая Мисс: с баллом 4.0, староста класса, выпускница — я собиралась сохранить это звание в дальнейшем. Дочка сенатора Харисона. У сенатора Харисона были определённые планы насчёт меня. Давайте я вам объясню подробнее: ни один нормальный человек не станет сводить свою дочь с отставным генералом морской пехоты. Просто мой папа рассчитывал на его голос в президентских выборах, которые пройдут в ближайшее время.

И никто не пытался пробраться ко мне в трусики. Никто, кроме Колтера Стерлинга, плохого парня, который плевать хотел на все правила.

За неделю до окончания школы я приняла решение. С меня достаточно. Мне уже восемнадцать, и я взрослая. Я подала документы в Гарвард, и меня зачислили, поэтому не думаю, что там будет приветствоваться девственность. Я написала единственному парню, который бы не побоялся этого сделать, — лишь перед ним никто не мог устоять.

Колтер сильнее сжал меня, а головка его члена вдавилась в мою киску.

— Скажи мне, Принцесса, — прошептал он, его голос был близок к рычанию. — Это же не твой первый раз, да?

— Конечно, нет, придурок, — солгала я, сильнее стискивая свою челюсть. Я же ничего не должна почувствовать. — Так ты собираешься меня трахнуть или нет?

Затем голос моего отца вывел меня из воспоминаний.

— Кэтрин, — сказал он. — Ты знаешь Колтера Стерлинга.

Знаю ли я его? Мои щёки вспыхнули. Уверена, что всё было написано на моём лице. Знаю ли я Колтера Стерлинга? Только в самом библейском смысле.

Я знаю, каков он на вкус.

Я знаю, как хорошо его твёрдый член может ощущаться внутри меня.

Я знаю, что чувствовала, когда пришла к нему: как он трахал меня, как мои пальцы впивались в его плечи, как я не хотела отпускать его тело и как боялась, что после этого меня просто вышвырнут вон.

Парень, с которым я потеряла свою девственность, которому я должна была сказать «спасибо» следующим утром вместо того, чтобы трусливо сбежать из номера отеля. Так вот к чему я это говорю: с того происшествия минуло две недели, а теперь вот этот самый Колтер Стерлинг стоит прямо передо мной в моей чёртовой гостиной.

Вместе с моим отцом.

Из всех смущающих моментов моей жизни этот оказался наихудшим. Миллион мыслей вертелось в моей голове: «Знает ли мой отец об этом?» Затем я убеждала себя: «Нет, наверное, он не знает». Я пыталась взять себя в руки. Если бы мой отец знал, он уже

задушил бы Колтера голыми руками. Об одной мысли о той ночи мне стало жарко между ног, но я проигнорировала это.

— Да, — выдавила из себя я, получилось как-то не очень уверенно. — Я знаю Колтера Стерлинга. Привет, Колтер.

— Ну приветик, *Гарвард*, — ответил он, специально выделяя последнее слово. Его губы изогнулись в дьявольской полуулыбке. Боже, и снова в моей голове мелькнул этот образ его губ на моих.

Стоя там, рядом с моим отцом, он посмел улыбаться, нахал. А затем он *подмигнул* мне. И если есть такая штука, как смерть от унижения, то я как раз в этом дерьме.

— Конечно же, вы знаете друг друга с Брайтона, — говорит мой отец, по-видимому, не обращая внимания или просто не замечая моего покрасневшего лица.

Я сглотнула и кивнула в ответ, в то время как моё сердце плясало в моей груди.

— Да, Брайтон.

— И ты же знаешь маму Колтера? Эллу Стерлинг? — спросил он.

Моё же внимание было сосредоточено только на Колтере, и кто там что болтал, меня не волновало, что говорить о ещё одной персоне в комнате, которую я не заметила. Да-да, *Элла Стерлинг*. Та самая мама Колтера. Она выглядела как звезда Голливуда. Если бы я её встретила где-нибудь на улице, то тут же попросила бы автограф.

Почему они с Колтером стоят в моей гостиной? Я просто молилась, чтобы это было всего лишь связано с предвыборной кампанией, хотя от меня могут потребовать, чтобы я вела себя дружелюбно с Колтером. «*Ты же знаешь, как тебе понравится играть с ним в дружбу*». Эта мысль просто проскользнула в моей голове, и я тут же отбросила её.

— Привет, Кэтрин, — Элла сделала шаг вперёд и протянула свою руку. Она смотрела на меня так, словно перед ней был ребёнок или щенок какой-то. — Я так много о тебе слышала.

До того, как я успела осознать, почему она так на меня смотрела, мой отец начал говорить, его тон был резким и ясным. *Короче, как всегда бизнес-тон.*

— Мы с Эллой сделаем небольшое объявление и хотим, чтобы вы двое услышали об этом первыми.

Элла.

Он назвал её по имени. Значит, они давно знакомы.

Колтер всё это время смотрел на меня, в то время как я не могла заставить себя даже краем глаза взглянуть на него. Я просто стояла, затаив дыхание и боясь очередной раз услышать новость. Затем увидела то, что повергло меня в полнейший шок: мать Колтера держала за руку моего отца, и тут я всё поняла.

О мой Бог.

Это, знаете, как два поезда, которые в конечном итоге в замедленной съёмке сойдут с рельсов. Я уже знала, что мой папа собирается сказать, но никак не могла в это поверить.

— Нам удалось избежать внимания прессы, но вскоре мы огласим об этом. И вы двое под охраной. Мы не хотели, чтобы это выглядело как предательство с нашей стороны. Думали рассказать вам в конце выходных, но, наверно, это не самый подходящий момент, — он прочистил горло. — Поэтому теперь вы узнаете об этом первыми.

Нет, нет, нет.

— Это немного шокирует.

Этого просто не может быть.

— Мы с Эллой встречаемся уже некоторое время. И собираемся пожениться. Конечно, я

уважаю твою покойную мать и всё понимаю. Но мне бы хотелось это сделать летом перед главным шагом кампании.

«Боже. Боже. Боже», — я кричала эти слова в своей голове.

Я потеряла девственность со своим новым сводным братом.

Я в полном дерьме.

ГЛАВА 2.

КЭТРИН

Я была словно в бреду. У меня начала кружиться голова от сложившейся ситуации, казалось, я была отдельно от тела, а все эти трое стояли, уставившись на меня и ожидая моего ответа. Какой-то эмоциональный расстрел.

Я готова была упасть в обморок, или мне просто так казалось. Вся эта ситуация пробивала меня на истерический смех. Но это была не комедия, а самая настоящая трагедия.

Я упала в обморок лишь однажды. Это случилось, когда мы шли с мамой по делам. Всё выглядело так, будто мы шли в парикмахерскую или спа-салон, но на самом деле мы шли на её химиотерапию. Я настояла на этом, несмотря на все протесты мамы, что у меня были экзамены и что я должна заботиться о своём будущем. Всё это было её обычными отговорками, чтобы скрыть от меня свои проблемы. И даже тогда, несмотря на попытки родителей скрыть от меня болезнь матери, я прекрасно понимала, что она медленно умирает.

«Ну же, не расклеивайся, — твердила я себе. — Только не сейчас».

— Наверное, это слишком для восприятия, — сказал мой отец.

— Наверное, — тихо ответила я.

Мой отец прочистил горло:

— Колтер говорил, что вы очень сблизились во время школы.

Я нервно подняла глаза на Колтера, надеюсь, что мой убийственный взгляд заставит его замолчать, потому что этот непредсказуемый ублюдок начинал меня конкретно бесить. В уголках глаз Колтера появились морщинки, этот нахал расплылся в улыбке, словно всё происходящее было лишь шуткой для него.

«Ох, дерьмо. Что, если он уже знал о наших родителях... Что случилось между нами той ночью?» — эта мысль вызвала новую волну тошноты.

— Брайтон не такое уж большое местечко, — сказал Колтер. — Каждый всё про всех знает. Это практически *кровосмешение*.

У Эллы Стерлинг покраснело лицо от последнего слова, а мой отец прочистил горло. Если бы я не была так сильно зла на Колтера, то, наверное, заинтересовалась бы беспокойством своего отца. Сенатор Джед Харисон был не тем человеком, который пропускает такие слова, как *кровосмешение*, мимо ушей.

И прямо сейчас мне хотелось просто остаться со своим отцом наедине. Мне не хотелось выслушивать эти его оправдания — *почему* или *как* — он просто встречался с Эллой Стерлинг, скрывая их отношения от всех, включая и его собственную дочь, кто-знает-как-долго. Мне совершенно не хотелось вспоминать о его долбаной предвыборной кампании. И более того, как важно это всё для общего восприятия.

Ох Боже, общее восприятие. А если каждый узнает о том, что случилось с

Колтером... Это же была всего лишь вместе проведённая ночь. Ничего же страшного. Ну да, признаюсь, что потеряла рассудок. Вот теперь это можно назвать... *Кровосмешением*.

Мне вдруг сдавило грудь, стало трудно дышать.

— Мне нужна минутка, — сказала я, направляясь в сторону выхода. — Пожалуйста.

Я не слушала, что они мне говорили. Просто пулей вылетела из комнаты мимо красиво расставленной дорожкой мебели, меня даже не волновало, как всё оформлено в этом доме. Это место просто душило меня. Это не то место, где я выросла, не сельский дом в Нью-Гэмпшире, где провела своё детство. Отец переехал в этот дом после смерти моей матери. Меня же отослали в Брайтон, потому что не хотели, чтобы я доставляла неудобства.

Я открыла первую попавшуюся дверь, которая находилась в конце коридора. Это был офис моего отца, не ванная, как я ожидала, и даже не могу вспомнить, где она находится на первом этаже. *«Как же глупо не помнить, где эта чёртова ванная в твоём доме»*. Но затем ко мне пришло осознание, что это не мой дом.

Я закрыла дверь позади себя, будто вход в тонущий мир, и позволила тишине и комфорту окутать меня. На стене висела фотография моего отца вместе с ещё несколькими очень важными людьми, они улыбались, крепко пожимая друг другу руки, заключая какие-то сделки. На рабочем столе моего отца стоял какой-то трофей рядом с фотографией. Подойдя чуть ближе, я смогла рассмотреть изображение: мой отец и Элла Стерлинг прижимались друг к другу щеками, словно какие-то подростки, которые баловались, фотографируя друг друга. У меня возникло желание подскочить к этому столу и разорвать фото в клочья. Но я этого не сделала. Кэтрин Харисон никогда не сделает такое.

Конечно, Кэтрин Харисон не стала бы спать и с таким, как Колтер Стерлинг, с этим татуированным и напичканным пирсингом мудаком, *а тем более трахаться*, если бы знала об этой всей ситуации заранее. В академии Брайтон он был как торнадо. Репутация делала его крутым, но Колтер всегда был самовлюблённым нарциссом. Словно чем-то сверхъестественным.

Я уже начинала ненавидеть его, но, с другой стороны, я ничего о нём не знала. Меня просто бесили его дизайнерские футболка и джинсы, за которые, наверное, его мамочка отвалила немалую сумму. Он него словно разило презрением и властью, он даже как-то предложил моей лучшей подруге Саре покувыркаться в его комнате в общежитии. Она, безусловно, отказалась, на что этот придурок рассмеялся, а затем предложи то же самое мне. Если бы я могла закатить глаза ещё больше, то потянула бы мышцы.

За следующие два года Колтер получил свой статус плохого мальчика в школе из-за поведения, курения в раннем возрасте, распития спиртных напитков, наркотиков и вечного таскания девиц к себе в комнату. И как вы поняли, всё это просто заминалось, потому что школе поступали жертвования. Но наглость Колтера на этом не останавливалась, он просто мог очаровать любые трусики, которые только хотел. Ну, это так образно, но он мог это сделать. Колтер так часто это делал, что через его постель прошли все девушки старшей школы — кроме Сары — но я на сто процентов уверена: не будь у неё парня, она тоже бы запрыгнула к нему в постель. Даже два года назад, когда Колтер появился, он уже славился своей репутацией в спальне больше, чем за её пределами. *То, что он вытворял своим языком, стало целой легендой*. Об одной только мысли о нём у меня уже намокало между ногами.

В дверь постучали, отрывая меня от таких прекрасных мыслей, потому что я реально не хотела разбираться, что же всё-таки произошло между мной и Колтером Стерлингом.

Я была слишком уязвима на тот момент, чтобы просто потерять с ним девственность. Ну, это уже в прошлом. Как там говорят — давняя история. Интересно, это, наверное, произошло десять дней назад? Во всяком случае больше такое никогда не повторится.

Я отошла от двери, а затем медленно открыла её. Я уже готовила себя к неминуемой беседе со своим отцом.

Но это был не мой отец. Колтер. Я глубоко вздохнула. Прекрасно понимала, что рано или поздно мне придётся с ним поговорить, но почему это происходило прямо сейчас? Я такая невезучая по жизни, словно вся Вселенная настроена против и теперь бросается в меня таким дерьмом, как это. Поэтому мне нужно взять себя в руки и всё исправить.

— Хей, *сестрёнка*, — сказал он, выделяя специально последнее слово и закрывая за собой дверь. Если у него есть интонации, кроме самодовольного-самовлюблённого-мудака, то, наверное, мы никогда не услышим их. Это же Колтер. Такого рода вещи просто испортят его такую безупречную репутацию.

— Не называй меня так, — рыкнула я.

— Ох, но ты же прекрасно слышала папочку, Принцесса, — не унимался он. — Мы теперь в статусе брата и сестры.

— Не будь дураком, — ответила я. Почему я всё ещё разговариваю с этим козлом? Он только открыл свой рот, а я уже злюсь.

Колтер засмеялся.

— Черт, — сказал он. — А будет очень сложно ужиться с твоей умной задницей в одном доме.

— Закройся, — рявкнула я, прищурившись. — Ты уже знал про нас с тобой, что ты и я... Ты знал, да?

Он сделал шаг вперёд, подальше от двери, и остановился возле меня так близко, что я смогла ощутить его тёплое дыхание между нами.

— А ты знала?.. — прошептал он еле слышно. — О чём именно ты спрашиваешь, Принцесса?

Кровь ударила мне в голову.

— Перестань меня так называть, Колтер, — прорычала я. — Или же я могу звать тебя *говнюком*.

Он ещё приблизился ко мне, его рот был в нескольких миллиметрах от моего уха.

— Ну, ты можешь называть меня просто *О-Боже-Мой*, — ответил он. — Как ты это делала до этого. Когда мы... Ну, ты знаешь.

Чёрт. Тепло залило моё лицо, и я положила свои руки на его грудь, отталкивая таким образом.

— Да пошёл ты, Колтер.

Смеясь, он отошёл назад, затем взъерошил свои роскошные волосы песочного цвета, которые спадали ему на лоб.

— Не-а, Гарвард, — ответил он. — Ты уже побывала подо мной. И если мне не изменяет память, стонала ты очень хорошо... *Ох, Боже, вот там, о, мой Бог, Колтер, Колтер...* — копировал он меня, его голос прозвучал громко, с придыханием, так, что было слышно разносящееся по офису моего отца эхо — хотя бы мы были в закрытом помещении.

Что происходило дальше, сама себе объяснить не могу. Я даже не успела подумать перед тем, как сделать. Я просто сделала шаг назад и со всего размаху заехала Колтеру по лицу — ладонь издала резкий звук, который раздался на всё помещение. Не могу сказать, кто

из нас больше был в шоке: он или я — и да, моя рука горела, словно прикоснулась к электрической розетке под напряжением, поэтому я попятилась от него в сторону.

Я никогда не делала такого за все годы моей жизни. Не могу поверить, что потеряла контроль.

— Я... — пробубнила себя под нос. — Я... Ты первый начал... Ты полный *придурок*, раз вынудил меня на такое!

Колтер приложил ладонь к своей щеке и поднял в удивлении брови.

— Да, милая, — ответил он. — Это я, полный придурок, который начал первый.

— Ты знал, что наши родители собираются пожениться? — снова спросила я.

— До того, как ты написала мне или умоляла дать тебе кое-что из *этого*? — он схватился за свою промежность.

— Ага, конечно, — ответила я, сжав зубы. — Я не собираюсь плясать возле тебя на задних лапках из-за того, что твой член слаще конфеты.

— Ты не говорила этого, когда сосала мой член и когда стонала подо мной, — ответил он.

Я просто не могла скрыть свой румянец на щеках.

— Да, такого не было, когда я сосала твой...

— Что, Гарвард? — спросил он. — Ты хочешь мне сказать, что не помнишь, как эти маленькие губки обхватывали моего мальчика, который был самым прекрасным, что ты пробовала в своей жизни?

— Я не буду отвечать на этот вопрос, — как же моё лицо горело, когда я вспомнила вкус его члена. *Нет, я не должна думать об этом.* — Это просто было временное помешательство. Давай притворимся, что между нами ничего не было.

— Не волнуйся, Принцесса. Наш грязный маленький секрет в безопасности со мной. И я уже забыл. Ты не должна больше об этом напоминать.

Я в шоке от его слов. *Больше об этом не напоминать?* Колтер, правда, занимал большую часть моих мыслей, когда я услышала звук открывающейся двери. Он тут же отскочил от меня, и в следующую секунду внутрь заглянули мой отец с Эллой, его брови были приподняты в удивлении. Мой отец является непревзойдённым и очень строгим политиком. Он мастер своей строгости. Если вы его не знаете, то явно не догадываетесь, что эти крошечные морщины на его лбу означают сильное раздражение. Моё сердце замерло в ожидании того, что он уже догадался: *я трахалась с Колтером.*

— Ох, — простонал отец. — Я уже начал волноваться, где ты застряла.

— Ну, это неудивительно, столько информации, — сказала Элла, её голос звучал нежно. Она взяла моего папу под руку. — Уверена, им двоим просто нужно было побыть наедине.

Колтер засмеялся, и звук был каким-то надломленным.

— Да, точно, — ответил он. — Я хотел провести кое-какое время с Мисс Маленькой Идеальностью, — встал между отцом и Эллой, они расступились, давая ему пройти.

— Колтер! — позвала его мать. — Не груби.

— Я грублю? — он прошёл мимо них, а затем повернулся к нам. — Это чертовски забавно слышать от двух людей, которые только что внезапно сообщили о браке своей дочери, вам не кажется?

Он только что сказал, что они внезапно сообщили о браке *мне*? Как будто он знал об этом раньше?

Складка на лбу моего отца углубилась.

— Я не допущу...

Ох, дерьмо. Я уверена, что отец не очень-то и рад получить такого сыночка, как Колтер. Он просто считает, что любой вопрос можно решить хорошей дисциплиной и некоторой подготовкой в военном стиле. Если бы это произошло лет пять назад, когда Колтер был ещё совсем юным, то, наверное, отец заставил бы его бегать кроссы на длинную дистанцию, пока тот бы не умирал от изнеможения. И вот сейчас я не знаю, какой план на этот случай у него припрятан.

Колтер замер:

— Допустите? Давайте поразмышляем. Если вы хотите выставлять напоказ вашего собственного ребёнка перед камерами, будто она что-то вроде Стэпфордского дитя, то это между вами и ней. Но я? Вы не имеете никакого права вторгаться в мою жизнь, и я не намерен играть в счастливую семью.

Я перестала дышать, ожидая реакции своего отца. Он редко бывает вспыльчивым, но, когда это случается, ядерное оружие отдыхает. Несмотря на то, каким ублюдком является Колтер, я всё-таки рада тому, что он смог дать отпор моему отцу. Ещё *никто* и *никогда* так не разговаривал с ним. И я тоже вхожу в этот список. Я почти смогла ощутить, что Колтер заступает за меня, но ведь буду душой, если в это поверю.

— Колтер Стерлинг, — закричала Элла. — Нам необходимо обсудить это. Я знаю, что ты огорчён, но...

Колтер прервал её.

— Ох, и сенатор? — позвал он. — Уверен, вы думаете, что это что-то вроде *настоящей любви*, но мужчины моей матери не задерживаются надолго в её жизни. Хорошенько взвесьте все за и против, прежде чем делать шаг, — он даже не оглянулся, когда уходил.

Элла посмотрела сначала на меня, а потом на моего отца. Она моргнула один раз, второй, третий, словно ей стало плохо. Она была на грани срыва, мне срочно нужно было что-то придумать, чтобы сказать. Чёрт, будто это так легко. Я прочистила горло.

— Я уверена... Хочу сказать... Он огорчён. Думаю, всё скоро придёт в норму, — мой голос был тихим. Почему я пытаюсь успокоить этих двоих, которые сбросили на своих детей бомбу замедленного действия? Ненавижу признавать, но Колтер в чём-то был прав. — Эм. Я собираюсь пойти наверх, — не дождавшись ответа, пролетела мимо этой парочки и направилась вверх по лестнице в свою спальню.

Когда оказалась в комнате, я захлопнула дверь и села на кровать, покрывало которого было простого белого цвета, что контрастировало с тёмным деревом изголовья и стола. Здесь всё являлось антиквариатом, как и в остальной части дома; фотографии же были тщательно отобраны, воссоздавая только самые важные моменты моей жизни, как и все награды, которые отец считал такими значимыми.

Это не та комната в Брайтоне, окрашенная в яркие цвета, с фотографиями меня и моих друзей, с картинами на стенах, которые я сама рисовала, — всё это имело очень важное значение.

Моя лучшая подруга Сара колесит по Европе со своим парнем Дэном этим летом. «Поехали с нами, — умоляла она. — Это твой шанс, чтобы сойти с ума перед началом колледжа этой осенью. Это будет обрядом посвящения. Мы будем пить и наблюдать за восходом солнца в Риме».

Я даже не тешила себя такими мечтами из-за своего отца. Я всегда должна быть послушной дочерью, которая не испортит свою репутацию. Да, знаю, жизнь с моим отцом в

роли сенатора просто сущий ад: престижная школа, самый крутой университет во всей стране. Но, знаете, вину я не чувствовала, потому что выкинула ту глупость на вечеринке.

Стены начали давить на меня. Я не задержусь в этом доме надолго, вернусь в летний дом в Нью-Гэмпшир до конца этой недели, уверена. Но до этого момента буду как в клетке, потому что мой отец будет везде меня таскать с собой и его новоиспечённой женой. У нас же начинается новая жизнь.

И тут до меня дошло. *Чёрт. Колтер тоже поедет в Нью-Гэмпшир вместе с нами?*

ГЛАВА 3.

КОЛТЕР

Я крепче затягиваюсь своим любимым наркотиком, никотином проникает в кровь, обжигает все органы изнутри, но всё равно не даёт мне избавиться от своих мыслей. В данный момент я стою на улице, прислонившись к перилам, стараясь решить, что же мне дальше делать с Кэтрин. Меня абсолютно не волновала вся эта хрень, связанная с моей матерью и её долбаным отцом. Мне нужно было время, чтобы *принять* эту парочку. Моя мать за всё время успела поменять пять своих дружков, и за троими из них она была замужем. Это было не впервой, видеть, как какой-то придурок ходит по комнате в дорогуших костюме и туфлях и представляется моим новым отцом.

Ну, этот хоть соответствует возрасту. Перед тем, как выскочила из постели какого-то там политика, она принялась за рокера. *Вот это реально было весело.* Её любимому было двадцать три года, вот его она хотела на себе женить. Этот паренёк был восходящей звездой какого-то популярного бойз-бэнда. Этот полоумный дурак осмелился мне сказать, что станет «самым лучшим папочкой, которого я в жизни своей ещё ни разу не видел».

Я заехал ему по роже, и Элла записала меня к психологу, и в течение девяноста дней моей обязанностью было рассказывать этому человеку обо всех своих неудачах и открыть душу полностью, потому что я не был ребёнком, который вырос в любви и ласке. Что я могу сказать в своё оправдание? Я просто маленький мальчик, который хочет обнимашек. *И как всегда получилась жопа.* Элла вышла замуж за этого мудака, но брак продержался всего неделю.

Теперь же у моей матери появились новые заботы. И я не собирался терпеть этого сенатора и Эллу.

Я уже вне себя, потому что Кэтрин никак не может уйти из моей головы с той ночи. Я постоянно думал о том, что делал с ней, пока моя мама не вытащила меня сегодня сюда для встречи с её новым кавалером. Почему она не могла этого сообщить три дня назад, когда проходила эта долбаная выпускная церемония? Или сказать мне, чтобы я возвращался в старую квартиру в Нью-Йорке? Но Элла же у нас сплошная тайна, хранит секреты до последнего. Единственная причина, почему я согласился полететь, — это потому, что она всегда покупала билеты в первый класс, где была бесплатная выпивка.

Я всегда пил, игнорируя её весь полет. Поэтому, когда я начал говорить, она вернулась к старому. Начала плести мне о новом бойфренде, который встретит её по прилёту в аэропорт, и что это будет такой весёлый сюрприз. Я что-то печатал в своём телефоне, когда она начала болтать об этом, поэтому только уловил фамилию. *Харисон.* Отец, мать бы его, Кэтрин. Я просто не мог поверить своим ушам.

— *Сенатор Харисон?* — переспросил я.

— У него есть дочь, она учится в твоём классе, насколько мне известно, — отозвалась она, смотря на меня с интересом и начиная грызть свои ногти. Мне так хотелось сказать ей, что она похожа на двенадцатилетнюю девчонку в этот момент, но всё-таки я сдержался. — Это немного странно? Так ведь?

— Ага, Элла, — ответил я снисходительно. Я пытался быть более спокойным, но моё сердце так быстро стучало в груди. — Почему ты встречаешься с каким-то отцом, чья дочь учится в моём классе? Почему не один из учителей? Оу, или один из моих друзей. Это ведь в твоём стиле, разве нет? Тебе же нравятся помоложе, мы же сейчас поедem к сенатору, да?

Она посмотрела на меня, а в глазах стояли слезы:

— Ты не желаешь мне счастья, Колтер.

Я не взглянул на телефон, который оповестил о сообщении, мне не хотелось ни с кем разговаривать. У меня только была одна мысль: «Это же отец Кэтрин. Она собирается познакомить меня с отцом Кэтрин».

Что означает скорейшую встречу с Кэтрин.

Маленькая Мисс Идеальность, хорошая-скромная-девочка-которая-собирается-учиться-в-Гарварде. Чёрт-бы-тебя-побрал-Кэтрин. С этой сочной задницей. С этой сокрушительной улыбкой. Вся такая занятая, постоянно куда-то спешащая.

До той самой ночи.

Та ночь изменила всё.

В Брайтоне я наталкивался на эту девчонку множество раз. Я хочу сказать, чёрт, почему бы и нет? Эта куколка должна была натянуть на себя мешок, чтобы скрыться от меня. По факту всё было не так. Она была чертовски горяча. И неприкосновенна. Команда по лакроссу составляет карту показателей всех девчонок старших классов, и у каждой свой рейтинг «вдувабельности». «Брайтон Бинго» — так это называют. Я не играл, потому что я не тупой придурок. Хочу сказать, что мне было похуй на всех в округе, а эта система показателей просто бесила. Для игроков по лакроссу Кэтрин была очень прибыльной персоной. Дело в том, что она вне их лиги. Они говорили, что она вообще не по парням, но несколько месяцев Кэтрин встречалась с каким-то тупым спортсменом из команды по лакроссу, вероятно, бывшим единственным парнем в школе, который не пытался залезть в её трусики. Видимо, он хотел подлизаться к её отцу.

Не то чтобы я никогда не думал об этой сексуальной заднице. Она и я разработали особый вид отношений, который заключался в испепеляющих взглядах и постоянной ругани. Честно, я делал всё это, потому что мне было весело. Нравилось, как она смотрела на меня, и те её оскорбления в мою сторону, в то время как мне хотелось провести время на заднем сиденье моей машины с ней и её подружкой. Многие цыпочки пытались заполучить меня ещё в средней школе. Все хотели попробовать этот чудо-член-сына-знаменитости.

Большие кисок. Вот что мне нравится.

Но Кэтрин не была такой, как все девчонки. Она никогда ничего не хотела со мной, списав со счетов, так как я был кем-то вроде мужчины-шлюхи. Это заставило меня думать, что у неё были характер и гордость, и, чёрт, эта девчонка знала себе цену.

Вот почему я не смог удержать свой член в штанах, когда она написала мне смс, где просила провести одну ночь в отеле. Я подумал, что это шутка, но до окончания Брайтона оставалась неделя, и мне было скучно, поэтому решил проверить. Что я терял, так ведь?

Когда она вошла в дверь, выглядя чертовски нервной, я просто не мог поверить в тот

миг, что всё это правда. Она стояла там, одетая в чёрное платье, которое было ей по колено, на очаровательных ножках были такого же цвета туфли на каблуках, которые делают её похожей на мамочку на собрании. И эта повязка. Хочу сказать, нам восемнадцать, чёрт возьми. Она вообще в курсе, что такое носят только женщины в возрасте?

Я, конечно, тащился от моделей, актрис и светских дам, но девушка, одетая в это платье, да ещё плюс повязка, тут же пробудила моего мальчика. Блядь, эта чертовка выглядела горячей словно ад.

Я уставился на неё, мне нечего было сказать этой умной заднице. Но зато у моего члена было. Вся моя кровь отхлынула от головы, направляясь прямым ходом к члену. Я был твёрд словно камень. Видимо, у меня чуйка на девушек, которые носят повязки и одеваются вот в такие платья.

Она свела меня с ума, как только заговорила:

— Думаю, я покину Брайтон на следующей неделе, поэтому хочу расстаться на приятной ноте.

Единственное, что витало в моей голове тогда: как сексуально она выглядела и какой штучкой была в постели.

Всё в ней гармонировало.

Мне было пофиг насчёт того, что будет потом. Даже пофиг на вопросы отца. Кто знает? Всё что мне нужно было тогда, так это самая неприкасаемая цыпочка в постели. Блядь, словно в лотерею выиграл.

Когда я обрушил свой рот на её в первый раз, это было просто восхитительно. Я даже понятия не имел, какая же она вкусная, пока не попробовал. Затем Кэтрин отстранилась и посмотрела на меня. Она презирает меня. Но когда она целовала в ответ... это было так, словно одновременно ненавидела меня и хотела больше всего на свете.

Это просто ещё одна ложь. Так что же произойдёт, если я свяжусь с этим Святым Граалем? Это будет самый крутой секс ненависти, который только можно представить? Как же мне хотелось похоронить свой член внутри неё, когда она смотрела на меня таким взглядом. Я не был заинтересован в девственности цыпочек — девственницы как липучки, и это последнее, чего мне хотелось.

Затем Кейт (вот как я её буду называть: *Кейт*, не Кэтрин, как её звали в школе. Я буду звать её *Кейт*, когда буду глубоко внутри неё, буду выкрикивать её имя снова и снова, пока кончаю так, что пойдёт кругом голова) спросила, собираюсь ли я её трахнуть.

Есть просто хороший секс, а есть секс, который надолго застревает в твоей памяти, изменяя твоё поведение и переключая что-то в мозгу, что ты уже никого не хочешь, кроме неё, и ты уже никуда не денешься от этого. Эта *хрень* как наркотик, она медленно пробирается вам под кожу. Вот такой должен быть секс.

Кэтрин — чопорная Кэтрин — исчезла на следующий день. Она попыталась выскользнуть из номера незаметно, но я проснулся и посмотрел на неё у двери, а затем сон снова накрыл меня.

Большинство парней трахаются и после сразу засыпают. Я же лежу без сна, считая минуты объятий, требующихся для сохранения моей репутации, прежде чем могу выскользнуть из кровати и убраться к чёртовой матери. Просыпаться утром, наблюдая, как от меня ускользают, не является обычным делом.

— Спасибо за всё, — сказала она, прежде чем открыла двери, чтобы уйти. Её волосы были спутанными, а чёрная подводка для глаз немного растеклась, но она выглядела ещё

сексуальнее, чем прошлой ночью.

Спасибо? Кто, чёрт возьми, говорит такое после секса, особенно после такого? У меня просто не нашлось слов, чтобы ответить, я перевернулся на другой бок, слушая, как за ней закрывается дверь.

Это всего лишь секс, верно? Да пофиг, короче.

Я просто должен выкинуть её из головы.

Это должно оказаться в книге рекордов. Я должен был сказать этим тупым спортсменам, выплёвывая им в лицо, что переспал с Кэтрин Харисон и, ещё лучше, лишил v-карты (прим.: девственности). Но я ничего не сказал.

Со всей этой подготовкой к выпускному легко быть занятым, но исключением было то, что Кэтрин меня избегала. И честно говоря, я делал то же самое. «Поматросил и бросил» — вот мой девиз. Мне нужно просто забыться в объятиях другой девушки и навсегда стереть Кейт из памяти. Начать всё с чистого листа.

Но я не мог этого сделать. Это просто съедало меня изнутри словно какая-то болезнь.

Единственная причина, почему я оказался здесь с моей матерью, — то, что не мог помочь себе. Я словно какой-то озабоченный кретин желал увидеть выражение лица Кэтрин, когда она увидит меня.

Это того стоило. Кэтрин выглядела такой... *разозлённой* при виде меня. Она посмотрела на меня так, словно я последний ублюдок. Но я не могу перестать трахать её в своей голове.

Я выбросил вторую сигарету к тому времени, когда закончил мечтать о Кэтрин, и думал начать третью, когда голос с тротуара заставил меня посмотреть наверх.

— Эй, Колтер! — мужчина в свободных штанах с кучей карманов наставляет свою камеру и начинает щёлкать.

Я зажимаю сигарету и пытаюсь прикрыться рукой, но он продолжает снимать, заставляя показать ему средний палец. Затем я остаиваюсь, пытаюсь оттолкнуть этого козла, и он падает на чертовски чистый и ухоженный газон сенатора Харисона.

Эти папарацци как паразиты.

Я думаю о том, как же будет ужасно, если информация о нас с Кэтрин просочится в журналы и газеты. Мне не нужны эти проблемы.

Направляюсь обратно к дому, осознавая тот факт, что не должен проделывать всю эту фигню. Я должен *послать их* всех на хер и уйти прочь.

Конечно же, мой трастовый фонд под угрозой. Так что я заключил сделку с матерью. Я как тот парень, Фауст, который продал свою душу дьяволу. Элла сделала мне предложение, от которого я не мог отказаться. Так что буду подыгрывать, присоединившись к счастливой семье на лето.

Только смогу ли я продержаться всё лето, находясь вблизи Кэтрин так долго?

ГЛАВА 4.

КЭТРИН

Я пробежалась своими пальчиками по его груди, поглаживая грудные мышцы, а затем опускаюсь вниз к одному из сосков. Он издал какой-то звериный рык, такой глубокий и дикий, что волосики на моём затылке встали дыбом. Это словно шестое чувство, как у хищника с добычей. Сейчас он лежит на спине, а я нахожусь верхом на нём, мои ноги по обе стороны

от его тела. Его жёсткий член упирается в мою сердцевину, и, когда я насаживаюсь на него, он стонет моё имя.

— Кейт.

Он повторяет его снова, и я не хочу это слышать в третий раз. Поэтому направляю его внутрь, и он с лёгкостью скользит в мою влажность. Я наслаждаюсь длиной его члена. Скачу на нём кожа к коже, его обнажённый член внутри меня, я трахаю его. Это выглядело так, словно я уже миллионы раз проделывала такое до этого. Но теперь это чувствовалось в тысячи раз круче, чем в первый.

Его руки скользили по моей груди, моей талии, он взял в свои большие ладони мою грудь и прикоснулся пальцами к затвердевшим соскам. Я уже на пике оргазма, в то время как он продолжает вбиваться в меня всё жёстче и жёстче.

Я уже так близко, а он сжимает мою талию ещё сильнее, его руки насаживают меня на окаменевший член, толчки становятся всё быстрее и быстрее.

— Кейт, — говорит он. — Я хочу, чтобы ты кончила вместе со мной, — и я делаю это.

Я подскочила с постели, сердце колотилось как бешеное, а пульсация между ног становилась все сильнее. Сексуальный сон о Колтере? Мой мозг, наверное, решил устроить мне взбучку. Мои соски затвердели, упираясь в ткань лифчика. Чёрт, я была в лифчике. И в своих джинсах с футболкой, которые надела вчера. В моём рту чувствовался вкус дерьма.

Лучи солнца пробивались сквозь окна спальни, и я не могла поверить, что вот так проспала всю ночь. Последнее, что я помнила, как уронила свою голову на подушку, а затем минуту спустя закрыла глаза, полагая, что это был вопрос времени, когда отец поднимется сюда и сообщит о дате помолвки. Не могу поверить, что они дали мне уснуть.

Я соскользнула с кровати, морщась от холодного пола, и начала искать в коридоре ванную комнату. Я снова чувствовала стыд — одежда, в которую была одета, напомнила мне о той ночи с Колтером.

Словно мой мозг нуждался в другом напоминании. Этот сон довёл меня, и я не могла сказать точно, была ли больше раздражена или возбуждена.

Снимая свою футболку, я вздрагиваю, когда пропитанный потом материал скользит по моей спине. Конечно, у меня лихорадка, что должно объяснить увиденный эротический сон. Стягиваю с себя джинсы. Зубная щётка. Мне нужно отыскать её. Я начала рыться в тумбочке в поисках щётки, а затем наклонилась, чтобы дёрнуть ручку нижнего шкафчика.

Прохладный ветерок коснулся моих ушей, когда я услышала звук открывающейся двери, который заставил меня резко подпрыгнуть.

— Милые трусики.

Я обернулась, чтобы увидеть перед собой Колтера, стоящего в дверном проёме. Его волосы, по бокам выбритые, взъерошены во все стороны. Без рубашки. Он одет только в серые пижамные штаны из хлопка, ткань которых настолько тонкая, что облегла каждую часть его. Каждую часть его. Такая ткань делает ситуацию ещё хуже, лучше бы он стоял здесь передо мной совсем голый. То, как он выглядит, просто кричит о сексе, особенно учитывая его твёрдый член. Поверьте, он был в полной боевой готовности.

И я не могла перестать на него пялиться.

Колтер кивнул и ухмыльнулся.

— Нравится то, что видишь? — спросил он. — Ты можешь получить это, если хочешь. Я

не буду против, дорогуша.

— Какой ты пошлый, — огрызнулась я. — Вообще-то ты в моей ванной. И дверь сейчас открыта, — и я стою тут в нижнем белье, и тут на меня снизошло, мои мозги полностью утратили свою дееспособность. Я прикрыла грудь рукой и потянулась к одежде на полу, попутно прикрывая свою промежность. *Боже, я ношу бабушкины трусы.*

Он вступил внутрь и закрыл за собой дверь:

— Так лучше?

— Это не приглашение, — ответила я. — Да что с тобой не так? Убирайся из моей ванной. У тебя что, нет тормозов?

— Не ты ли первая всё это начала, оставив дверь открытой, — поддразнил он. — Я ещё не видел никого, кто смотрел бы на мой член таким взглядом, словно он кусок стейка, а ты животное.

— Ты совсем свихнулся, — прорычала я сквозь стиснутые зубы. — Думаешь, мне так нужен твой член. И вообще отвернись, так я смогу одеться.

Я была удивлена, что он послушался, поэтому, не теряя времени зря, натянула джинсы.

— Что ты хочешь прикрыть этими джинсами, думаешь, я кое-чего не увидел? — задал он вопрос. — Поверь мне, там уже всё осмотрено. Ну, не считая эти трусики... они нечто.

Круто, низкий ему за это поклон, что он видел мои трусики, которые размером с простыню; я натянула футболку через голову.

— Думала, мы договорились не говорить об *инциденте* снова. Почему ты всё ещё здесь? Я же велела убираться.

— *Инциденте?* — повторил он. — Так вот как ты это теперь называешь? Ты же сама сказала мне закрыть дверь.

Он всё ещё не обернулся, так что мне открывается прекрасный вид на его спину. Мышцы покрывают всё его тело, мягкая V-образная форма спины похожа на конус, часть которого скрывается в его штанах. Затем мой взор падает на его идеальную задницу, воспоминания тут же накрывают меня с головой. Ох, как же хорошо она чувствовалась в моих руках.

Колтер поворачивается и ловит меня на подглядывании за ним, и я чувствую, как моё лицо тут же заливают румянец. Он самодовольно смотрит на меня, и я начинаю осознавать, что он меня проверял. Его член всё ещё твёрдый, но я делаю вид, будто всё нормально. *Но это совсем не нормально, так ведь?* Он, наверное, больной на голову. Потому что человек не может вот так просто вести разговор, когда у него огромная эрекция. И я говорю об этом в буквальном смысле. Он отнюдь не маленький.

Тот факт, что он стоит здесь передо мной с выпирающей эрекцией, раздражает. Мне не нужно в тысячный раз напоминать о той проклятой ночи вот так, нагло глядя в лицо.

— Ты же прекрасно понимаешь, что я имела в виду, сказав закрыть дверь. И это вовсе не означает, что нужно оставаться здесь. *Это же и дурному понятно.* Нормальные люди так не делают, — я указала на его боксёры. — Ты собираешься с этим что-то делать?

— Ты хочешь мне помочь, Принцесса? — спрашивает он, а его голос звучит так хрипло. Он практически выбивает меня из колеи.

— Эм, — запинаясь я. — Не будь таким отвратительным. Просто — эм. Почему он всё ещё... твёрдый? И почему ты такой извращенец?

— О, как это мило, — отвечает он, отворачиваясь от меня и направляясь в сторону туалета. — Это происходит потому, что ты горячая штучка. Ты ведь была девственницей,

так? Это утренний стояк, Принцесса. Ничего личного.

— О боже, ты реально хочешь отлить прямо сейчас передо мной? — спрашиваю я.

— Ну, я пришёл сюда, чтобы отлить, но ты тут же открыла свой милый ротик, и да, я хочу пописать, — он зацепил пальцем пояс брюк, а затем посмотрел на меня. — Ты хочешь понаблюдать за процессом? Ты, наверное, предпочитаешь какие-то другие виды водного спорта, не так ли?

Мне не хотелось думать о его странном заявлении, и думаю, никогда не захочется.

— Ты самый омерзительный человек, которого я только встречала.

— Ох, подожди немного, Принцесса, — отвечает он, спуская свои штаны. И я смогла увидеть его член и правую часть задницы. Не могу поверить, что он без какого-либо стеснения делает всё это передо мной. — Ты просто ещё не знаешь, что тебя ожидает. И ещё, я буду рядом *всё лето*.

Даже не знаю, как это воспринимать: как угрозу или недосказанность, да и знать-то мне не очень хочется. Не скрывая своего раздражения, я пулей вылетела из ванной, при этом громко хлопнув дверью. Вернувшись в свою комнату, я решаю держаться подальше от Колтера. Он просто издевается надо мной. И явно хочет заставить меня помучиться.

Неужели он сказал правду, что я застряла с ним на всё лето?

Я прекрасно понимала, что проведу лето в Нью-Гэмпшире, а мой отец закончит все дела в Вашингтоне до того, как оно закончится. Так обычно проходили мои летние каникулы. Но неужели теперь с нами будет Колтер? Последний парень, которого я бы хотела видеть в рядах своей «счастливой семьи».

Интересно, что же задумал этот засранец. Я должна взять себя в руки. Вместо того чтобы заглядывать к нему в штаны.

— Доброе утро, Кэтрин, — говорит Элла. Сейчас только семь, но я уже успела принять душ и собрать свою сумку. В этот раз Колтер не встречал меня в ванной, слава тебе Господи. Ну, по крайней мере, хоть что-то. — Как спалось?

Я покраснела, вспоминая ночной сон. *Кошмар* — это самое подходящее слово для него. Спала ли я хорошо? Ага, учитывая то, что образ члена Колтера не покидал моих мыслей после увиденного утром? Мне даже самой стало интересно, смогу ли я заснуть после такого. Моя жизнь теперь походила на кадры из порно. *Но без секса*, насколько я помню. *Больше никакого секса*.

Даже если у него и тело бога с этими сексуальными кубиками, он всё равно под запретом. И это не потому, что он станет моим сводным братом, то это не считается, но в конечном итоге разразится скандал, потому что Колтер всегда любил привлекать к себе внимание. Он грубый, испорченный, мерзкий тип плохого парня. И мне абсолютно нет до него никакого дела.

Боюсь, это лето принесёт много холодных душей.

Я прочистила своё горло.

— Спала отлично, — отвечаю я.

Элла тем временем потягивает из своего стакана какой-то зелёный смузи. Сейчас только семь, а она выглядит прекрасно даже без макияжа, её кожа алебастровая и безупречная. Она одета в штаны для йоги и майку, которая оголяет живот. Стоя в нескольких шагах от неё, я осознаю, что когда писала свою дипломную работу несколько недель назад,

то питалась только одним кофеином и конфетами. К чему я это веду? Да к тому, что эта персона вообще не ест сладкого. И не употребляет кофеин. Почему я так решила? Да какой же дурак будет вставать в семь утра, чтобы помедитировать, а потом отправиться в тренажёрный зал?

— Я сказала твоему отцу прошлой ночью, чтобы он не беспокоил тебя, — отозвалась она. — Как-никак ты узнала о помолвке, и это было немного... слишком. И уверена, это после экзаменов и выпускного это стало последней каплей для тебя, поэтому ты так среагировала.

Я кивнула. На самом деле мне нечего было ей сказать.

Знаю, она старается быть хорошей, пытаюсь сблизиться со мной, так как, вероятнее всего, это была идея отца внезапно вылить на меня всё дерьмо, но чертовски слишком рано для разговора по душам с умопомрачительной и слишком прекрасной знаменитостью, находящейся на моей кухне.

— Мой отец ещё здесь?

— Он вышел на пробежку, — ответила она. — Это одна из долгих. Он тренируется к марафону.

«Конечно, тренируется», — думаю. Я уже и не помню, когда мой отец в последний раз бегал.

— Тут есть кофе?

— Мы вычистили кладовую, — говорит Элла. «Мы», ну конечно. — Твой отец больше не употребляет кофеин. Это намного лучше для тебя, чем любой кофе, и имеет очищающий эффект.

Я поворачиваюсь к ней лицом, мой мозг отказывается без кофеина обрабатывать всю эту хрень, которую она наплела. Я что, попала в седьмой круг ада?

— Значит, кофе в доме и не пахнет, — говорю я так громко, что мой голос эхом отдаётся по всему дому.

Элла смотрит на меня, выражение лица такое грустное, что мне тут же хочется простить её.

— Я... я должна была сохранить немного.

— Всё хорошо, — отвечаю я, прислоняясь к кухонной стойке. Могу ли я вот так просто стоять здесь и общаться? Так ведь они делают в своём Голливуде? Это кажется немного жёстким и непривычным. — Я просто схожу в ближайшее кафе.

— Ох, — Элла выглядит так, будто у неё разбито сердце после провала очередного теста невесты. У меня просто нет энергии, чтобы успокоить её прямо сейчас.

— Тебе что-нибудь купить? — спрашиваю. — Ну, типа бейгла или что-то такое?

Она морщит нос. *Конечно же, её величество такого не ест. Это же углеводы.* И я просто уверена, что она ненавидит такого рода еду.

— Эм ... Нет, но спасибо.

Я хватаю свой бумажник наверху и благополучно выскальзываю из этого дома.

— Преследуешь меня? — Колтер стоит недалеко от дома, а затем начинает пускать в мою сторону дымовые кольца.

— Очень ты мне нужен, — отвечаю я рассерженно. — Здесь нет кофе. А мне он необходим. Если его нет, я не могу нормально соображать.

— Ох, да, — смеётся он. — Она тоже пыталась всучить тебе травяное дерьмо?

— Ты имеешь в виду ту зелёную штуку? Кстати, что это такое? Воняет как рыба.

Колтер фыркает:

— Это морские водоросли или что-то такое, точно не знаю. Но пахнет так, словно протухшее, верно? Как молочный коктейль из останков рыбы. Но нет, я говорю о заменителе кофе.

— Что, всё так ужасно? — спрашиваю я.

Он смеётся.

— Не ведись на это дерьмо, — затем он поднял свой взгляд на меня. — И да, это поможет твоей сексуальной попке подтянуться.

— Ты реально не можешь побыть нормальным и минуту, — спустилась вниз, и Колтер позвал меня. — Что? — крикнула я.

— Видишь ли, Принцесса, — говорит он, — у тебя напрочь отсутствует чувство юмора.

— Отлично, Колтер, — я разворачиваюсь, чтобы уйти, но он снова меня окликает. — Боже, что на этот раз?

— Держи, — говорит он. — Ты же хочешь? — протягивает мне стаканчик эспрессо.

Я направляюсь к спасительной дозе в сторону, где он стоит. Он поворачивает голову и выдыхает дым.

— Это ужасная привычка, — комментирую я. — Ты можешь заработать рак.

— Я отдал тебе кофе, а ты решила отплатить мне лекцией о моих привычках, — отвечает он. — Знаешь, ты не блещешь хорошими манерами.

— Спасибо за кофе, — я делаю ещё один глоток и смотрю на пустой стаканчик у его ног. — Таким образом ты любишь кофе с сигаретой по утрам?

— Нужно исправляться, — говорит он, глядя на меня и пристально изучая. — Хочу сказать, что предпочитаю хороший утренний трах, чтобы проснуться.

— Ну, тогда это хорошо, что у тебя есть кофе с сигаретами.

Колтер пожимает плечами.

— Дай мне знать, если поменяешь своё решение, Принцесса. Я буду готов принять тебя в любую минуту.

— Мечтай.

Колтер отбрасывает свою докуренную сигарету и тычет кому-то средним пальцем. Я следую взглядом за его жестом в ту сторону и вижу какого-то паренька, стоящего по другую сторону забора.

— Как долго эти папарацци будут здесь? — спрашиваю я, поворачиваясь спиной к Колтеру.

— Ещё долго, — отвечает он, вздыхая. — Он был здесь вчера. Ну, хорошо, что хоть один.

— Хоть один? — я хватаю руку Колтера и тяну её вниз. — Ты совсем рехнулся? Что ты вообще делаешь, посылая его?

— Расслабься, — успокаивает он. — Они все идиоты. Мы разработали такую схему с этим малым. Я курю и показываю ему средний палец, а он всё это снимает. Он уже сделал достаточно фото, поэтому просто слоняется без дела.

— Ага, конечно, но никаких фото со мной, — говорю я. — И мой отец начинает предвыборную кампанию. И ему нужны нормальные фото тебя, а не те, где ты показываешь всем фак, делая из себя плохого мальчика.

— Прекрати учить меня херне, Принцесса, — предупреждает он. — Чёрт, он просто сделает несколько наших фотографий и уберётся ко всем чертям. Это ненастоящая история.

Он хочет историю наших родителей.

Я уже привыкла к тому, что мой отец был постоянно в центре внимания. Всё-таки он сенатор. Но нормальные сенаторы не делают такой показухи с папарацци. Я имею виду, что, если кто-то из них попадёт в дерьмо, первым об этом узнает Президент. Быть ребёнком сенатора нелегко. Я всегда жила по указаниям папы: все интервью и фотосессии тщательно планировались, а не делались среди белого дня прямо на пороге дома. Тот факт, что Колтер и я стояли здесь, навевал мне чувство тревоги. И я очень зла на Колтера за то, что он так необдуманно поступает.

— Конечно же, они заинтересованы в нашей истории — *ты* сам как история, придурок, — прорычала я, вставая перед ним и держа руки на своих бёдрах. Чувствую себя учительницей, отчитывающей плохого ученика, но, увы, не могу остановиться. — Ты весь в тату, куришь, распиваешь алкоголь, сыночек-ходячая-катастрофа кинозвезды, которая собирается выйти замуж за моего отца-сенатора, морского пехотинца в отставке. Ты просто кишишь заголовками в таблоидах, просто даже стоя передо мной!

Колтер смотрит на меня, его лицо будто окаменело, а челюсти напряжены. Затем он снова выдыхает дым прямо в моё лицо, от которого я начинаю кашлять и хаотично махать руками перед собой. Думаю, я разозлилась не на шутку.

— Чё, правда? — саркастически спрашивает он, наклоняясь вперёд и тыча в меня своим пальцем. — Ну, ты, сладкая, заносчивая, утомляющая девственница, настолько встревоженная тем, что не сможет найти кого-нибудь, чтобы пробить её V-карту, за исключением парня-шлюхи из школы, который буквально вставит любой, — он сделал паузу. — И потом оказываешься самой скучной грёбаной любовницей, которую я когда-либо имел.

Я зарычала от злости, но Колтера это только повеселило, что заставило меня расстроиться ещё больше.

— Что такое, Принцесса? — спросил он, наклоняясь ещё ближе, и при этом всё машет своим средним пальцем перед моим лицом. Блядь, как же мне хочется поломать этот чёртов палец.

Из-за злости на Колтера я не могу нормально мыслить. Просто наклоняюсь вперёд и тычу в ответ ему своим средним пальцем в лицо. Мы так и стоим как два придурка, тыча пальцами друг другу. Это то же самое, если бы вы увидели детей, которые показывают друг другу язык.

А затем Колтер улыбается:

— Какое же отличное получится фото.

Дерьмо.

ГЛАВА 5

КОЛТЕР

Придурок сенатор бросил газету на стол. На первой странице красовалось фото Кэтрин и меня, где мы тычем средними пальцами друг другу в лицо, взгляды сердитые, губы приподняты как в оскале, и заголовок гласит: «**ХАРИСОН И СТЕРЛИНГ ОБРУЧЕНИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДЕТЕЙ!**»

Кэтрин подбежала ко мне, её лицо тут же побледнело. Она не смотрела на меня, так как

была поглощена статьёй. У меня даже появилось желание достать свой телефон и сфоткать её бледное лицо, а также лицо сенатора, у которого оно было почти фиолетового оттенка.

— Это действительно лестный снимок, однако — говорю я. — Ну, для меня. Но это не оправдывает Кэтрин.

И это была ложь. На фото её зубы были почти обнажёнными, да и выглядела она практически дико. Я не должен быть таким повёрнутым на этом прямо сейчас, но, чёрт, находясь здесь, смотрю на то, как она реагирует, и это заставляет мой член изнывать от боли. Это, конечно, не лучшая ситуация для дочери сенатора Придурка. А он выглядит так, будто у него случится сердечный приступ. Моя мать кинула короткий взгляд на меня, и я точно уверен, что прямо сейчас она уже обдумывает, как урезать мой трастовый фонд.

— Колтер, — предупреждает Элла.

— Что, чёрт побери, вы двое о себе возомнили? — сенатор ударяет кулаком по столу, в результате чего газета подпрыгивает, а его голос переходит на крик.

Я смотрю на Кэтрин, но она так и не смотрит на меня.

— Милый, — говорит Элла.

— Это не так плохо, как выглядит, — говорит Кэтрин, её голос звучит тихо.

— Не так плохо, как выглядит? — сенатор снова сжимает кулак. Этому чуваку серьёзно нужно задуматься о медитации или о чём-то таком. Слишком нервный парень. Если бы он не говорил, то я бы точно не был уверен, дышал ли. — Скажи мне, как именно, ты думаешь, это выглядит для дочери сенатора Соединённых Штатов Америки, красующейся на первых страницах газеты и показывающей средний палец сыну его невесты?

Ну, это намного лучше, чем заголовок «*Дети сенатора трахаются, где только пожелают*». Но я придержал язык за зубами. И мысленно поздравляю себе за такое терпение к окружающим.

Кэтрин удивила меня тем, что снова заговорила:

— Я хочу сказать, что это же не первая полоса. Всего лишь первая страница раздела светской хроники. И это же *Post* (прим.: Вашингтон пост (англ. The Washington Post) — американская ежедневная газета), так что...

Клянусь, держался из последних сил, но у меня не получилось, и я засмеялся. Сенатор тут же обратился ко мне:

— Эй, ты. Думаешь, это весело?

Я закатил глаза:

— Боже. Это же всего лишь бумага. Не долбаный же конец света всё-таки.

Он обошёл стол, а я так и остался стоять на месте, не веря в то, что этот мужик реально не сможет держать всё дерьмо при себе. Я участвовал по меньшей мере в двадцати ещё более ужасных скандалах. Но, когда он хватает меня за ворот рубашки, я начинаю выходить из себя.

— Не долбаный конец света? — повторяет он мой вопрос, в его глазах злость. — Ах ты, маленький сукин сын. Твоя мать, может, мягкий человек, раз даёт тебе деньги на одежду и наркотики, но ты не имеешь никакого права появляться в моём доме и...

Я отталкиваю его руки:

— Ты хочешь в этом разобраться, Папочка, — говорю я, чувствуя, как нарастает отвращение. — Так вперёд.

— Прекратите! — кричит Кэтрин. Да, кричит. Что заставляет её отца перевести взгляд на неё, и, если судить по его выражению лица, он не ожидал такого.

— Что ты только что сказала? — переспрашивает он.

— Думаю, мы все должны успокоиться, — говорит Элла, стоя у дальнего конца стола.

— Бен, Колтер не твой ребёнок, а мой, и я лучше знаю, что для него...

— Ох, Элла, уволь, — поднимаю руки вверх.

— Я не желаю слышать, как ты зовёшь свою мать по имени, словно она одна из твоих подружек, — твякает сенатор.

— Тебе не кажется, что это не твоего ума дело, а? — спрашиваю. — Я не один из твоих подчинённых, так что не нужно указывать.

— Бен! — кричит Элла. — Я сказала, это мой ребёнок. Колтер и я так общаемся. И ты не должен менять этого, давая указания.

— Твой *ребёнок* уже взрослый, — отвечает сенатор, его голос становится выше. — Не малыш. И время объяснить ему, как себя нужно вести в таком возрасте. Вы двое уже взрослые и...

Кэтрин снова вопит, прикрывая руками уши.

— Святое долбаное дерьмо, — кричит она.

— Кэтрин Ева Харисон, — проговаривает Сенатор. — Не упоминай Бога всуе в этом доме.

— Я не могу уже слышать всю эту хрень! — орёт она. — Да, Колтер и я слегка повздорили. Да, это теперь в газете. Да, это дойдёт до парламента. Мне жаль, что таким образом объявили о твоей помолвке. И если уж ты решил поговорить об эгоистичных чертах характера, то давай поговорим. Понимаю, ты замотался и всё такое — дом — работа, работа — дом — но мог бы мне рассказать об Элле? Не знаю, ты хотя бы мог мне сказать о том, что собираешься снова жениться? — Кэтрин задавала эти вопросы, в то время как её голос дрожал.

Я сделал шаг назад, скрещивая руки на своей груди, самодовольная улыбка тронула мои губы. Передо мной стояла уже не та маленькая папина дочка. Я просто не мог поверить тому, как она ярко выражала свою точку зрения отцу.

— Думал, ты будешь рада услышать это дома, — вдруг начинает обороняться он.

— Да, папочка, видишь, как я радуюсь, — отвечает она. — Знаешь, каково мне было, когда я пришла и увидела вас троих в дверях. Уверена, что так говорят во всех родительских книгах. Найти слабое место, на которое можно надавить, да?

— Я принял решение, которое было более подходящим для...

— Ты держал эти отношения в секрете! — прикрикнула Кэтрин. — Ты хоть понимаешь, как по-идиотски себя вёл? Ты собирался ударить Колтера на грёбаной кухне! Так ты ещё не видишь, кто тут из нас эгоист? Мама бы *ненавидела* того человека, которым ты стал, и тебе это прекрасно известно.

Как только она произнесла слова о своей матери, все словно затаили дыхание. Сенатор тут же побледнел.

Кэтрин продолжила.

— Ты привёл их, — она не посмотрела на меня, просто указала в нашу сторону, — в летний дом, наш дом. Её дом.

— Она умерла! — крикнул сенатор. — Твоя мать мертва уже чёртовы четыре года.

— Не могу об этом говорить, — ответила она, глядя на сенатора с разочарованием, и прошла мимо меня, не удостоив взглядом.

Всё ещё стою, даже не смея произнести хоть слово. Сенатор склоняется над столом,

опустив ладони на гладкую поверхность и при этом склонив голову. Я злюсь на него, потому что чувствую, как сейчас плохо Кэтрин.

Элла смотрит на меня с выражением боли на лице.

— Колтер... — начинает она.

Но я прерываю её, она просто скажет сейчас какую-нибудь чушь, а мне этого не хотелось.

— Да похуй на это дерьмо, — говорю. — Я ухожу.

Я мчусь, переступая через две ступеньки, в свою комнату, где лежит мой бумажник, но меня интересует только одно, не уехала ли уже Кэтрин. Зайдя в комнату, хватаю кошелёк и сигареты, и, выйдя из неё, я замираю возле дверей комнаты Кэтрин. Они немного распахнуты, но я по-прежнему стою на месте, не решаясь войти. Затем дверь открывается, и я сталкиваюсь лицом к лицу с удивлённой Кэтрин.

Сначала я думаю, что она рада меня видеть, но следующие слова говорят об обратном:

— Серьёзно, Колтер, мне не нужно сейчас это дерьмо. Я не в настроении. Я просто хочу убраться отсюда.

— Нужна компания?

Её брови ползут вверх:

— Ты это так шутишь?

— Я не какой-то там последний мерзавец. Правда, — отвечаю в свою защиту. *Я не такой уже и плохой парень*, вот что хочу сказать. Просто, когда она поблизости, я начинаю вести себя как мудака.

— Ты что, пытаешься включить роль заботливого брата?

— Я просто хочу убраться отсюда, — возражаю я уклончиво.

— Прекрасно, — она забрасывает сумку себе на плечо, и я следую за ней к входной двери. Возле ворот нас встречают три фотографа, как только они видят нас, тут же направляют объективы в нашу сторону.

Кэтрин только тяжело вздохнула, но всё-таки зашагала дальше.

— Им что, нечем заняться?

— Колтер, Кэтрин, вы действительно так ненавидите друг друга? Можете рассказать нам, что вас связывает?

— Занимайтесь своим делом, — отвечает она. — Серьёзно. Посмотрите, мы стоим здесь, разве нет? Почему бы вам не сделать наше фото, где мы *не* убиваем друг друга. Мы друзья. На этом всё.

Обвиваю её плечи рукой.

— Улыбнись, — шепчу я, Кэтрин тут же смотрит на меня, а затем выдавливает из себя милую улыбку.

Фотографы закатывают глаза, а мы стараемся идти быстрым шагом по тротуару ещё два квартала, прежде чем кто-то из нас заговорил. Затем Кэтрин смеётся. Звук такой светлый и мелодичный. Я с удивлением смотрю на неё, потому что не думаю, что за два года в Брайтоне слышал её искренний смех. В этот момент она была весёлой, но в школе сама серьёзность. Она всё продолжает смеяться, в этот раз уже хватаясь за живот и вытирая слёзы с глаз.

Кэтрин наконец-то остановилась и посмотрела на меня:

— Что? Ты пялишься.

— Ты смеялась как человек, который *сошёл с ума*.

— Мой отец возненавидит то фото, знаешь, — говорит она. — Думаю, мы должны подождать, пока это просочится в СМИ. И тогда его пиарщику будет, что сказать.

Я пожал плечами.

— Думаю, мне плевать, что на это скажет твой долбаный папочка, — мы все также продолжаем идти, но понятия не имею куда. Я вытянул пачку сигарет, а затем заметил сверлящий взгляд моей спутницы. — Хочешь? — спрашиваю я.

Кэтрин покачала головой:

— Почему бы тебе не вернуться в Голливуд или куда-нибудь ещё на лето? У моего отца теперь есть весомый аргумент, почему ты не должен ехать в Нью-Гэмпшир, думаю, так будет разумней сделать. Ты же не хочешь терпеть всё это дерьмо целое лето?

— Трастовый фонд, — говорю я. — Элла держит его, и если я уйду, то останусь без гроша. Это правда, что дом в Нью-Гэмпшире твоей матери?

Она пожимает плечами.

— Это было её любимым местом. Мы жили на ферме в Лоудоне, когда я была ребёнком, но затем мой отец продал её и купил дом у озера, поскольку остальную часть года собирался пробыть в округе Колумбия. Моя мать любила Нью-Гэмпшир, поэтому, даже если мы проводили там только лето, это было её местом.

— А теперь он решил повезти туда Эллу. Это самый отвратительный поступок.

— Это ничего, знаешь? Небольшое дело, — могу сказать, она чего-то недоговаривает. — Элла кажется хорошей. Эм, я хочу сказать, это странно, что ты называешь её по имени.

Мы стоим у входа в метро.

— Ты имеешь в виду вместо дорогой мамочки? — спрашиваю. — И куда, чёрт побери, мы идём? — мне снова захотелось курить, хоть я и курил десять минут назад. Рядом с Кэтрин я всегда напряжён. Или это из-за того, что я рядом с ней, её рука касается моего плеча. Возможно, потому что я не хочу больше притворяться.

— Не знаю, — отвечает она. — Я просто хотела убраться куда-нибудь. У меня даже не было никаких планов.

— Ты не кажешься спонтанной девушкой, — усмехаюсь. — И я не собираюсь ехать в дом твой мамы, знаешь. Если ты, конечно, этого не хочешь, — говоря ей это, я даже не знаю, хочет ли она это знать или нет.

— Откуда тебе знать, какая я? — спрашивает она, морща нос. — Я же сказала, мне всё равно. Не хотелось бы говорить о ней.

Мы заходим в метро, болтая о всякой ерунде. Кажется, сейчас она немного успокоилась, я рассказываю ей истории о друзьях моей матери, звёздах Голливуда, и как их снимки попадали на первые страницы журналов. Она смеётся, и это музыка для моих ушей.

— Где мы, чёрт возьми? — говорю я, когда мы выходим на одной из остановок.

Кэтрин пожимает плечами:

— Понятия не имею. Но точно знаю, что очень далеко от того чёртового дома. Есть планы получше?

Я поднимаю руки вверх в знак капитуляции:

— Что только пожелаешь, Принцесса.

Она игнорирует меня, и мы направляемся в парк. Я абсолютно ничего не знаю об округе Колумбия, поэтому у меня никаких догадок о том, где мы сейчас находимся, не то что в Нью-Йорке или Голливуде. Но она выглядит так, будто знает, куда идёт, и я следую за ней, не говоря ни слова. Мы на самом деле поладили, и впервые с тех пор, как я её узнал, мне с

ней очень интересно зависать.

— А ты не такая уж и плохая, Принцесса, — говорю я. — Хочу сказать, что ты не ведёшь себя как сука.

Она смеётся:

— Не могу поверить, что ты меня так назвал.

— Сукой? — переспрашиваю я. — Ты же знаешь, что это шутка. Не принимай это дерьмо так близко к сердцу, дорогуша.

— Интересно, все люди думают, что я сука?

Честный ответ — да, но я пожимаю плечами:

— Кого волнует, что они думают?

Кэтрин оборачивается и смотрит на меня:

— Ну, это намного лучше, чем быть избалованным придурком.

Я улыбнулся.

— Кто бы говорил, Гарвард, — сейчас мы находимся в безлюдном месте, вокруг слишком много деревьев. Я вытаскиваю самокрутку, и Кэтрин бросает на меня взгляд.

— Ты совсем дурак? Мы же на публике.

— Это не займёт и пятнадцати минут, — ответил я. — Ну же. Пошли вон за то здание.

Кэтрин вздохнула:

— Сначала то фото в газете, а теперь ещё ты хочешь, чтобы нас арестовали за хранение.

Мой отец нас нахрен убьёт.

Я ухмыльнулся.

— Давай, Принцесса, — подразнил я. — Ты что, струсила?

Она следует за мной в сторону здания, а заём мы прячемся за деревьями, стоя рядом с туалетами.

— Я не какая-то наивная девчонка, — говорит она. — Я уже накуривалась раньше.

— Конечно же, ты не такая, Принцесса. Ты уже практически хренова рок-звезда, — я запаливаю и протягиваю ей самокрутку с травкой.

— Закройся, — говорит она, делая затяжку. — Это ты увязался за мной, а не я. Если у тебя есть куча крутых друзей, то можешь валить к ним.

— Круче, чем ты, Принцесса? — спрашиваю я, когда она передаёт косяк мне. — Думаю, это невозможно. У меня нет таких друзей, у которых папы будущие президенты.

Она закатывает глаза:

— Так в этом вся суть. Всегда всё заключалось в этом. Выгода. Моя мать ненавидела это, знаешь.

— Вещи, связанные с политикой?

— Политику, — поправляет она. — Думаю, она ненавидела её так же, как и моего отца.

Они очень много ссорились.

Мы молчим несколько минут, пока курим, и я не хочу нарушать эту тишину. Жду, пока мы закончим, затем идём обратно в парк, чтобы заговорить.

— Что насчёт тебя? — меня всё больше интересует эта девушка.

— А что насчёт меня?

— Ну, будущая дочь президента — это про тебя?

Она смеётся, и этот звук резкий.

— Не имеет значения, — отвечает. — Разве ты не знаешь плана? Во всяком случае на некоторое время: его перевыборы в Сенат в этом году, и он не хочет выдвигаться в

президенты на следующих выборах. Так что это будет после этих президентских выборов. Шесть лет — большой срок, — она изучает меня. — Знаешь, я не такая, как ты.

— Не может быть, — не могу поверить, что она такая же, как и я.

— Это должно быть приятно, когда пофиг, что думают другие, — говорит она.

— Ты могла бы попробовать это как-нибудь, — слова слетают с моего языка, прежде чем я подумал, Чёрт, она не должна так на меня влиять. Я не смогу с этим долго бороться.

— Это будет замечательно, — говорит Кэтрин. И думаю, она подразумевает именно это.

Мы подходим к скамейке и садимся на неё плечом к плечу. Мне нравится эта близость, но она по-прежнему ничего не говорит, поэтому мы сидим молча. Наверное, это звучит как-то сопливо, но мне нравится сидеть с ней вот так.

Когда мы уже собираемся встать, я хватаю её за руку и тяну на себя, и мы замираем. Мои глаза тут же опускаются на её грудь, она одета в футболку с небольшим вырезом, который открывает отличный вид, но мне хочется увидеть больше. Она томно вздыхает, вместе с этим и её грудь тоже вздымается, а я в это время смотрю на её нижнюю губу, как она немножко приоткрыла свой ротик. Затем Кэтрин делает это движение, проводит своим язычком по ней, и я уже представляю, как эти губы будут обёрнуты вокруг моего твёрдого члена, сладко посасывая его.

Я в страстном поцелуе обрушиваю свои губы на её, и она стонет в мой рот. Её язык встречается с моим, а руки ложатся на мою грудь, сжимая мою рубашку и сминая ткань, а затем она притягивает меня к себе. Она прижимается ко мне, выгибая спину, и трётся бёдрами о мой твёрдый член.

В ответ я хватаю её за попку. Меня абсолютно не волнует, где мы находимся, мне нужно раздеть её прямо в центре парка и хорошенько оттрахать.

Но потом, как внезапно всё это началось, так же и закончилось. Она прижимает свои ладони к моей груди и отпихивает меня, а затем начинает тереть свой рот, словно только что поцеловала какую-то мерзость. Я смотрю в это время на неё, пытаюсь понять, какую игру она ведёт, но не могу сейчас ясно мыслить. Всё, что мне известно, так это то, что мой член твёрд как камень, а она выглядит так, будто съела что-то испорченное.

— Не смей, Колтер... — говорит она, держа свои руки так, словно я какой-то долбаный насильник. Блядь, будто я схватил и поцеловал её против воли, и при этом она даже не прижималась ко мне и не стонала в мой рот.

— Не смей чего, Принцесса? — спрашиваю я. — Ты та, кто тёрся о мой член, будто он волшебная лампа.

Кэтрин качает своей головой, прижимая свои пальцы к губам. Они распухли, кожа вокруг них красная от поцелуя.

— Этого больше не повторится, Колтер, — я тут же приблизился к ней. Мне так хочется к ней прикоснуться, а её поведение уже начинает бесить.

— Не волнуйся, сладкая, — говорю я. — То, что я твёрдый и хотел трахнуть, ещё ничего не значит.

Она как-то странно смотрит на меня. Думаю, это всё же разочарование или что-то такое, но блядь, это же она меня отвергает. И тут снова возвращается старая Кэтрин:

— Просто... Просто держи свои руки подальше от меня, Колтер.

— Держать *мои* руки подальше от *тебя*? — не могу прекратить смеяться. — Это забавно. Не волнуйся, Принцесса, твоя киска не волшебная, и я не претендую на неё. Ох, и да, мне не будет сложно держать свой член подальше от такой красотки.

Она напряглась, её взгляд сверлит во мне дырку, а челюсть сильно сжата.

— Отлично. Рада это слышать. Мы должны быть взрослыми. Другими. Должны нормально относиться друг к другу.

Между нами повисла гнетущая тишина, она стоит здесь передо мной, как и я перед ней. Знаете, по-моему, я даже не вникал в её слова. Я только думал о моём члене, который вжимался в молнию джинсов. Думаю, такое её отношение сделало всё ещё хуже.

Очевидно, у моего члена плохой вкус в отношении женщин.

— Так ты собираешься вернуться в дом моего отца?

Я пожал плечами.

— Неа, — отвечаю, вынимая пачку сигарет из кармана. — Думаю, я пойду потусить. Там нет смысла быть твёрдым и не иметь возможности использовать это.

Я сказал это, чтобы ранить её, и выглядело так, будто всё сработало. Она несколько раз моргнула, а затем развернулась, направляясь к выходу.

— Хорошо. Без разницы. Веселись.

Я так и остался стоять на месте, смотря ей вслед, мои глаза не покидали её, пока она не скрылась из виду. Боже, но как она отвечала на мой поцелуй, а затем вытерла рот, неужели я ей так противен? Возможно, она была хорошим перепихом, но не больше. Я не нуждаюсь в ней.

ГЛАВА 6.

КЭТРИН

Я всегда любила лето в Нью-Гэмпшире. Когда мой отец впервые стал сенатором, он продал фермерский домик в Лоудоне, где я провела свои ранние годы, и перевёз нас в округ Колумбия на время школьного года. Но моя мама и я решили поехать на лето в домик на озере Уиннипесоки. Мой отец присоединился к нам, летая между Нью-Гэмпширом и округом Колумбия на протяжении раннего лета, и оставался постоянно, когда Сенат уходил на летние каникулы. Он никогда не любил этот штат, несмотря на то, что политически был привязан к нему. Он приезжает сюда время от времени, но надолго не задерживается, так как постоянно летает в Нью-Йорк или в округ под предлогом политических и благотворительных событий.

Что же касается меня? Я очень люблю это место. Я плакала, когда он продал наш первый дом. Тогда он сказал, что ненормально вести себя так и привязываться к тому, что не имеет никакого значения («Это всего лишь чёртов дом, Кэтрин»), мне тогда было семь, поэтому я сказала, что никогда не буду привязываться к чему-то. Но не сдержала обещания. Этот летний дом стал моим самым любимым местом, и, наверное, ещё потому, что он был единственной связью с моей умершей мамой.

Так что приезжать сюда на всё лето не было такой уж плохой идеей, если, конечно, мой отец не начинал вести себя как последний засранец, раздавая всем команды. Он очень уважаемое лицо, занимающее высокую должность, выборы для него не такое уж и волнующее дело. Он думает, что просто делает благое дело. И он как всегда победит с большим отрывом на выборах, как было и раньше. И кроме того, между сессиями в сенате он не сможет прилетать сюда, поэтому я буду сама себе хозяйкой. Или была бы, если бы Колтер не нарисовался на горизонте.

Хотя до сих пор могу. Я понятия не имею, где сейчас Колтер. После того, что случилось в парке, он так и не вернулся домой той ночью. Откуда я знала? Я прислушивалась к каждому шороху. Тот факт, что он пошёл на попятную и снял каких-то девок после поцелуя со мной просто потому, что у него была эрекция, заставляет меня ненавидеть его. И когда Элла сказала, что он вернулся в Малибу на несколько дней, то извините меня, но я была ужасно рада.

Если мне повезёт, то, может быть, я больше его никогда не увижу.

Проблема только в том, что я всё ещё чувствую прикосновение его губ к моим. Моё тело жаждет его, и от этого мне противно.

Мне всего лишь нужно сосредоточиться на чём-то другом. Например, как же хорошо снова вернуться в своё любимое место на всё лето. Я люблю его: эти красиво выкрашенные белой краской стены, этот чистый бодрящий воздух. Люблю это крыльцо и этот небольшой балкон в моей спальне, где я всегда что-то рисую в тишине и спокойствии. Я хочу провести это лето в одиночестве. Без Колтера или Эллы, так как это место принадлежит только мне и моей матери. Не хочу портить свои воспоминания о ней.

И точно не хочу видеть здесь Колтера по той причине, что, когда я смотрю на него, он всегда напоминает мне о той ночи. Не хочу его, потому что он всегда пробуждает во мне страсть и похоть. Особенно похоть. Это до слёз смешно и неуместно не только потому, что он собирается стать моим сводным братом. Это смешно и неуместно оттого, кто такой Колтер Стерлинг. Он грубый и язвительный мерзавец, который не может удержать свой член в штанах.

И проблема в том, что я не могу перестать думать об этом мерзавце.

Не могу перестать думать о том поцелуе в парке, как губы Колтера с невероятной страстью накрывали мои, его касания, напор. Только одна мысль об этом посылает дрожь по спине, поэтому мне необходимо думать о другом. Но я на инстинктивном уровне хочу его. Я не должна хотеть такого парня: пошлого, глупого, заводящего интрижки на одну ночь. Не должна хотеть этого мерзавца даже в плане секса.

Но как всегда есть одна проблема, он просто-напросто запудрил мне мозги. Потому что именно с той ночи я не могу перестать думать о сексе.

Я должна выбросить Колтера из головы и провести эту неделю только для себя. До вечера пятницы я избавилась от компании Эллы и отца, от этих влюблённых подростков. Я даже не хочу думать об их свадьбе и слышать это «милое» оживление Эллы. И также не хочу сталкиваться каждое утро с Колтером в ванной. Возможно, он решит остаться в Голливуде и не приедет с ними в пятницу вечером, ведь в субботу у нас завтрак с блинчиками.

Я замерла с карандашом в руке. Субботний завтрак с блинчиками — ежегодная традиция, этот неубедительный PR-ход мой отец устраивает в начале лета в том мама-и-папа кафе в городе. Мы ели блинчики и улыбались, а он целовал детей и говорил, насколько значимо для него это место.

«Кэтрин, — неизбежно спрашивал репортёр. — Делает ли он так дома? — и я улыбалась, держа вилку с наколотым кусочком блинчика. — Когда я не в школе, он делает это каждую субботу. Блинчики и горячее какао: так же, как и когда я была ребёнком».

Я, блядь, ненавижу блины.

Кажется, я потерялась в своих мыслях, угольный карандаш всё ещё двигался по странице альбома для рисования, а я утопала в этом звуке, что был своего рода медитацией для меня. Да, искусство было моим наркотиком, чтобы забыть всё плохое. Я стала заниматься им

после смерти моей мамы, в шкафу в спальне у меня есть коробка, наполненная этюдами и картинами с того времени.

Стук в дверь выдернул меня из мыслей. Я тут же закрыла свой альбом для рисования и сунула его под матрас.

Роуз стояла на пороге, одетая в платье и фартук. Она другая причина, почему это место чувствовалось как дом. Роуз смотрела за мной до того, как мы переехали в округ Колумбия, и работала у нас каждое лето после. Также эта женщина заботилась о моей маме, когда та заболела. И после смерти моей мамы она была той, кто гладил мои волосы и мягко говорил со мной, когда я рыдала, растянувшись на подоконнике в библиотеке и устроившись головой у неё на коленях.

Когда посмотрела на неё, то испугалась, что она поймёт, чем я занималась. Бросила взгляд на постель, как будто бы альбом, заполненный рисунками обнажённого Колтера, может каким-то образом выпрыгнуть из своего убежища под матрасом и показать себя во всей красе. Но, конечно, он спрятан.

— Кейт, — проговорила она, теребя пальцами свой фартук. — Уже два часа дня. Тебе не пойдёт на пользу сидение в своей комнате.

Я пожала плечами.

— Я просто рисую.

Она качает головой и цокает языком:

— Я пеку булочки с корицей и хлеб. Ты просто обязана поесть. От тебя скоро останутся одна кожа да кости.

Я засмеялась:

— Роуз, я набрала вес во время выпускных экзаменов. И да, я скоро в джинсы не влезу, если буду так есть, — но всё-таки следую за ней вниз.

Она неодобрительно покачала головой и снова цокнула языком.

— Ну да, такая толстая, что прямо из штанов выпадаешь, — бормочет Роуз. — Ох, уж эти современные дети.

— А что мы? — спрашиваю я, выдвигая стул, который стоит у огромного стола на кухне.

Мраморная поверхность вся усыпана мукой и пекарскими штучками. Роуз достаёт что-то из тумбочки, а затем передо мной оказывается огромная — практически размером с мою голову — свежеиспечённая булочка с корицей, политая глазурью.

— Ешь, — командует она. — В моё время были худыми из-за того, что не могли купить себе еду.

— Конечно, мамочка, — мне не нужно повторять дважды, чтобы съесть гигантскую коричную улитку. Мокнув палец в глазурь, я сунула его в рот, мои глаза непроизвольно закрылись. Боже, как же вкусно, она ещё тёплая из духовки и намного лучше, нежели та магазинная хрень.

Когда я открыла глаза, Роуз смотрела на меня, ожидая вердикта.

— Ну?

— Что «ну» Роуз? — спросила я, ухмыляясь.

— Юная леди, вот только не нужно этого сарказма.

— Это просто потрясающе. Конечно, ты как всегда на высоте.

Её лицо озарила улыбка, и она снова занялась тестом.

— Ты будешь виновата в том, что я начну появляться на первых страницах газет с

заголовками «Дочь сенатора жирная», — говорю я, запихивая большой кусок себе в рот.

Роуз фыркает и указывает на меня скалкой. Она выглядит немного угрожающе, её седые волосы собраны в пучок, а очки немного сползли на носу.

— Чтобы больше я не слышала с твоего рта таких слов, Кейт Харисон.

— Что?

— Ты прекрасно поняла, о чём я. Это дурацкое слово. Жирная.

— Просто говорю о том, что будут болтать СМИ, — защищаюсь я.

Она снова поворачивает ко мне свою голову.

— Ты говоришь, как та женщина, — «та женщина» — PR-менеджер моего отца. Думаю, официальный термин — директор по связям. Мона. Роуз прекрасно знает её имя, но предпочитает не произносить его. — Та женщина, которая одевает тебя и говорит всякую ерунду.

Уже представляю, что скажет при встрече Мона, увидев меня снова, и уже слышу, как она говорит «тотальная катастрофа». Я просто картинка для моего отца на обложки газет и журналов. Мне бы хотелось увидеть её лицо, если она узнает, что Колтер показал мне не только средний палец.

— Ты прекрасно знаешь её имя, Роуз, — говорю я. — Мона.

Она продолжает раскатывать тесто:

— Ты становишься всё больше и больше похожей на неё, знаешь?

— Правда? — переспрашиваю, мой рот полон, а я представляю себе Мону: высокую и худую, с огненно-рыжими волосами, подстриженными в идеальный боб, вечно одетую в костюм, подогнанный под её модельную фигуру. — Я совсем не выгляжу как Мона.

Роуз принялась добавлять корицу в тесто и снова раскатывать его.

— Нет, не как Мона. Не глупи. Ты похожа на свою маму.

— Моя мама была элегантной и безупречной, — говорю. — Я полная противоположность этого. Я стараюсь быть изысканной. Но после фото в газете...

Роуз ещё не упоминала о них. Но я знаю, что она уже видела их. Она не отрывается от теста, но я уверена, что на её лице улыбка.

— Я видела тебя с тем мальчиком, новый...

— Новый сводный брат.

Она лепит булочки, а затем выкладывает их на противень. Это уже второй противень булочек с корицей, и боюсь, что они все предназначены для меня.

— Сводный брат. Я думала, ты его позовёшь с собой.

— Ты уже встречалась с Эллой? — спрашиваю я. Интересно, а если мой отец уже привозил сюда Эллу. Интересно, как долго он держал свой секрет в тайне.

Роуз поджигает губы:

— Это, конечно, было новостью и для меня. Хотя ничего удивительного, что я не знала об этом.

— Она крутая звезда.

Роуз приподнимает брови:

— Ещё бы. Ты же знаешь, какие у твоего отца политические мотивы.

Я фыркаю, в то время как Роуз засовывает противень в печь:

— Они приедут завтра, ты же знаешь.

— Хорошо, — говорю я сквозь стиснутые зубы. Не хочу видеть эту парочку. Но ещё больше я не хочу видеть Колтера.

— Кхе-кхе, — кашляет она, чтобы привлечь моё внимание. — Так вот почему ты здесь, хотелось побыть подальше от всего этого, — она поворачивается ко мне, её руки на бёдрах. — Ты же знаешь, что я не очень рада видеть целыми днями тебя, сидящую в своей комнате. Она не станет заменой твоей матери.

— Это не так, — протестую. Я уже не та маленькая девочка, которая верит в сказки и будет рада этой суке. Я раздражена и зла на своего отца, он лицемерный и лживый, вечно диктующий, как мне жить.

Кроме той ночи с Колтером.

— Ну, так что?

— Ничего, — не могу рассказать ей о том, что произошло с Колтером. Этого больше не повторится. Не стоит это повторять в любом случае.

Роуз смотрит на меня.

— Убирайся из дома, — командует она. — Иди и развейся со своими друзьями. Джо тут телефон чуть не оборвала, всё спрашивала о тебе. Ты не отвечаешь на её сообщения и звонки.

Джо — подруга моего детства, которую я вижу каждое лето, приезжая домой. Мой отец ненавидит её, потому что она не «одна из нас», что на самом деле значит, что Джо ходит в обычную школу. Он даже как-то закрыл меня дома на две недели из-за дружбы с ней, пока Мона не сказала, что это может рассматриваться как элитарность, что я бросаю друзей детства, потому что они выходцы из рабочих. Я избегаю её, потому что она захочет узнать пикантные подробности о моей новой семье, а я не хочу выкладывать сплетни на тарелочку.

— Я позвоню ей.

Роуз протянула мне телефон и вышла из кухни:

— Мне надо заняться стиркой. Иди повеселись. Будь нормальным ребёнком.

— Я больше не ребёнок, Роуз, — говорю я, пятясь назад. — Я уже взрослая. Уже в течение месяца.

— Иди уже, — кричит она. — Ты можешь побыть взрослой, когда придет твой отец.

Я пролистала историю вызовов в поисках номера Джо. К чёрту быть взрослой. До сих пор единственной хорошей вещью в совершеннолетию была, ну, ночь с Колтером.

ГЛАВА 7.

КОЛТЕР

— Ты серьёзно собираешься поехать в Нью-Гэмпшир на всё лето? Это намного хуже... где, чёрт возьми, та школа, в которую ты пойдёшь? — спрашивает Дэн, расправив свои плечи. Я едва могу слышать его сквозь шум от дерьмовой рок-группы в забегаловке в Северном Голливуде, куда настоял пойти Сет, чтобы мы могли «подцепить шлюх». Как будто в Малибу не было достаточно шлюх.

— Коннектикут, — отвечаю я ему, но он меня не слышит.

Поэтому я пытаюсь разобраться в себе. Два месяца назад Колтер заинтересовался бы этим, напивался и трахнул бы какую-то девушку, имя которой никогда не спросил бы и тем более не собирался запоминать. Дерьмо, нынешний Колтер практически грёбаный монах. Уже прошло две недели, когда я последний раз предпринимал какие-то действия. Не то чтобы я не пробовал. Просто после того поцелуя с Кэтрин в парке, когда она дала мне от

ворот поворот и когда я был адски возбуждён, мне не хотелось снова ехать домой к её отцу. Так что я дрожил в гостиничном номере и смотрел телевизор. Офигенно.

— Чувак, — зовет Сет, — Нью-Гэмпшир?

— Ага. Я собираюсь туда на лето, — отвечаю я. — Трастовый фонд.

— Твоя долбаная мамочка, — кричит Сет. Он качает головой, наливая ещё один шот из бутылки, которая стоит на столе, а затем наполняет и мою рюмку. В моей голове уже стоит туман, и, на минутку задумавшись, я представляю завтрашнее похмелье. И какого хрена я поехал в это дешёвый бар в северном Голливуде. Но всё же я запрокидываю голову и залпом выпиваю шот.

— Она хочет быть Первой Леди, — кричу я.

— Блядь, — говорит Дэн рядом со мной. Его глаза налиты кровью, а зрачки расширены. — И за это она готова сосать президентский член.

— Закройся, — встаю я. — Ты вообще-то о моей матери говоришь. Я не хочу слышать это дерьмо.

Проталкиваюсь сквозь толпу людей, направляясь в сторону уборной. Я вернулся в Малибу спустя несколько дней, убегая как можно подальше от восточного побережья, от придурка сенатора и его Первой Леди, но прямо сейчас хочу убраться подальше от моих придурковатых друзей. Пробыв с ними уже несколько часов, я начал чувствовать себя словно долбаный школьник. Я просто должен вернуться в апартаменты своей матери на Манхэттене.

Когда я возвращаюсь, группа девочек, одетых в короткие топы, сидит за столом, а двое из них уже висят на Дэне и Сете, попивая алкоголь из бутылки. Дэн смотрит на меня.

— Продолжим у тебя, — говорит он.

Одна из девушек, чьи волосы покрашены в чёрный, а на кончиках в белый, вложила свою руку в мою. Слишком много макияжа на лице делали её намного старше. От неё разлило выпивкой. В другой бы день я дал бы ей отсосать где-нибудь в туалете, но сейчас мне не нужно это, поэтому я отталкиваю её и качаю головой.

— Не сегодня.

Сет от такого ответа втянул воздух.

— Чувак, блядь, что стряслось?

Я не ответил. И вдруг уже чувствую себя трезвым, будто до этого не выпил эти четыре шота. Осознаю, что погряз в этом дерьме со своими друзьями, мои ботинки прилипли к полу, что чувствуется, словно на них тонна грязи, когда я встаю и делаю первый шаг.

— Позже, — кричу я, зная о том, что они даже не слышат меня, так как заняты своими кисками, поэтому просто ухожу.

На улице ловлю такси, которое везёт меня обратно к дому матери в Малибу. Он абсолютно пуст, поэтому я слышу, как эхо моих шагов разносится по всему пространству. Я как чёртов ребёнок кричу «привееееет» просто для того, чтобы услышать в ответ эхо, а затем гнетущую тишину.

Это место выглядит нелепо. Всё белое: белые мраморные полы, белые стены, белый диван с хромированными ножками, стоящий на белом ковре. Такое чувство, что я в больнице, попытка Эллы всё «очистить».

Моя комната тоже стала изменённой: белая кровать, стоящая в комнате с белыми стенами, что практически слепило. Я бы всю эту чистоту превратил в чёрный цвет, но, боюсь, мать не пошла бы на такой шаг.

Единственным, что имело здесь цвет, были картины — некоторое дерьмо людей, которые их рисовали. Всё это было создано для того, чтобы люди думали, что она не только звезда, но и ценитель искусства. Она круто разбирается в картинах. Она круто разбирается в людях. Она крутая во всём.

Ага, конечно. Она может притворяться, что срёт розами, но это всё-таки дерьмо. Я знаю правду о прошлом Эллы и моём отце, которого она так отчаянно старалась похоронить. Сколько бы наград и премий она не заработала, сколько бы не вносила денег на пожертвования, сколько бы не посетила стран, опустошённых после войны, от прошлого ей не убежать.

Я лёг на кровать, не удосужившись даже снять ботинки. Элла заказала этот шёлк в Монголии, не знаю, как им удалось сделать его таким уютным, но иногда эта женщина покупала стоящие вещи.

Люди думают, что я всего лишь богатенький мажор, который тратит деньги своей матери и живёт сказочной жизнью. Да, я привлекал к себе внимание, но мне было пофиг, кто и что там думал. Я не играл в игры, как остальные в Брайтоне или Голливуде, где шли по головам друг друга к вершине. На самом деле я был честным, а людям, как известно, это не нравится.

Ну и моя мать, конечно, ненавидит это.

Я просто не скрывал все тайны этого чёртового выбеленного дома. И это не так уж и плохо.

Завтра я еду в Нью-Гэмпшир. Элла вынудила меня, пока она имеет надо мной власть, поэтому выслала мне билеты в первый класс. Этот дурацкий ужин-традиция, что это вообще такое? Мы будем, наверное, притворяться большой дружной семейкой, есть нашу еду и делать показуху для камер. Я буду делать вид, что подстроился к жизни с Самым Дорогим Папочкой и его идеальной дочерью. Дочерью, от одной мысли о которой я становлюсь твёрдым.

Этот чёртов Нью-Гэмпшир. Я мог бы даже носить поло. Это доведёт придурка сенатора до проклятого сердечного приступа.

ГЛАВА 8.

КЭТРИН

— Она же абсолютная стерва, да? — спросила Джо, щёлкая своей жвачкой. — Или она никогда не демонстрировала себя настоящую перед камерами? Скажи мне, что она неидеальная, — Джо выдавливает огромное количество солнцезащитного крема и размазывает его по рукам, затем снова ставит бутылку между нами. Я беру её и делаю то же самое. Роуз права: солнце отлично бодрит, а Джо прекрасно справляется с миссией «поднять настроение».

Она почти заставляет меня забыть об отчаянии, моём отце и Элле, которые приедут сегодня вечером. Не знаю только одного, когда приедет Колтер, да, наверное, и не хочу знать, ведь я даже не спросила своего отца, когда он рассказывал о планах своих поездок.

Я уже становлюсь параноиком, потому что думаю, что отец может унюхать мо. похоть к Колтеру, словно я животное в течке.

Вздыхаю, нанося крем на ноги:

— Элла... Думаю, она нормальная.

Джо откидывается на полотенце, разложенное на пристани для лодок, потянув за краешек клетчатого чёрно-белого купальника, такого ретро-стиля с завязочками на шее. В этом году она сделала татуировку в виде цветков вишни, которые переплетаются с японскими иероглифами, на бедре, и половина её скрыта под купальником. На самом деле я не знаю, почему мы лежим здесь в купальниках, наслаждаясь лучами солнца, намазанные кремом для загара, в широкополых шляпах, из-за которых практически ничего не видно. Но это то, что мы делаем в течение всего лета, думаю, это привычка.

— Нормальная? — переспросила она. — Элла Стерлинг всего лишь... Нормальная? Урод собирается жениться на самой известной звезде и просто ставит тебя перед фактом... Это всё, что ты мне скажешь? Да ладно, — она смотрит на меня из-под своих очков, но я не могу увидеть её глаза. Потом она начинает тереть свой нос. — Я требую деталей. Все последние события.

— Она всего лишь... Нормальная, — повторяю снова. — Она не сучка. Элла на самом деле... *Скучная?*

— Типа она неинтересная?

— Возможно. Или она не очень напористая, — ответила я. — Это сложно объяснить или рассказать. Мой отец довольно...

— Облажался? — закончила Джо.

Я засмеялась:

— Это не то, что я хотела сказать.

— Думаю, ты об этом подумала, — она откидывается назад, а затем выгибается, выставляя грудь напоказ, хотя тут только мы.

— Я точно не думала об этом.

— Продолжай, пожалуйста, — говорит она. — Твой отец властный придурок, который довольствуется Эллой, контролирует тебя и...

Меня взбесила Джо, когда сравнила меня с Эллой, словно мы обе были игрушками в руках моего отца, не имея никакого права голоса.

— Я действительно раньше не видела их вместе, знаешь. Имею в виду, что то фото на его столе — с Рождества — показывает их... Счастливыми.

Джо фыркает в ответ.

— Счастливыми, — пробует она на своём языке. — И это всё, что у тебя есть для меня. В твоём доме находится Элла грёбаная Стерлинг, и всё, что я о ней слышала, это *скучная* и *счастливая*. Ты же знаешь, мне нужны грязные подробности.

Я выдохнула. Конечно. Грязь.

— Она супер... великолепная.

— Великолепная, — повторила Джо недовольно.

— И не любит кофе, — добавила я. — Как великолепная и не пьющая кофе по утрам.

— Это как-то неестественно, — отвечает Джо. — Я уже ненавижу её.

Теперь я не могу не улыбнуться.

— Ох, и она пьёт эти смузи, и они на запах словно дерьмо. Колтер называет их дохлой рыбой.

При упоминании его имени Джо тут же подняла голову, и я сразу пожалела о том, что сказала. Я никому не говорила о том, что произошло между мной и Колтером. Он был моим маленьким грязным секретом.

Я заберу его собой в могилу. Возможно, даже в буквальном смысле, если он продолжит так себя вести.

Я знала, что Джо смотрит на меня, её очки немного сползли к кончику носа, поэтому я могла прекрасно видеть её глаза. Она смотрела на меня так, словно я какое-то подопытное животное.

— Колтер? — спрашивает она как бы невзначай. Проговаривает его имя так, будто смакует им.

Я закатываю глаза и громко смеюсь, переворачиваясь на живот, чтобы избежать зрительного контакта с ней. Боюсь, что если посмотрю на Джо, то она прочтёт все мои мысли и заставит рассказать обо мне и Колтере. Пытаюсь не думать об этом, стараясь как можно лучше сфальсифицировать моё отвращение в тоне.

— Колтер. Её сыночек.

— А, теперь понятно, — отвечает она. — Я уже и забыла. У неё же есть сын. Он ходячая катастрофа, да?

— Ага, несчастье. Полное и абсолютное, — говоря это, я прекрасно понимала, что Джо *никак не могла забыть* о том, кем являлся сын Эллы, потому что эта девчонка слишком любит бульварные газеты и журналы. Она, наверное, умирает, как хочет задать вопрос, и я знаю каков он будет. Она уже успела увидеть ту статью с нашим фото. Но я определённо не хочу говорить с ней о Колтере.

Джо перекачивается на бок, подкладывая руку под голову, её локоть лежит на настиле пристани.

— Расскажи мне всё.

Я открыла рот, чтобы сказать то же дерьмо, которое рассказала об Элле, но вместо этого вырвалось совсем иное.

— Он просто... *Мерзавец*, — ответила я. — Он думает, что великий бунтарь, представляешь? Из-за кучи пирсинга и тату. Не обижайся, я хотела сказать... — посмотрела вниз на её новую цветущую вишню, и она засмеялась.

— Ничего. Продолжай.

— Ох, и эта его дурацкая привычка непрерывно курить. Это отвратительно. Прикинь, он выдохнул мне дым в лицо. Ради всего Святого, моя мама умерла от рака. Можно подумать он это понимает, долбаный болван.

— Какой нахал, — ответила она.

— Именно. Он просто высокомерный, эгоистичный, задротный умник. Он груб, отвратителен и переспал с каждой девчонкой в Брайтоне. Думаю, и на Манхэттене та же история. И в Голливуде, — я закатила глаза. — Они бросаются на него, словно на он мороженое на палочке или что-то типа того.

— Или из-за того, что он знаменитость? — предполагает Джо.

— Без разницы, — отвечаю я. — Он не чёртова знаменитость. Он *сын* знаменитости. Большая разница. Он ничем не прославлен. Это то же самое, что назвать меня сенатором.

Джо морщит нос:

— Он ни в каком шоу не участвовал?

— Пф, он? — говорю саркастически я, но на самом деле не знаю ответа на этот вопрос. *Участвовал ли Колтер в каких-то шоу?* Это не похоже на него. Думаю, он скорее будет контролировать весь этот процесс, чем принимать участие в нём. Но кто, чёрт возьми, вообще знает этого Колтера. Он непредсказуем. Что хочет, то и творит.

Джо пожимает плечами:

— Возможно, я ошиблась, и другого парня снимали в том шоу, которое происходило в реабилитационном центре. Ну, неважно. В любом случае ты его не выносишь. Это же очевидно.

— Точно, — ответила решительно. Я *определённо* не могу устоять (прим.: глагол to stand имеет много значений, в данном случае игра слов: вынести и устоять) перед ним.

Образы того, как он смотрит на меня, как погружает лицо между моих ног, мелькают в голове, и я чувствую тепло.

— Так ты ненавидишь своего нового сводного братишку, — повторяет она.

— Заткнись. Он не мой сводный брат, — рычу я. — Нам же не по двенадцать.

— Ну-ну, не дуйся, милая, — говорит она. — Урод женится на его матери. И автоматически он станет твоим сводным братом. Ты знаешь — это неизбежно.

— Ну и? — спрашиваю, повышая свой голос. Я прекрасно понимаю, что у меня пошла защитная реакция, но уже не могу себя остановить. — Это не так, будто я его вообще знаю. Мы не единоутробные брат и сестра.

— Я и не говорю, что ты должна, — отвечает Джо. — Не кажется, что ты слишком агрессивная? Тебе нужно потрахаться.

И я тут же вспоминаю о Колтере, и моё лицо вспыхивает. Пожалуйста, хоть бы мои щёки не стали ярко-красными. Боже, только не это.

— Ну? Ты уже сделала это с кем-то в Брайтоне, или что?

— Ага, конечно, — лепечу я. — Никто не захочет встречаться с дочерью сенатора Харисона, за исключением того, кто захочет быть...

— Мужем Первой Дочки?

— Ох. Давай не будем о свадьбах. Мне всего восемнадцать, а не тридцать.

— И кого же ты себе присмотрела? — интересуется Джо. — Может, Тед?

Я хихикаю:

— Это точно не Тед.

Она махнула пренебрежительно рукой.

— Кто ещё, — задумчиво произносит она. — Бифф?

— Чейз.

Она стонет.

— Ага. Чейз, — повторяет Джо. — Я знала, летом что-то произошло на бранче у его родителей.

— Заткнись. Он был, да, признаюсь, достаточно милым парнем, — мы встречались три месяца, и я почти сразу поняла, что он поглощён политикой. И моим отцом. Боже. Все разговоры были о практике в Вашингтоне, о ближайшей поездке туда, о политических кампаниях. Он был утомительным.

— Он был милым, да? — спросила она. — Такой весь из себя мачо.

Я покачала головой:

— Не-а. Думаю, он хотел переспать с моим отцом, нежели со мной.

Джо засмеялась:

— Так у тебя не было *никого* на протяжении всего года?

Никого. Если не считать Колтера. Моего нового сводного брата. Который спит со всеми. И которого я хотела задушить всякий раз, когда он смотрел на меня.

У меня тот ещё феноменальный вкус в мужчинах.

— Никого, — ответила я.

— Колтер горяч? — спрашивает она, словно может читать мои мысли.

— Чт... Что? — запинаясь я, переворачиваясь на спину и притягивая колени к груди.

Джо следует моему примеру и переворачивается на спину.

— Он горяч? — повторяет она. — Я хочу сказать, что да, он, конечно, придурок и всё такое, но он же озабоченный придурок, да?

— И? — спрашиваю я пронзительно. — Я его терпеть не могу.

— Что ж, он идеальный парень, с которым можно хорошо провести ночьку, — сказала она прозаично.

Боже, она реально думает, что мне от неё нужны чёртовы советы. Джо была дерьмовой подружкой для парней вот уже два года и постоянно устраивала драмы. Она самый последний человек, от которого я хочу слышать, каких парней мне надо цеплять. Меня тотчас же раздражает её заявление.

— Колтер Стерлинг будет последним парнем на Земле, которого я близко подпущу к своей вагине, — соврала я громко. *Слишком громко.*

— Вот почему он прекрасный кандидат на твою *вагину*, — смеясь, поясняет она. — Давай поясню: он спал со многими девушками, и, соответственно, Колтер опытный, поэтому прекрасно знает, что делать. И он тебе не нравится, поэтому ты сможешь быстро смыться в Гарвард.

— Некоторые люди теряют свою девственность с теми, кого любят, — заявляю я властно.

— Мхмм, — хмыкает она. — Я просто говорю, что Колтер идеальный для одной ночи.

— Ну, если *ты* так считаешь, — отвечаю я. — То вперёд, переспи с ним сама.

Она смотрит на меня, а я в это время не могу сделать того же самого, потому что мешают её солнцезащитные очки.

— Ну, возможно, я это и сделаю, — соглашается она.

Всё моё тело напрягается от её слов, и клянусь, что в эту самую минуту моё сердце замирает в ожидании. «*Это же просто Джо*», — говорю я сама себе. И почему я волнуюсь? У Колтера и меня был всего лишь секс, и то *один* раз. Ну, больше, чем один раз. Мы просто занимались сексом всю ночь напролёт. Это была просто одна ночь без каких-либо обязательств.

Джо *хочет* переспать с ним. Но мысль о ней и Колтере вместе приводит меня практически в ярость. Я прочищаю горло, чтобы сменить тему, но Джо прерывает меня.

— Кроме того, — говорит она. — Ты должна быть умнее. И поэтому не переспишь с ним. Уверена, средства массовой информации будут следовать по пятам, если ты и твой сводный братец что-то вытворите. Ты знаешь, Урод у вас главный последователь семейных ценностей.

Я не отвечаю. Но могу думать только о том, что, кажется, теряю здравый рассудок в непосредственной близости от Колтера.

ГЛАВА 9.

КОЛТЕР

Водитель подъезжает к дому, а я уже ненавижу это место. Этот огромный белый дом

напоминает чудовище. Единственное слово, которое я смог придумать для него, *безопасный*. Я закатываю глаза при мысли о том, как сенатор Придурок уже показывает всё здесь журналистам и рассказывает о важности семейных ценностей. Между прочим, он отдал своего ребёнка в школу-интернат, чтобы не мучиться с ней, и теперь собирается жениться на богатенькой звезде, а затем поднять ставки на свою кампанию. Ох, да, конечно, он тот ещё сторонник семейных ценностей.

Домработница говорит мне, что мать с сенатором ещё не приехали. Она показывает мне мою комнату и уходит, но перед этим окидывает таким взглядом, словно я испорченное молоко. Ну, предполагаю, что выгляжу чужаком в этой резиденции Харисонов. Это место, возможно, видит больше матчей по поло, чем татуировок.

Комната, конечно, выглядит как с обложек журналов с пляжными домиками. Видимо, мне досталась мужская версия. С чего я это взял? Да с того, что деревянная кровать, стоявшая в углу, была застелена сине-белым покрывалом, стол тот ещё антиквариат, и этот кораблик в бутылке, стоящий на полке. На самом деле от всех этих вещей моя голова жутко разболелась.

А с другой стороны... Чёрт, это уже другая история. В ту же самую минуту я открываю двери, ведущие на балкон, и получаю чудесную картину: две девушки лежат на животе на причале рядом с озером, их сочные задницы едва прикрыты бикини. Я ведь могу и привыкнуть к этому.

В одной из этих задниц узнаю Кэтрин. Другая же девушка с татуировкой мне не знакома, но я определённо молодец, что сделал правильный выбор и решил провести лето в Нью-Гэмпшире. Если все подружки Кэтрин такие же горячие, как эта цыпочка, то я чертовски счастлив очутиться в этом городе и быть частью семейки Стэпфорд.

Конечно же, если ещё и Кэтрин будет ошиваться поблизости в бикини, то это будет вообще легко проглотить. *Это слово снова возвращает меня мыслями к той ночи.* Как её прелестные губки нежно обхватывали мой член. Не уверен, что она делала это когда-нибудь прежде — она точно не эксперт, это очевидно — но от того, как она смотрит на меня, искренне, в отличие от лицемерных сучек из школы, я хочу кончить сразу же, оказавшись в её рте.

Конечно, мне нужно было поступить иначе после нашей последней встречи. Я умный и достаточно зрелый для своего возраста парень, поэтому должен был её просто оставить в покое и позволить ей и дальше болтать с подружкой на причале.

Хера с два. Я никогда не претендовал на то, чтобы быть зрелым.

Я уже собирался направиться в их сторону, как меня остановила домработница. Я не запомнил её имя.

— У тебя есть вещи, которые надо погладить? — спросила она.

Я поднял брови вопросительном жесте:

— Я выгляжу так, будто у меня есть что-то, нуждающееся в утюге?

Она упирает свои руки в бёдра и смотрит на меня, сузив глаза:

— Нет, ты не выглядишь так, словно у тебя есть хоть что-то, когда-нибудь постиранное.

Я громко смеюсь. Она не похожа на того, кого я ожидал увидеть у сенатора Придурка. И мне нравится эта женщина.

— Ну, как посмотреть.

Она смеётся в ответ.

— Это что-то, — отвечает женщина, качая головой и указывая в сторону блюда с

булочками, как будто я прошёл какой-то тест, позволяющий вступить в клуб, где есть бесплатные кексы и печенье. — Твоя мать и отец Кейт приедут поздним вечером. Кейт на улице.

— Спасибо, — я схватил печенье и побежал на улицу. Она очень хорошо относится к Кейт, так что, думаю, они близки.

Кэтрин и её подруга увидели меня ещё до того, как я достиг причала, но они не сдвинулись и смотрели на меня. Затем её подруга наклоняется к ней и что-то шепчет на ухо, в этот момент я жалею, что не являюсь мухой, потому что мне очень хочется узнать, о чём же они шепчутся. Когда я приблизился к ним вплотную, даже не попытался скрыть того факта, что увидел их ещё на балконе.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Привет, *сестрёнка*, — говорю я, подчёркивая последнее слово.

— Я же просила *не* называть меня так, придурок, — она сжимает руки в кулаки, хм, а девчонка злится.

Думаю, она пытается спрятаться за маской безразличия, но даже не представляет, как я забавляюсь, разглядывая её прекрасную грудь. Которую едва прикрывает ткань белого купальника, ах, и он ещё просвечивается, поэтому я прекрасно могу увидеть её тёмные ареолы и затвердевшие соски. Я не очень-то и осторожный, поэтому открыто пялюсь на неё. Боже, как же хочется снова поставить эту несносную девчонку на колени и всё очень подробно объяснить ей.

— Я просто пытаюсь быть дружелюбным с моей новоиспечённой сводной сестричкой, — отвечаю приторно-сладким голосочком. — Или это заставляет тебя чувствовать себя некомфортно, учитывая тот факт, что я твой новый сводный братец, а ты фантазируешь обо мне?

— Ты не мой новый брат, — говорит она, выделяя каждое слово, затем поднимает голову, и я ловлю её взгляд. Ноздри Кэтрин раздуваются, а я удивлён, что она так очевидно бесится.

— Технически я твой брат, *сестрёнка*, — парирую я.

— Нам по восемнадцать, придурок. Мы не выросли вместе. И наши родители ещё не женаты. Ты *не* мой родственник. Мы друг другу *никто*.

Я смотрю вниз на её подругу, которая сейчас просто сидит и наблюдает за нами, растягивая губы в улыбке. Она явно забавляется. А я думаю, как нормально смотреть на *эту*, потому что именно в этот момент она сильно нам мешает.

— Она просто обижена, так как имела возможность лицезреть мой член, а теперь не может перестать думать о нём.

— Оу? — спрашивает её подруга, а я в этот момент не свожу взгляд с Кейт, чьё лицо помрачнело. — Ты мне не рассказывала этого.

Моя сестричка посылает мне убийственный взгляд.

— Не слушай его. Колтер полон дерьма.

Её подруга снова поворачивается в мою сторону, и я замечаю затвердевшие соски, возможно, это хороший способ забыть Кейт и покувыркаться с ней.

— Полон дерьма? — переспрашивает она.

— Да, Кэтрин, я полон дерьма? И ты никогда в жизни не видела мой член?

— Закрой пасть, Колтер, — рычит она, резко поднимаясь на ноги, её лицо теперь напротив моего. Мой член тут же оживает, когда она на меня так смотрит, в её глазах

читается предупреждение. Она думает, что я расскажу о той ночи, но мне всего лишь хочется поиздеваться.

Я поворачиваюсь к подруге Кэтрин, которая всё ещё лежит на земле и наблюдает за нами.

— Она на самом деле видела мой член, — говорю я спокойно. — И она не может выкинуть его из головы.

— Ну же, Джо, — раздражается Кэтрин. — Он придурок. Давай, пойдём отсюда.

— Она разве не рассказала тебе о нашем небольшом инциденте в ванной, нет? — спрашиваю. — Как я зашёл, когда она переодевалась? — выражение лица Кэтрин тут же меняется, когда она понимает, что я не собираюсь рассказывать о *той ночи*.

— Нет, она не рассказывала мне этого, — отвечает её подруга.

Кэтрин закатывает свои глаза.

— У него нет границ, — говорит она. — Он думает, что было круто прийти в ванную и отлить, пока я была там.

Джо фыркает:

— Это грубо, да. Определённо.

— Я не хотел отливаться перед ней, — игнорирую Кэтрин. — Но если бы я ждал, пока она заткнётся, то точно описался бы.

Кэтрин издаёт звук разочарования:

— Я же говорила, он полон дерьма. Джо, ты готова?

— Джо, — повторяю я, протягивая ей свою руку. Джо поднимается, а её полные сиськи подсакивают в воздухе. И я не могу не смотреть на них. — *Так* приятно с тобой познакомиться. Друзья Кэтрин и мо...

— Только не это. Даже не думай, — говорит Кэтрин и хватается Джо за руку, а та в свою очередь заливается смехом. — Она не станет твоей подружкой на ночь. *Я* не твой друг. Ты и я не друзья. Не смей её трогать.

Я кладу руку себе на сердце:

— Кэтрин, твои слова так ранят меня.

Джо качает головой:

— Не знаю, Кейт, но вы, ребята, сражаетесь сейчас как брат и сестра.

Она обходит Кэтрин, оставляя меня и мою сестричку на причале.

Кэтрин разворачивается лицом ко мне, и я наклоняюсь к ней, мой рот около её ушка, а моя рука уже успела обвиться вокруг её запястья:

— Не лги. Ты не можешь перестать думать о моем члене. Скажи ей, сколько ты стонала, когда я был внутри...

— Ты свинья, — шепчет она. Я могу прекрасно видеть её сжатые челюсти.

— Если я свинья, возможно, Джо нужно немного свинины, а? — шепчу в ответ. Джо уже далеко, чтобы слышать нас.

— Даже не смей... — начинает Кэтрин.

Она вырывает своё запястье из моей хватки, и, пока я пытаюсь сообразить, что она собирается сделать, Кейт толкает меня в грудь, и я теряю равновесие.

Долбаное чёртово озеро.

Я выплываю и начинаю жадно глотать ртом воздух, вода жутко холодная, хоть на дворе и лето. Кэтрин и Джо смеются и уходят прочь, а затем эта чертовка оглядывается через плечо и ухмыляется.

Я показываю ей средний палец, а затем взбираюсь на причал.

Если бы кто-то другой сделал со мной подобное, он уже был бы трупом. Но Кэтрин забавляет меня. Если она хочет поиграть, я не против, у меня ещё целое лето впереди.

ГЛАВА 10.

КЭТРИН

— Повседневная, — говорит мой отец. — Повседневная, но... соответствующая, — бубнит он уже двадцать минут, раздавая всем указания насчёт завтрашнего завтрака, летнего начала его предвыборной кампании.

Я снова смотрю вниз на свою еду, продолжая ковыряться в лососе, хоть он и является моим любимым блюдом, прямо сейчас мне не хочется есть. Я пытаюсь отвлечься от всего этого дурдома, чтобы снова взять себя в руки, сидя здесь за столом со своим отцом, Эллой и Колтером. Элла с энтузиазмом кивает и лучезарно улыбается, в то время как Колтер подозрительно тихо сидит на стуле напротив меня. Он не сказал ни одного едкого комментария в течение всего ужина, и его до странности приятные манеры заставляют меня думать, что мой лосось может быть отравлен.

Колтер кивает, когда мой отец что-то говорит, словно очень увлечён разговором. Возможно, он ударился головой, когда я толкнула его в озеро. Это был не самый прекрасный момент моей жизни, но Колтер чертовски уверен, что выводит меня из себя.

Я гадаю, какой же козырь он припрятал в своём рукаве, и затем чувствую, как что-то касается моей голени, что заставляет меня подпрыгнуть от неожиданности. Я ловлю взгляд Колтера, и он подмигивает.

Это его нога.

Я рывком убираю свою ногу, стреляя в него взглядом. Война ног под столом. Это так чертовски по-взрослому.

— Знаете, сэр, — начинает Колтер. За два года в школе, я никогда не слышала, чтобы он говорил *сэр*, — я тут думал о предвыборной кампании, о переоценке моих приоритетов на лето.

— Колтер... — шипит Элла. *«Она не настолько глупа, чтобы верить этому»*, — думаю я. Она достаточно хорошо знает своего сына.

— Элла, — бросает отец, перебивая и накрывая её ладонь своей. — Дай ему сказать. Возможно, он наконец-то понял, что ему нужно этим летом. Обязательства.

Лицо Эллы побледнело, и она тут же делает глоток из своего бокала. Затем многозначительно смотрит на Колтера:

— Да. Возможно, он понял, что стоит на кону.

Уверена, она угрожает ему его трастовым фондом, и думаю, он не такой дурак, чтобы играть кампанией моего отца.

— Я просто впечатлён важностью семьи, мама, — отвечает он. *«Ага, как же»*. — И идея предполагает собой содействие политической компании, — продолжает он. — Думаю, я хотел бы попробовать слегка узнать структуру, некоторые границы, — Колтер снова скользит своей ногой по моей, а я её отодвигаю подальше.

— Ты должен во всё вникнуть, — мой отец реально настолько глуп, что готов поверить в эту чушь? — Структура и границы. Это то, что тебе нужно. Видишь, Элла, я говорил об

этом сотни раз. Структура и границы. Это два очень важных понятия в воспитании детей. Посмотри на Кэтрин. Она является примером этому.

— Кэтрин просто идеальный пример этому, сэр, — отвечает Колтер, скользя своей ногой вверх по моей. В этот раз я ударяю по его голени сильнее, и он вздрагивает.

— Знаете, я так устала, — произношу я. — Солнце забрало все мои силы.

— Правда? — спрашивает отец. — Ты уже плавала?

— Нет, вода ещё слишком холодная для меня. Но Колтер уже успел это сделать, да, Колтер? Озеро здесь так освежает.

Мой отец переводит взгляд на Колтера.

— Ты приехал сюда во второй половине дня, — утверждает он, — и уже успел плыть?

Колтер улыбается и пожимает плечами:

— Я просто не мог противостоять воде.

— Не думала, что ты любишь пляжи, Колтер, — говорит задумчиво Элла.

— Ох, это же озеро, Элла, — возражает мой отец. — Оно отличается от пляжей.

— Знаете, сэр, — продолжает Колтер, — поплавав в озере, я освежил свои мысли и тело. И хочу сказать, Кэтрин очень хорошо меня встретила. Я буквально ощущаю нас семьёй. Закадычными друзьями.

Я давлюсь водой, взглянув на отца.

— Не в то горло, — выпаливаю. — Могу я уйти?

— Иди, иди, — говорит мой отец, прогоняя меня. — Колтер, рад слышать, что ты... — его голос исчезает, как только я выхожу из комнаты и начинаю подниматься по лестнице.

Падаю на кровать и раздумываю о том, как же мне пережить это лето. Я могу сказать только одно, что нервотрёпка мне обеспечена.

Нервотрёпка и сексуальная неудовлетворённость.

Уверена, Джо не купилась на моё утверждение, что я ненавижу Колтера, когда мы шли от причала после его падения в озеро.

— Не знаю, — говорит она. — Он довольно-таки горячий, — Джо оборачивается и смотрит на него, пока он вылезает из воды и забирается на причал. Колтер снимает футболку и стряхивает воду с волос, зная, что мы наблюдаем за ним, поэтому я отворачиваюсь. Удивительно, что он не разделся прямо там, ведь было бы намного интересней. — Я хочу его, — заявляет она.

— Ты сделаешь Чарльза Мэнсона.

— Не будь сукой, Кейт. Он очень горячий парень с репутацией, — продолжает Джо. — Кроме того, он бесспорно имеет на тебя виды.

— Конечно же не имеет!

Она приподнимает свои брови:

— Имеет. И у тебя есть кое-что для него.

— Нет, — трясу я головой. — Абсолютно нет. Он отвратительная свинья, которая использует женщин и думает, что они должны поклоняться ему. Разве ты не увидела этого в его чёртовых глазах?

Джо смеётся и склоняет голову на бок.

— Нет, — говорит она. — Я так не думаю. Но ты заплатила бы сполна, чтобы увидеть, где были его глаза.

— Я не об этом говорю, — поясняю. — Колтер Стерлинг не тот тип. Совсем не тот.

— Я просто говорю, — она обходит свою машину, которую водит с шестнадцати лет.

— Бьюсь об заклад, он великолепен в постели.

— Джо! — кричу я. Мы стоим недалеко от моего дома, где нас может кто-то услышать. Но она просто улыбается и пожимает плечами.

— До встречи, сучка, — прощается она.

Джо не права насчёт него. Колтер Стерлинг не увлечён мной и показывает это всем своим видом. Или он просто хочет снова всунуть в меня свой член. Образ его стояка мерцает в моей голове, и я пытаюсь развеять иллюзию. «Колтер это прошлое», — говорю я себе. То была всего лишь ночь, которую мы уже не повторим никогда.

Конечно, одна ночь не показатель всего лета.

Это было только один раз.

И этот один раз был самым лучшим чёртовым разом. Словно в эротических фантазиях. Таких, что можно прочитать только в непристойных книгах.

Моё дыхание учащается, словно Колтер внутри меня. Я пытаюсь избавиться от его образа в моей голове. Мне не нужно думать о той ночи с ним. Но я не могу перестать это делать. Не хочу переставать об этом думать.

Колтер нависает надо мной, его движения такие нежные. Я говорила ему, что не девственница; мы оба знали, что я лгала. Он, наверное, многих девушек лишил девственности и теперь эксперт в этом. То, как он двигался внутри меня, его ласковые толчки, а затем он очистил меня, насколько же нежным был этот жест. Колтер Стерлинг — специалист в лишении девственности. Я представляю эти слова на визитной карточке и заливаюсь смехом.

Час спустя он пробует меня снова, а я в это время истекаю своими соками. Он перекачивается, и я оказываюсь сверху, стесняясь под его пристальным взглядом. Но он крепче сжимает мою талию.

— Оседлай меня.

— Колтер, я не знаю...

— Чувствуешь, какой я твёрдый? — спрашивает он. — Я хочу тебя снова.

— Мы не всегда получаем то, чего хотим, Колтер, — парирую.

— Я получаю, — отвечает он.

Тепло прошлось по мне, когда я вспоминала, как опускалась на его член, чувствуя, что между бёдрами нарастало напряжение. Я оседлала его, мы двигались в унисон, пока это не начало ощущаться настолько хорошо, что я просто забылась. Колтер покусывал мою грудь, задевая чувствительную область соска.

Я приказываю себе остановиться. Но не могу этого сделать прямо сейчас, зная о том, что он внизу разговаривает с моим отцом. И тот факт, что он там, делает это ещё более рискованным и захватывающим.

Расстегнув свои джинсы, я просовываю в них руку. Мой палец сразу же находит клитор, посылая тепло по всему телу. Мои соски твердеют, тараня ткань лифчика, поэтому другую руку я запускаю под рубашку, засовывая палец между кружевом лифчика и кожей.

Я мастурбировала до Колтера, но, клянусь, этот секс с ним сделал что-то с моим

мозгом; я чувствую сильную зависимость от секса. Наверное, мои гормоны полностью вышли из-под контроля. Интересно, такое происходит со всеми, кто теряет девственность, или всё дело в Колтере, и это он заставляет меня чувствовать себя повёрнутой на сексе. Возможно, Джо и права, Колтер имел какое-то магическое влияние.

Колтер и его волшебный член. Эти мысли заставляют меня залиться истеричным смехом. Я тянусь к подушке, под которой лежит мой вибратор. Стянув джинсы вниз, я прикасаюсь вибратором к клитору, но не могу устоять перед пустотой между моих ног.

Я дразню свой вход игрушкой, потоки вибрации проходят сквозь меня. Затем он скользит внутрь и касается моей точки G, которую так легко смог отыскать Колтер в первый раз. Не обращая внимания на жужжание вибратора, я представляю Колтера внутри меня, как его рот облизывает мою грудь, а кончик его члена давит на мою киску.

Представляю, как он шепчет мне на ухо: «Твоя киска такая тугая и тёплая, так сжимает меня, моему члену это очень нравится».

Фантазия о его грязных словечках толкает меня через край, и я быстро кончаю, мои мышцы сильно сжимаются вокруг игрушки. Я кусаю губу, чтобы заглушить свои всхлипы, откидываюсь головой на подушку позади меня, пока мой оргазм медленно спадает.

Я всё ещё продолжаю мечтать о Колтере, когда слышу стук в дверь, который заставляет меня подскочить. *Чёрт, чёрт, чёрт.* Быстро вынув вибратор, я бросаю его под подушку и попутно натягиваю джинсы. Я уже знаю, что это не мой отец, потому что он всегда уходит к себе в офис после ужина. Когда я открываю двери и вижу, кто стоит передо мной, моё сердце готово выскочить из груди.

— Приветик, сестричка, — Колтер прислоняется к дверному косяку, на его лице ухмылка, и моё сердце пропускает удар. Я тут же подпираю дверь ногой, чтобы она не открылась дальше, и скрещиваю руки на своей груди.

— Чего тебе? — сердцебиение практически оглушает меня, а пульсация между ног напоминает мне о том, что я делала несколько минут назад.

— Я не помешал? — спрашивает он. «*Сколько времени он уже тут стоит?*» Я представляю, как он стоял за дверью, слушая мои стоны, прежде чем постучать. — Ты покраснела. Надеюсь, у тебя не лихорадка.

Боже мой, он абсолютно точно слышал меня. Если бы я не была красной как рак перед тем, как открыть дверь, то покраснела бы сейчас.

— Я отлично. Но спасибо, что поинтересовался, — отвечаю я саркастично. — Милый был ужин. Надеюсь, я несильно тебя ударила.

— Спасибо, что поинтересовалась, — ухмыляется он. — Со мной всё прекрасно. Думаю, ты будешь рада узнать, что никак не смогла мне навредить.

— Ну, это же хорошо, — продолжаю я. — Я бы ненавидела себя, получи ты травму.

— Тебе бы пришлось ухаживать за мной, чтобы я выздоровел.

Я закатываю глаза:

— Тебе бы не повезло.

Колтер наклоняется вперёд, его лицо находится в нескольких дюймах от моего.

— Ох, не знаю, *Кейт*, — говорит он. И такой уменьшительно-ласкательный способ обращения ко мне снова возвращает меня в ту ночь. — Мы бы могли поиграть в пациента и медсестру.

Я делаю вдох, чувствуя головокружение и похоть. Не отталкиваю его. Не говорю ему уйти. Он так близко ко мне, что может учуять запах секса.

Колтер продолжает говорить, его голос действует на меня как гипноз:

— Я буду твоим пациентом, лежащим в постели полностью в твоей власти, и ты сможешь снова меня оседлать.

Воспоминания той ночи окутывают меня, моя голова снова забита картинками, как и несколько минут назад. Он словно читает мои мысли.

Когда я не отвечаю, он понижает свой голос до шёпота:

— Я возьму в рот твою грудь и буду играть с соском, а ты будешь выкрикивать моё имя, пока не начнёшь умолять погрузиться в тебя.

Я вообще не думаю о том, что он говорит, но и в то же время не могу себя остановить. Мои губы на автомате раскрываются, и я практически задыхаюсь. Кладу руку на свою грудь, словно это меня спасёт. Думаю о том, как было бы легко запустить свою руку под его рубашку и провести ею по прессу Колтера, потом вокруг пояса его джинсов, а затем расстегнуть их.

Дерьмо. Я его хочу.

Он смотрит в мои глаза, словно может прочесть мои мысли, зная наперёд, что я собираюсь сделать.

— Ты думала обо мне, когда кончала? — шепчет он.

Теперь я сильно его отталкиваю:

— Не знаю, о чём ты говоришь.

Он делает шаг назад, посмеиваясь.

— Я прямо по соседству, если понадобится, — произносит он, подмигивая мне. — Подумай об этом.

Стону от досады, смотря на то, как он исчезает в своей комнате и закрывает дверь. Я всё ещё слышу его смех, стены тут точно тонкие. На самом деле они как бумага. Забираюсь в кровать и думаю, о том, как проведу лето, разделяя эти стены с Колтером, о котором никак не могу перестать мечтать.

Я слушала, как двери Колтера открылись и закрылись, когда он вернулся из ванной, прежде чем убедилась в безопасности и решила пойти сама. Мне бы не хотелось снова получить неожиданные встречи в ванной.

Я врала самой себе.

ГЛАВА 11.

КОЛТЕР

— Утречка, солнышко, — я поправляю воротник своей рубашки поло светло-голубого цвета и запускаю пальцы в волосы.

Кэтрин, выходя со своей комнаты, замирает на месте и пробегается глазами по моему телу.

— Ты что, надел рубашку поло? — спрашивает она. — Она же голубая.

Я с трудом подавляю улыбку.

— Ну, *это* ведь особый случай, разве нет? — отвечаю. — Это ради кампании твоего отца и всё. Большой семейный завтрак.

— Но она голубая, — говорит она снова. — Ты похож...

Я перебиваю её, потому что она собирается сказать, что я выгляжу как какой-то

придурок в этой рубашке. После вчерашнего, когда я стоял у её двери и наблюдал, как она взволнованно со мной говорила, не уверен, что она думает обо мне что-то ещё, за исключением бога секса.

— Это всего лишь завтрак с семьёй. И я хочу выглядеть соответствующе.

— Ты уже что-то запланировал, — утверждает она, поворачиваясь, чтобы ухватиться за дверную ручку. — Чудесно, я забыла свою сумочку. Тебе лучше не строить каких-то грандиозных планов. Если ты скажешь что-то...

Я делаю шаг в её сторону, и она замирает, рука по-прежнему на дверной ручке. Наклоняясь ближе к ней, я пробегаюсь губами по её шее, а затем шепчу на ушко:

— Что, волнуешься, что я расскажу всем, какие ты издаёшь крошечные хныкающие звуки, когда кончаешь?

Она отстраняется от меня, но я вижу, как встали дыбом волоски на её затылке, как покрылась мурашками её кожа. Она может делать вид, что ненавидит, но на самом деле Кэтрин хочет меня.

Кэтрин поворачивается ко мне лицом, её глаза широко раскрыты:

— Клянусь всеми святыми, если расскажешь о нас на завтраке, я оторву нахрен твои яйца и запихну их тебе в глотку.

Взгляд, которым она на меня сейчас смотрит, похож на взгляд дикого животного, её глаза расширены, и от этого вида я становлюсь твёрдым. Я толкаю её к двери, хватаю за запястья, поднимая их над её головой.

— Нас? — переспрашиваю я. — Рад, что ты употребила слово «нас», Кейт.

— Нет, — протестует она, интонация её голоса усиливается. — Нет никаких нас. И никогда не будет нас. У нас был секс, Колтер, и это не повторится снова. Я даже думать об этом не хочу. Почему ты никак не оставишь всё в прошлом?

Она такая милая, когда врёт. Её рот так близок к моему, её дыхание прерывистое, а грудь поднимается и опускается, когда она говорит. Её не полностью застёгнутая рубашка открывает мне вид на груди, которые слишком тесно прижаты друг к другу. Если бы я сейчас не думал о том, как классно они жмутся друг к другу, то Кэтрин бы уже выгибала спину и стонала от наслаждения.

— Конечно, не думаешь об этом, Принцесса, — говорю я. — Скажи, не лежала ли ты вчера на кровати с пальчиками в трусиках, мастурбируя и думая о том, как я трахаю тебя.

— Скажешь хоть одно грёбаное слово, и я тебя убью, Колтер.

Мой член готов взорваться, она была такой напряжённой, такой очаровательно злой, и я даже не понимал, за что удостоился такой ярости с её стороны. Окидываю взглядом коридор — он пустой, наверху тишина. Где-то на первом этаже слышится голос моей матери. Но никого нет поблизости.

— Рад, что ты не можешь прекратить думать, как я тебя трахаю, даже вдали от меня, — шепчу я.

— Водитель приедет за нами с минуты на минуту, — говорит Кэтрин, её голос сбивчивый. Это не было угрозой, скорее она просто уточнила, сколько времени у меня осталось.

Я раздумываю над тем, чтобы поднять её за попку и отнести в комнату, затем сорвать эти слаксы и погрузить мой член глубоко в её готовую киску — так, как и в ту ночь. Я хочу взять её на каждой поверхности спальни. Я хочу снова её осквернить.

Она скулит, и я теряю контроль. Беру в одну руку её запястья, а другую опускаю к её

брюкам. Мои глаза не прерывают зрительного контакта, пока моя вторая рука расстёгивает молнию на слаксах. Не отводя взгляда, я запускаю свою руку в её трусики.

— Колтер, — шепчет она, глаза Кэтрин ещё сильнее расширятся, когда я касаюсь её влаги, используя ту в качестве смазки, и начинаю потирать пальцами клитор.

— Такая мокрая, — мои глаза всё ещё смотрят на неё, когда я начинаю потирать пальцем её бугорок, наблюдая за тем как веки Кейт опускаются, а дыхание становится прерывистым. — Ты просто жаждешь моих прикосновений.

— Нет, — она трясёт своей головой и отводит взгляд, лицо искажает паника. — Мы не должны. Мы не можем.

Я игнорирую её. Вместо этого скольжу пальцами вниз и направляю их в её вход. Трусики отправляются вслед за брюками, пока я тяну их вниз по её бёдрам. Она мягко стонет, пытаюсь дать мне отпор, но её руки заломлены над головой, не давая ей никаких шансов оттолкнуть меня.

— Мой отец, — шепчет она. — Твоя мать. Кто-то может...

Если моя мать или её отец поднимутся наверх, то увидят Кэтрин со спущенными до бёдер штанами и трусиками и мои пальцы в ней.

— Ты права, — сказал я мягко, толкая свои пальцы поглубже в неё. — Кто-то может увидеть. Я хочу, чтобы ты кончила от моих пальцев, и ты тоже этого желаешь.

— Я не хочу кончать... — слова обрываются, когда я начинаю жёстко трахать её пальцами, быстро и без опаски.

Её глаза плотно закрыты, она опустила руки, крепко обхватывая мои плечи. Затем я сбавляю темп, медленно поглаживая самое чувствительное местечко, и чувствую, как её тело начинает поддаваться моим ласкам. Нажав сильнее ладонью на клитор, я продолжаю её трахать, а она в этот момент начинает тереться о мою руку.

— Нет? — шепчу. — Скажи мне, что ты *не хочешь* кончать для меня.

— Колтер, — говорит она мягко.

— Да, Принцесса.

— Перестань, блядь... Меня... Так называть.

Она запинается и тяжело дышит, всё это заводит меня ещё больше. Я наклоняюсь к её ушку:

— Так перестань вести себя как Принцесса.

Внизу открывается дверь, и раздаются голоса сенатора Придурка и женщины с густым бостонским акцентом. Глаза Кэтрин тут же распаиваются, и она смотрит на меня, на её лице беспокойство. Что не мешает ей по-прежнему прижиматься ко мне своей киской, и я сразу же возвращаюсь к работе.

— Колтер, — она предупреждает.

Я придвигаюсь ближе, мой рот накрывает её, кусая нижнюю губу Кейт.

— Ты хочешь кончить? — выдыхаю я ей в рот.

— Кто-то может... Не знаю... — её киска сжимает мои пальцы в подтверждение обратному. Я не могу этого сделать, но представляю сейчас свой член в ней.

— Скажи, что ты хочешь кончить, Кейт, — говорю ей. — Поторопись. У тебя минута до того, как нас обнаружат, — голоса внизу стали ещё громче, женщина начинает давать указания, будто руководя парой детей.

— Я не... Хочу... Ох, Колтер, — её слова обрывисты. Она уже близко, лицо так насыщено похотью, поэтому нахождение рядом с ней для меня сущая пытка. Но я

наслаждаюсь её мучениями, доводя до края, но так и не разрешая кончить. Скольжу пальцами между её бёдер, наблюдая, как выражение лица Кэтрин с вожделения сменяется на злость.

— Что ты делаешь? — шикает она. Я касаюсь своим пальцем с оставшимися на нём соками её губ и вижу, как она кривится в отвращении. — Прекрати.

— Застегнись, Принцесса, — говорю я. — Ты же не хочешь, чтобы мамочка с папочкой увидели тебя без штанишек и с голой попкой, — открываю свой рот и облизываю пальцы, которые был в ней. Она смотрит на меня с широко раскрытыми глазами.

— Дерьмо, — Кэтрин натягивает слаксы с трусиками и смотрит на меня. Снизу доносится её имя. — Иду!

— Больше нет, ты не кончила, Принцесса, — подмигиваю я. — Как жаль.

— Заткнись, — рычит она, испепеляя взглядом. — Дерьмо. И как теперь я выгляжу?

— Словно твой сводный брат только что трахнул твою киску пальцами, и ты собираешься отправиться вниз и сидеть перед кучей репортёров, изображая идеальную семейку? — ухмыляюсь я. — Ага.

Глаза Кэтрин становятся как блюдца.

— Не будь мудаком.

— Из-за того, что сказал «киска» или «сводный брат»? — переспрашиваю.

— И то, и то, — пищит она.

Её лицо пылает, малиновый цвет заливает её щеки и грудь. Я доволен своей работой, несмотря на то, что вся моя кровь всё ещё сосредоточена в члене.

— Но не беспокоили тебя раньше, — отвечаю.

— Кэтрин! — зовёт её отец.

— Минутку! — она смотрит на меня. — Ну?

— Что, ну?

— Ты собираешься помыть руки перед тем, как мы спустимся вниз? — спрашивает она сквозь зубы.

— Не-а, — отвечаю я, поворачиваясь в сторону лестницы. Поправляю свою рубашку поло, тяну её вниз, чтобы скрыть эрекцию. По крайней мере, на моих штанах нет мокрого пятна. — Я бы предпочёл на завтрак еду с ароматом киски.

Кэтрин бросается вперёд, хватая меня за руку и притягивает к себе.

— Ты пахнешь *мною*, — шепчет она в такой панике, что мне смешно — Иди и вымой руки.

— Я бы вымыл руки, если бы захотел. Но мне не хочется этого делать, я желаю наслаждаться твоим запахом во время завтрака, — подношу пальцы к носу и глубоко вдыхаю. — Это намного лучше, чем кофе по утрам. Если хочешь, завтра можешь пробудить меня им, ты же знаешь, я только за. Можешь оседлать моё лицо и поднести свою медовую киску к моему...

— Не могу поверить тебе... — она перебивает, но я разворачиваюсь и спускаюсь по лестнице, слушая её, когда она следует за мной.

— Не можешь поверить мне почему, Кэтрин? — спрашиваю я, останавливаясь на лестнице, но она не отвечает.

Моя мать и сенатор Придурок уже ждут нас внизу.

— Колтер Стерлинг, — здоровается она, целуя в щёку. Она говорит так тихо, чтобы сенатор её не услышал. — Не могу поверить в то, что ты стараешься. Спасибо тебе за то, что

не...

— Не что, мама? — переспрашиваю я невинно, когда она отстраняется. — Что не опозорил тебя? Не могу поверить, что ты такого низкого обо мне мнения. Мне хочется, чтобы ты была счастлива, и, если достаточно того, что я надел эту рубашку поло и брюки цвета хаки, думаю, я справляюсь с этим.

Элла сужает глаза, но тут же улыбается, как только сенатор подходит к ней и берёт за руку. Он смотрит на меня, оценивая взглядом:

— Колтер, рад тебя видеть таким...

— Нормальным? — спрашиваю я.

— Соответствующим, — отвечает он.

Кэтрин стает возле меня, и я смотрю на неё краем глаза, но только для того, чтобы оценить её внешний вид.

Чёрт, я должен приложить все усилия, чтобы не перекинуть её миленькую попку через плечо перед её отцом и его политическими друзьями.

За какие-то две минуты она успела заскочить в свою комнату и переодеться.

В платье.

Не в какое-то платье. А в белый хлопковый сарафан.

Эта ткань выделяла все её изгибы, обтягивая бёдра и доходя длиной почти до колена.

И, ради всего святого, опять эта чёртова повязка на её голове.

— Оу, ты такая милая, Кэтрин, — говорит моя мать.

— Идеальная, — соглашается сенатор. Они что, не видят то, что вижу я? Она выглядит сексуальной. Страстной. Чертовски горячей.

— Машина уже ждёт, — объявляет сенатор.

Кэтрин проходит мимо меня, бросая понимающий взгляд через плечо. Затем она подмигивает — такая невинная и в то же время соблазнительная.

Покачивая бёдрами, она идёт передо мной и, пошатываясь на своих каблуках, заставляет тем самым юбку платья покачиваться вперёд и назад. Всё это настолько уместно, но производит обратный эффект для меня.

Я хочу освободить её от платья и трахнуть на капоте этого седана.

Человек в чёрном костюме держит открытой дверь, когда она скользит внутрь. Он смотрит на её попку, и в этот момент я стараюсь сдержать всё дерьмо в себе, чтобы не разбить ему нахрен лицо. Я хочу залезть внутрь салона и надеть на неё штаны, что были до платья, чтобы никто не смог увидеть красоту этих ножек.

Когда мы все сели в машину, Кэтрин и я оказались на одном сиденье, а мать и её отец напротив нас. Затем Кейт касается моей ноги и поглаживает её словно какого-то щенка.

— Видишь, папа? — спрашивает она. — Колтер почти пришёл в себя, надев брюки и поло.

Знаю, что она сказала эту фразу неслучайно. Я прочистил горло, чувствуя себя не в своей тарелке, пытаюсь ни о чём не думать, пока сижу в этой машине. Закрываю глаза и пытаюсь представить всё что угодно, кроме голой Кэтрин, совсем не обращая внимания на комплименты сенатора Придурка.

Я принял решение в этой машине.

Я веселился, валяя дурака с Кэтрин, но хорошего понемножку. Я собираюсь сделать её своей.

ГЛАВА 12.

КЭТРИН

Я еле впихнула в себя глупые панкейки с глупой тарелки. И эти дурацкие блинчики я ем каждый год и уже устала посещать такие завтраки, где заказ сделан за меня, словно я ребёнок и не могу сделать собственный выбор.

Я смотрю на Колтера, который ест то же самое. По крайней мере, с нами обоими сейчас обращаются как с детьми ясельного возраста.

Колтер сидит возле меня, а мой отец и Элла напротив нас — нормальная современная семья, постоянно устраивающая такие посиделки по субботам. За исключением того, что мы не были нормальной семьёй. Мы ели перед камерой и кучей журналистов, делая вид, что мы самая идеальная семья на планете. Как ещё можно облажаться?

Журналисты задали несколько едких вопросов моему отцу и Элле. Да и ей тоже было нелегко во всей этой ситуации, так как на тарелке лежало слишком много углеводов, поэтому она просто гоняла по тарелке кусочки еды и наслаждалась вкусом воды. Весь завтрак я вся была в своих мыслях, включаясь в общий разговор только тогда, когда внимание было направлено непосредственно на меня.

Я отвлеклась на то, что Колтер совершенно точно мог видеть низ верхней части моего платья с того места, где он сидел. Но также я отвлеклась на свои соски, которые были твёрдыми вот уже час. С того происшествия между мной и Колтером в проклятом коридоре.

Он потёрся своей ногой о мою, а затем моя сумочка завибрировала. Чёрт. Я достаю телефон. Какую-то долю секунды мне кажется, что Колтер засунул туда мой вибратор. В то время как репортёры засыпают вопросами отца, я провожу пальцем по экрану и вижу сообщение от неизвестного номера.

«Это платье самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел».

Я посмотрела на Колтера, который клал кусочек блинчика себе в рот. Он избегает моего взгляда. Я коснулась экрана, набирая ответ, когда услышала голос репортёра, обращённый ко мне:

— Кэтрин, вы уже выбрали профилирующую дисциплину?

«Искусство», — хочу ответить я. И уже было открыла рот, чтобы объявить миру о своём решении, но мой отец сделал всё за меня:

— Юриспруденция, не так ли, Кэтрин? Введение в право?

Я замерла. *«Да пошёл ты со своей юриспруденцией»*, — думаю я. Но всё же выдавливаю улыбку.

— Юриспруденция, — отвечаю. — Да. Юриспруденция, — я нажимаю «отправить» на своём телефоне, держа его под столом.

«Как, чёрт побери, у тебя оказался мой номер, сталкер. Оставь меня в покое».

Колтер уставился в свой телефон. Прошла минута, и я ощущаю вибрацию своего телефона снова.

«Этот сироп и близко не стоял со сладостью твоей киски. Я даже сейчас ощущаю её запах на своих пальцах».

Когда я посмотрела на него, он откусил кусочек панкейка, щедро покрытого сиропом, и медленно облизал губы. Я, честное слово, понятия не имею, какие же большие и крепкие шары нужно иметь, чтобы вытворять такое при репортёрах и моём отце, сидящем за тем же столом.

Я напечатала ответ.

«Ты больше никогда, никогда, никогда не попробуешь меня снова».

— Колтер, как ты и Кэтрин сейчас ладите? То фото в газете было единичным случаем, или между вами действительно такое напряжение?

Моё сердце замерло, и я уставилась на стакан с водой. *Между нами действительно такое напряжение?* Я незамедлительно вернулась мыслями в тот момент, когда его рука была между моими ногами, а пальцы довели до грани, пока мой отец стоял внизу, ожидая меня. *Между нами напряжение?* Я одержима Колтером. Не знаю, что выбрать: бросить его в пропасть, забыв навсегда, или позволить ему трахнуть меня ещё раз.

— Я не могу отвечать за Кэтрин, — говорит Колтер, его голос прерывает мои размышления. — Но то, что было написано в газете, совершенно не совпадало с тем, что происходило на самом деле. Мы просто так шутим, спорим по поводу... кофе, да?

— Кофе, — повторяет один из репортёров, хихикая.

— Думаю, что два подростка могут делать такое, они просто иногда притворяются, что терпеть не могут друг друга, но в будущем всё изменится, потому что наши семьи объединятся в одну, — пробубнил мой отец.

Наши семьи объединятся в одну.

Он даже понятия не имеет, каким образом Колтер и я объединились. Я избегала возможности встретиться глазами с Колтером, когда мой телефон снова ожил.

«Я собираюсь стать одним целым с тобой».

Я закатила глаза и ответила.

«Банально. К тому же нет. Просто нет».

Краем глаза я замечаю усмешку Колтера, он снова стучит по экрану телефона, печатая очередное дерьмо. Меня не должно это волновать, но я не могу думать ни о чём другом, кроме моих трусиков, которые полностью стали влажными, свидетельствуя всему миру о том, как сильно я схожу с ума по Колтеру.

Я посмотрела на свой телефон.

«Я собираюсь нагнуть тебя, задрать это платье к чёртовой матери и отшлёпать твою непослушную попку».

Моё лицо покраснело до корней волос при одной мысли, что Колтер скинет всю посуду и столовое серебро со стола и разложит меня на нём перед этими людьми.

Да что со мной такое? Я становлюсь одержимой сексом.

Я отключила свой телефон, пытаюсь сосредоточиться на завтраке, и решила выбросить эти глупости из своей головы. Я игнорирую Колтера, который сидит и с улыбкой на лице отвечает журналистам, сводя меня этим с ума. А я просто жду, когда всё закончится.

Завтрак вроде бы прошёл без единого инцидента. Могу сказать, что его мать так же удивлена, как и я. А отец счастливо улыбается — уверена — довольный тем, что мы вели

себя как надо.

— Водитель отвезёт тебя и Колтера домой, — говорит он, идя к машине с Эллой.

— Что? — мой голос звучит как писк. Мой отец — король сюрпризов.

— У меня запланировано кое-что другое, связанное с помолвкой, — он даже не потрудился уточнить, что именно. — Вы, дети, справились отлично.

Позади меня слышится смешок Колтера:

— Одни в машине. Одни в доме. Ты думаешь, что реально сможешь противостоять этому?

Я закатила глаза.

— Я буду в порядке, — наклоняюсь и скольжу на сиденье автомобиля, Колтер стоит позади меня, когда я чувствую его пальцы на своих трусиках. Я подпрыгиваю и убираю его руку. Он смеётся, словно сделал что-то поистине весёлое. Когда продвигаюсь к другой стороне сиденья, он только усмехается.

— Этот лимузин не такой уж и большой, Принцесса, — утверждает он.

— Закройся.

Мы едем в полной тишине, как вдруг Колтеру захотелось меня полапать. Он придвигается ко мне, скользит рукой по моей ноге, притягивая моё бедро поближе к себе. Я сдвигаю ноги ещё плотнее и смотрю в сторону, где сидит водитель.

— Какого чёрта ты делаешь?

— Боишься? — спрашивает он нежно.

Я пожимаю плечами:

— Нет. Не заинтересована в этом.

— Уверен, он нас не слышит, — говорит Колтер. — Твой отец не позволил бы кому-то записывать его.

Я морщу лоб:

— Ты реально думаешь, что мой отец трахает женщин — твою мать — за заднем сиденье лимузина?

Колтер заливается смехом:

— Очевидно, *ты* единственная, из чьей головы никогда не выходит секс, — говорит он. — Нет, я в этом не уверен. Спасибо за такие мысли, теперь моему мозгу есть чем заняться. Я просто хотел сказать, что он не станет нанимать тех людей, в ком не уверен, так что мы не должны волноваться.

— Ну, в отличие от тебя, у меня нет причин скрывать свои действия и разговоры на заднем сиденье лимузина.

— Не моя вина, что ты так скучно живёшь, одна и без оргазмов, — он снова прикоснулся к моему бедру, и мне пришлось шлёпнуть его по руке, но от этого он сжал мою ногу ещё сильнее.

— У меня была масса оргазмов, спасибо за заботу, — я не врала, потому что дарила сама себе множество оргазмов.

Колтер засмеялся.

— Но не такие, что могу дать тебе я, — отвечает он.

— Ты даже понятия не имеешь, какие у меня оргазмы без твоего участия, — парирую я, закатывая глаза. Но на самом деле его оргазмы — это нечто.

Раздвинув мои ноги, он пробрался между ними.

— Твои трусики такие влажные, — говорит Колтер. — Ты и дальше будешь утверждать,

что не хочешь меня?

— Терпеть тебя не могу, — протестую я.

— Ты мне тоже не очень нравишься, Принцесса, — прошептал он, его голос хриплый. Я вздрогнула, когда он говорил эти слова, словно если бы он ударил меня, и я не смогла увернуться от этого удара. — Что? Тебе не нравится слышать это от меня?

В ответ я пожимаю плечами. Это очень меня беспокоит, но даже не могу представить почему.

— Всё равно. Меня не беспокоит, нравлюсь я тебе или нет. И... — киваю в сторону окошка, где сидел водитель.

Колтер улыбнулся, а затем наклонился ближе к моему ушку:

— Я уже говорил тебе, что он нас не услышит, и даже скажу больше — не увидит.

— Ты не можешь быть уверен, — говорю это, и моя решимость даёт трещину. — И он может рассказать моему отцу.

— Ну, так придумай что-то.

— Не буду.

— Живи на грани, — шепчет он. — Риски раз в жизни, Принцесса, — он не двигается кое-какое время, а затем раздвигает ещё шире мои бёдра и тянется рукой к трусикам.

Я уже знаю, что он найдёт. Убедится, что мои трусики абсолютно мокрые. Но я уже в курсе этого. Ненавижу то, как моё тело на него реагирует.

— Ты Дьявол, — рычу я, в то время как мой мозг кричит о том, что это сплошная ошибка и так не должно быть. Я не из тех девушек, которых Колтер мог трахать на заднем сиденье лимузина.

Я сдвигаю ноги вместе, но это не останавливает его. Это только удерживает руку Колтера между ними, и это ни черта не мешает касаться пальцами моих половых губок. Он продолжает ими двигать, и это посылает приятное чувство по всему моему телу, как будто разряд тока. И мне хочется сдаться. Я желаю, чтобы он продвинулся чуть выше, но не могу допустить этого. Не знаю, что я *должна* сделать, но точно знаю, чего *не должна*.

Я схватила его запястье, чтобы убрать, но вместо этого придвинула ещё ближе. Он ласкал меня своими пальцами через трусики, и я наслаждалась этим. Не могла думать ни о чём другом, кроме того, чтобы Колтер ввёл их в меня, где они успели побывать этим утром. Чёрт, я не хочу его пальцы — хочу его член.

Он снова придвинулся ближе ко мне и прошептал на ухо:

— Ты такая влажная. И я виновник этому. Мы оба это знаем.

Я игнорирую его, но всё же расставляю ноги, как бы приглашая, и он, не раздумывая долго над этим, быстро отодвигает трусики в сторону, открывая мою киску. Я вздыхаю, когда он касается меня.

Качаю головой. Нет никакого смысла говорить Колтеру Стерлингу о том, что я мокрая для него. Ведь за меня *говорит* моё тело.

— Неправда, — шепчу я.

— Нет? — переспрашивает он. Дразнит мой вход пальцем, не давая того, чего я хочу. Он надавливает пальцем на клитор, затуманивая тем самым мои мысли. — Ты хочешь меня, Кэтрин. Жаждешь мой член внутри своей сладкой киски. И я дам это, Принцесса. Тебе стоит лишь попросить. Скажи, что ты хочешь, чтобы мы всю ночь напролёт трахались.

Качаю головой в знак протеста, но он продолжает меня ласкать, и не проходит и тридцати секунд, как я откидываюсь назад в знак капитуляции. Он вводит в меня свой палец,

и я перестаю ясно мыслить. Мне плевать, что он говорит. В этот момент я бы сказала абсолютно всё.

Затем он покидает мою киску. Я смотрю на него, моё дыхание неровное:

— Какого чёрта?

Колтер лишь качает головой:

— Плохая девочка. Ты не кончишь так легко.

— Что? — выдыхаю. — Хорошо. Но я знаю, что ты тоже это хочешь. Больше, чем я.

Он наклоняется и кусает меня за мочку уха. Это движение посылает дрожь по всему телу.

— Скажи мне, как сильно я хочу это, Принцесса.

Я смотрю, как он расстёгивает свои джинсы и достаёт свой эрегированный член. Я не забыла, какой он большой, как думала неделями об этом огромном члене и не могла ни на чём сосредоточиться. Но увидев его снова, я замерла. Колтер гладил себя, пока смотрел на меня. Я почти не могу поверить, что он такой наглый, чтобы вытащить свой член прямо передо мной в лимузине, но это же Колтер.

Ещё более удивительно то, как реагировало моё тело на это, пока я наблюдала за ним, а моя киска просто изнывала от желания.

— Ты не можешь сделать это здесь, — слабо запротестовала я.

Колтер игнорирует меня, продолжая двигать рукой вверх и вниз.

— Я бы хотел, чтобы это была твоя рука. Или ещё лучше будет, если твой ротик сомкнётся вокруг моего члена.

— Ни за что, — говорю я. — Мы уже скоро будем дома. Это не будет так, что ты кончишь за две минуты ещё до возвращения в мой дом.

Он в удивлении приподнимает брови.

— Ну, если это единственное твоё возражение, — отвечает он, — то не волнуйся. Я не хочу здесь кончать. Я собираюсь подождать, пока не окажусь глубоко в твоей киске.

Взяв мою руку, он обернул её вокруг своего стояка. Я должна оттолкнуть его и научить вежливости, но не делаю этого. Находясь рядом с Колтером, я не могу бороться. Он такой твёрдый, я обхватываю рукой его ствол. но ощущение его силы так смущает. Невероятно смущает.

— Ты же думала об этом, разве нет? Как это было, когда я был внутри тебя?

Я не отвечаю, мой пальчик находит смазку на кончике его головки. И кругами я начинаю растирать её.

Наращиваю темп, пока замедленное движение автомобиля не выводит меня из транса. Я тут же поправляю своё платье и передвигаюсь в переднюю часть лимузина, пытаюсь убежать, прочищаю горло и намеренно не смотрю в сторону Колтера.

Ко всему прочему я знаю, что Колтер выйдет с надетыми штанами, с очень твёрдым и возбуждённым членом, и он точно намеревается трахнуть меня. Конечно, судьба сыграла со мной злую шутку, ведь у Роуз сегодня выходной.

Чёрт. Мы одни дома.

Я взвинчена. И проблема в том, что идея переспать с Колтером чертовски привлекательная.

КОЛТЕР

Как только машина затормозила возле дома, Кэтрин пулей вылетела из неё, словно за ней гнались адские псы. Это довольно-таки забавно. Она практически бежит к двери.

Я ловлю её за руку перед входной дверью и разворачиваю лицом ко мне. Её дыхание сбито, и я знаю, что это точно не из-за маленькой пробежки. Я изучил поведение Кэтрин ещё в Брайтоне.

— Роуз дома? — спрашиваю я и уже знаю ответ, но увидеть выражение её лица бесценно.

— Нет, — отвечает она. — Я буду наверху. Делай что хочешь.

— Спроси, чего я хочу.

— Нет. И тут установлена камера, — я делаю шаг назад и позволяю ей открыть дверь, но, как только мы оказываемся внутри, хватаю её за руку и прижимаю к своей твёрдости.

— Что, чёрт возьми, ты творишь? — спрашивает она.

— Тут ведь нет камеры, я прав? — уточняю я.

— И? — она гордо вскидывает свой подбородок, её челюсти сжаты. — Если её тут нет, то ты думаешь, что можешь меня вот так хватать и зажимать как какой-то пещерный человек?

— *Спроси меня, чего я хочу*, Принцесса, — повторяю я, прижимая её сильнее.

— Я же говорила перестать меня так называть.

— Я перестану тебя так называть, когда окажусь глубоко внутри твоей киски, — отвечаю, задевая своим пальцем ткань платья. Её грудь поднимается, когда она глубоко вдыхает. — Так ты хочешь знать?

— Знать *что*, идиот?

— Хочешь знать, что я хочу?

— Что ты хочешь, Колтер?

Я скольжу рукой вдоль её плеч, борясь с желанием сорвать это платье ко всем чертям, но всё-таки удерживаю себя от этой затеи.

— Желаю услышать, что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой этой ночью, и что сделаешь ты со мной, — наклоняюсь ниже, скользя к её шее, затем облизываю мочку уха кончиком языка. Когда решаюсь пустить в ход свои зубы, она подпрыгивает.

— Нет, — протестует Кэтрин, прикрывая шею своей рукой. — Если ты оставишь засос...

— Если ты не скажешь мне, чего хочешь, то я расскажу тебе, что собираюсь сделать с тобой, — я на минуту замолкаю, когда она скрещивает руки на своей груди. — Нет, не то, что я *собираюсь* сделать. А точно *сделаю*. Я трахну тебя на этом полу, прямо здесь, в фойе дома твоего отца.

— Ты так думаешь? — подразнивает она.

— Я *знаю* это, — отвечаю ей.

— И что? — шепчет она.

Я дёргаю её платье по бокам вверх, скользя своими руками по её бёдрам и затем обхватывая её попку, жар приливает к щекам Кэтрин. Она позволяет сорваться небольшому стону, когда я сильнее сжимаю её, пальцами впиваясь в кожу.

— Затем, я отнесу тебя в столовую, разложу на столе и примусь за твою восхитительную киску, сидя на стуле, на котором твой отец будет вечером ужинать.

— Колтер! — Кэтрин вскрикивает, прикрывая рукой рот, словно это не на шутку удивило её. Или завело. Но она и я знаем, что этот встревоженный акт невинности всего лишь шоу.

Она отталкивает меня и начинает уходить вглубь коридора. Я не ловлю её, пока она не достигает кабинета своего отца, но, как только она оказывается там, тут же нападаю на неё и прижимаю к косяку двери, как это было утром у её спальни.

— Офис отца? — спрашиваю её. — А это идея.

— Ни за что, — отвечает Кэт.

— Я ещё не закончил, — говорю ей.

— Не закончил что?

— Не закончил рассказывать, что сделаю с тобой, Принцесса, — я поднял её платье и отодвинул её трусики в сторону. Когда я ввожу свои пальцы внутрь её щёлки, она стонет. — Я познакомлюсь с ней поближе сегодня, моя маленькая сладкая киска.

— Что? — её веки опущены, и из-за этого кажется, что глаза закрыты от того удовольствия, приносимое ей моими пальцами. — Я... не... твоя.

— Это. Моё, — не знаю, почему это говорю, или какого чёрта на меня нашло. Я просто я. Возможно, хотел её разозлить. До этого момента никогда не желал заклеить кого-то.

Она хватается меня за запястье, пытаюсь остановить.

— Я не собственность, Колтер Стерлинг, — возражает она. — Просто чтобы прояснить. Твои пальцы внутри меня, но я не принадлежу тебе.

— Слишком громкие слова, Принцесса, — констатирую я, в то время как мой палец толкается в неё. — Это же неправда, ты знаешь. И это не обсуждается. Факт. Твоя киска моя. Ты принадлежишь мне.

— Просто заткнись, ладно? — выдохнула она. — Почему ты всегда такой... *Мерзавец?*

Мои пальцы выскользнули из неё, и она изумлённо смотрит на меня, открыв от удивления рот.

— Как же мне нравится, когда ты так на меня смотришь, — ухмыляюсь я. Положив руку ей на спину, завожу Кейт в кабинет и закрываю дверь.

— И что?

— А ты как думаешь? — спрашиваю я, снимая поло через голову и бросая на пол. — Я дам тебе это.

— Ты такой незрелый, — отвечает она. — И перестань снимать с себя одежду. Мы же в офисе моего отца. Это...

— Скандально? Запретно? Не то, чем занимаются хорошие девочки? — уточняю я.

Она исследует взглядом мою грудь:

— Не знала, что твой словарь настолько объёмный, Колтер. Думаю, сюда больше подходит отвратительно и грязно.

Я принялся за свои штаны, пока она наблюдала за мной.

— Грязно? Ты ещё просто *не понимаешь* значение этого слова.

— Почему ты снимаешь свои штаны в офисе отца? — задаёт она глупый вопрос. Ведь уже знает на него ответ.

— Ты знаешь почему, Принцесса. Потому что тебе нужно немного расслабиться. А кабинет твоего отца как раз подходит для траха. Ну, если хочешь, мы можем сделать это в столовой, но затем вернёмся сюда и продолжим.

— Нет, я не хочу, — возражает она. Но Кейт не двигается, её глаза сосредоточены на

моём неприкрытом члене. — Предпочту...

Я поглаживаю свою длину, показывая ей отличное шоу.

— Ну же, иди сюда и оберни свой сладкий ротик вокруг меня, поглощая каждый дюйм, пока я не наполню его спермой.

— О боже, ты такой грубый, — снова её слова меня завели. Её рука больше не прикрывала рот, она покоилась на груди.

— Нет, милая, *вот это* грубо, — я метнулся к ней. Стоя позади неё, я нагнул её над столом и опёрся ладонями по обе стороны от Кэтрин. Она сейчас молчит, и всё, что я слышу, — её дыхание.

Я задираю над её попкой милую, кокетливую юбку белого свадебного цвета, чистую как свежесвыпавший снег.

Я умираю, как хочу поместить свой член в неё.

Мне хочется отшлёпать её за то, что она умничает.

Так я и делаю. Замахиваюсь рукой и отпускаю сильный шлепок, красный отпечаток от моей ладони красуется на её попке.

Она возмущённо оглядывается через плечо. Но не убегает, а просто продолжает лежать на столе.

— Ты только что меня *шлёпнул*?

Я усмехаюсь:

— И это ещё только начало, но об этом потом.

— Женщинам что, нравится это дерьмо?

— Ты сейчас лежишь на столе своего отца, Принцесса, — резюмирую я, поглаживая место удара. — Ты тут одна с истекающей соками киской, так и скажи мне.

— Это не значит, что я на всё согласна, — но она всё ещё на месте, когда я стягиваю её трусики и бросаю их на пол.

— Как скажешь, сладенькая, — говорю я. — Вспомни, как ты кончала на мой язык.

— Колтер, — протестует она, но затем я раздвигаю её дольки, и её киска оказывается напротив моего рта. Я облизываю каждый дюйм её сладких губок, кружа снова и снова над её клитором, пока она, пригвождённая к столу, стоит без движения. Больше нет сопротивления, только стон:

— Колтер. Ох, Колтер.

Она снова и снова проговаривает моё имя, и это сводит меня с ума. Я продолжаю мучить её, но она делает меня чертовски помешанным. Втягиваю клитор в рот, а пальцы ввожу в её щёлку, в то время как она продолжает выкрикивать моё имя и от удовольствия выгибать тело. Она кричит его так, словно это единственное слово, которое она только знает во всём английском. Я запускаю язык в её сладкий вход.

— Колтер, — стонет она. — Не останавливайся. Я собираюсь... Я собираюсь... О мой Бог, Колтер! — вскрикивает она, кончая мне на язык, её соки покрывают моё лицо.

Я не собираюсь давать ей время на восстановление. Встаю и иду к моей одежде, достаю презерватив из своего бумажника и раскатываю его по своему члену по пути к ней.

Её лицо горит.

— Это было... — начинает она.

— Мне не нужны сейчас разговоры, — рычу. — Я твёрд как скала, и мне необходимо оказаться внутри тебя.

— Колтер, я... — она что-то говорит, но я не буду выслушивать это дерьмо. Эта девушка

достаточно меня испытывала.

— Прекрати эту болтовню. С меня уже достаточно. Я так долго мечтал тебя трахнуть.

Лицо Кэтрин снова краснеет.

— Ты мечтал обо мне?

— Нон-блядь-стоп, — я скольжу по ней руками, моя грудь прижата к её спине, мой твёрдый член упирается в её нежную плоть, затем опускаюсь к груди и передвигаю руки к её бёдрам. Юбка платья собралась на её талии, она стонет и ещё сильнее надавливает на мой член. — Ты ведь тоже обо мне думаешь. Скажи, что делаешь это.

— Да, — отвечает она так тихо, что я еле могу её расслышать.

— Разведи свои ножки, — командую я. Больше не хочу всех этих игр. Я нажимаю кончиком члена на её вход. — Скажи мне снова. Ты думала о последнем разе, когда я тебя трахал?

— Да, — шепчет она.

Я толкаюсь в неё нежно, несмотря на то, что она нагнута над столом своего отца, а её соки стекают по ногам, поэтому скользнуть в неё не составило никакого труда. Она чертовски тугая, и немного удивляет, что Кейт смогла меня принять. Но она это сделала, её уступчивость помогает мне скользнуть глубже. Она толкает свои бёдра мне навстречу и сладко стонет.

Я медленно в неё вхожу, мои руки лежат на её бёдрах.

— Ты мечтала обо мне в то время, когда касалась себя?

— Да, — говорит она тихо. — Да. Да.

— Коснись себя сейчас, — командую я, и она повинуется, касаясь своего клитора пальчиками. Поднимаю одну руку и тяну за лямку её платья, та не поддаётся, поэтому я разрываю ткань и пробираюсь под чашку её лифчика. — Ты кончала, мечтая обо мне внутри себя?

Она снова стонет и интенсивней ласкает себя. Её киска такая влажная, что я не могу остановиться и трахаю её жёстче и сильнее.

Её рука скользит по столу, смахивая в разные стороны важные документы, над которыми так усердно работал её отец. Представляю выражение его лица, если бы он увидел свою дочь в этот момент.

— Ты думала о моём члене, пронзающем эту тугую маленькую киску снова и снова?

— Да, — Кейт судорожно двигает рукой по своей влажности, и киска начинает сильнее сжиматься, я знаю, что она уже близко. — Блядь. Колтер... Да.

— Ты хотела этот твёрдый член внутри себя, — говорю я, сильнее сжимая её бёдра. Я уже близко. — Ты очень хотела этот чёртов член, хотела почувствовать мою сперму. Скажи это.

— Да, да, — стонет она.

— Повтори.

— Ох, Боже, — стонет она. Кейт снова шевелит рукой, задевая что-то на столе, и это что-то падает с глухим стуком на пол, но меня это не волнует. — Я собираюсь...

— Чёрт, Кейт, я тоже уже близко, — говорю я до того, как кончаю, погрузив свой член одним толчком в неё, впиваюсь в её бёдра и ещё раз толкаюсь. Её стон слышится на весь дом, и, когда она кончает, её мышцы сжимаются вокруг моего члена, выжимая из него каждую унцию спермы.

Я тяжело дышу, мои пальцы всё ещё впиваются в её плоть, проходит какое-то время,

прежде чем я могу нормально мыслить. Когда выхожу из неё, стягиваю презерватив и ищу мусорное ведро, куда бы смог его выкинуть.

— Не смей, — шипит она на меня.

— Что?

— Просто не оставляй его где-то здесь, — говорит она, оглядываясь вокруг. — Дерьмо. Думаю, мы это сломали.

Она поправляет своё платье и приседает на корточки, подбирает лоток для писчей бумаги, очевидно, треснувший вдоль края.

Я хватаю бумагу со стола и заворачиваю туда презерватив, затем кладу его в джинсы.

— Много оргазмов всё-таки помогают справиться с твоей напряжённостью.

Она складывает все разбросанные бумаги на столе, пока я натягиваю на себя рубашку поло.

— Это то, что ты пытаешься сделать? — спрашивает она, возвращая лоток для бумаги на место, и ищет клей. — Думаю, было очаровательно, что ты добился своего и трахнул меня, но это ещё не делает из тебя Прекрасного Принца.

— А ты в этом сценарии Золушка? — парирую я. — Потому как сомневаюсь, что Золушка была сукой, — она поднимает книгу и бросает в меня, и та задевает мою руку. — Тебе что, двенадцать?

— Ты назвал меня сукой, — говорит она, а её глаза искрятся злостью. — Чего ты, чёрт возьми, ожидал?

— Я не называл тебя сукой, — возвращаю книгу на её место на столе. — Я сказал, что не припоминаю, чтобы *Золушка* являлась таковой.

— Подразумеваю меня.

— Ничего не подразумеваю, — говорю я. — Нечистая совесть?

— Ты самый раздражающий человек, которого я только встречала, — её попка прижата к столу, и я становлюсь перед ней. — Ненавижу тебя, — у неё самый трахабельный ротик, который я только видел.

— Взаимно, — отвечаю ей, прежде чем мой рот опускается на её, подминая под себя её губы.

ГЛАВА 14.

КЭТРИН

Колтер и я трахаемся. Я имею виду, очевидно, не в этот самый момент. Но мы трахаемся. Ну, так, в основном. Это вроде нашего статуса. Если бы мне пришлось объявить об этом на весь мир, то это звучало бы как «всё сложно». Хотя лучше «чертовски сложно». Должен быть такой статус, и теперь я даже думаю об этом.

Как будто мой мозг не может переварить информацию. Он словно переключил во моём теле что-то, превращая меня в самый большой стереотип: напряжённая девственница, потерявшая свою V-карту, становится за одну ночь секс-одержимой маньячкой.

Я ненавижу быть долбаным клише. И буду повторять себе, что это не так.

Ладно, трансформация не произошла за одну ночь. Это заняло месяц.

Месяц мечтаний о нём и его прекрасном члене.

Месяц раздумий о том, что всё это похоже на одну ночь с ним.

Да, теперь я стала одной из *этих* девчонок. Одной из тех девчонок, которые опьянены Колтером. И теперь я стала Колтером в женском варианте, одержимой сексом. Я просто заиклилась на том, чтобы забраться в *его* штаны.

Я стою на приставной лестнице в библиотеке. Это звучит претенциозно, знаю, библиотека нашего дома у озера.

Но библиотека — моё место. Отец терпеть не может его и работает в своём офисе. Так что оно стало моим. Это белая, просторная, небольшая комнатка, расположенная в углу дома с одной стеной, на которой размещены книжные полки, и есть одна из тех лестниц, которая двигается на всю высоту стены. Здесь даже есть укромный уголок для чтения.

Я пробежалась пальчиками вдоль линии книг, не разыскивая какую-то конкретную. Я действительно ищу отвлечение от Колтера. Не знаю, где он сейчас, но знаю, где он был этим утром. Мы вместе принимали душ: он прижимал меня к мраморной плитке, когда был глубоко внутри моей киски. Я всё ещё чувствую боль между ног, но из-за его отсутствия.

За последние три недели мы прятались по всем углам дома, скрывая нашу интрижку, Колтер почти всегда ускользал коридорами или пробирался ко мне в комнату через дверь, которая вела на наш общий балкон.

Не знаю, что Роуз думала, когда делала нас соседями по комнатам. Хотя я подозревала, что она что-то задумывала, ведь у неё были такие планы насчёт меня. Но ты должен быть злонамеренным, чтобы хотеть какие-то отношения между мной и Колтером. Я хочу сказать, что трахаю его, но он по-прежнему самый раздражающий меня человек.

Мой отец и Элла постоянно в отъезде, большую часть времени проводят в Округе Колумбия. У нас есть дом, где только Роуз проводит первую часть дня. Я, конечно, переживаю, чтобы она нас не застукала, но Колтер говорит, что всё будет в порядке. Он просто включает своё обаяние, хваля её выпечку и флиртуя с ней, и она теряет бдительность, как и любая другая женщина.

Неохотно, но должна признать, что вижу Колтера очень привлекательным. Он может быть ещё той очаровашкой, когда захочет.

— Эй, сладенькие сиськи, — позвал он нежно, и я уставилась на него, смотря вниз и видя его с этой глупой улыбочкой на губах. Да, Колтер ещё та очаровашка, точно.

— Я так инфаркт получу, — сделала шаг вниз, но его рука тут же легла на мою ногу, и я закусываю свою нижнюю губу, когда его рука скользит под мою юбку.

— Я кое-что придумал, — говорит он, накрывая ладонью мою попку.

Я никогда не могу сделать поток воздуха в те моменты, когда он меня касается, поэтому держусь одной рукой за лестницу, а второй пытаюсь сбросить его руку с попки.

— Прекращай трогать меня.

— Почему? — спрашивает он, игнорируя мои наставления. Он замирает, когда осознает, что под низом ничего нет. Он садится на корточки позади меня и заглядывает под мою юбку. — Без трусиков.

— Ты же прекрасно знаешь, почему я попросила тебя остановиться, — выговариваю ему. — Мой отец и Элла прибыли домой прошлой ночью, и они могут быть где-то поблизости. И то, что я не надела трусики, ничего не значит, — жалкая и ничтожная ложь. Когда я одевалась, думала о Колтере. *Не надеть трусики* было специально для него.

Рука Колтера ложится мне на спину, страхуя, пока я спускаюсь ниже по лесенке. Он запускает пальцы между моих ног, прижимаясь к моему входу.

— Ты лжёшь мне, Принцесса, — говорит он. — Твой отец и Элла куда-то уехали, и это

значит, что мы одни. И ты забыла надеть трусики для меня.

— Это неправда, — шепчу я, но толкаю свою задницу назад, чтобы вновь ощутить его пальцы. Его большой палец дразнит вход моей попки, и это заставляет моё тело трястись от напряжения. — Мы не должны этого делать... не здесь, — *или здесь. Я должна прекратить делать это.*

Он отвечает мне своими пальцами, проникающими в мою сочащуюся киску.

— Я решил, что с этого момента ты носишь платья. Без трусиков. Только юбки.

Я смеюсь, но у меня больше выходит стон, нежели смех, когда его другая рука касается моего клитора.

— Когда ты, блядь, решил, что можешь указывать, что мне делать?

— Мы уже поднимали эту тему раньше. Я имею на это полное право.

— Ты сумасшедший, — не могу нормально мыслить, потому что моё тело тонет в наслаждении. Но какой-то звук, донёсшийся из коридора, приводит меня в чувство. — Дерьмо. Остановись.

Раздражение появляется на его лице, но он всё же убирает свои пальцы. И я думаю, что он реально меня послушался, разворачиваюсь и собираюсь сойти с лестницы, когда Колтер толкает меня обратно, хватая крепко за руки.

— Я хочу тебя прямо сейчас.

— Ты что, ничего не слышал? — спрашиваю; ступеньки лестницы давят мне в спину, и я бы поскользнулась и упала вниз, если бы он меня не держал. Я смотрю на него сверху вниз, моя голова чуть выше его. Я не должна быть такой увлечённой тем, как он смотрит на меня: его взгляд наполнен похотью. Я должна думать о том, что мой отец и его мать могут находиться где-то в этом доме и зайти в любой момент. Даже не представляю, как будет выглядеть лицо отца, когда он застукает нас в библиотеке.

— Я ничего не слышал, — отвечает он, скользя руками на мою задницу.

— Кто-то может войти, — протестую я. Но его пальцы очень отвлекают меня, поэтому не могу сосредоточиться на чём-нибудь ещё.

Я не могу быть одной из тех теряющих голову девчонок, сходящих с ума от небольшого кусочка члена. За исключением того, что он не небольшой, Колтер расстёгивает джинсы и достаёт свой член. Там нет *ничего* небольшого.

— Здесь нет замка на двери.

— А ты не надела трусики, — он достал презерватив из своего кармана. Я приподнимаю бровь, а он только ухмыляется. — Не переживай, я уже обо всём позаботился, поэтому не о чем волноваться. Никогда не знаешь, где может произойти ещё один перепих.

— Впредь я буду надевать трусики, когда ты поблизости, — шепчу я до того, как он захватывает мои губы в свой сладкий плен, поцелуй почти болезненный. Его язык встречается с моим, и между ними словно завязывается война, выражая наши чувства друг к другу.

Когда мы наконец-то отрываемся друг от друга, он строго смотрит на меня.

— Я сказал, никаких трусиков, — рычит он. — Юбка, и трусиков под ней не должно быть. Это новое правило.

— Ты не будешь придумывать для меня никаких правил, — говорю я.

— Это моё право, я так хочу.

— Ты что, отберёшь у меня их? — смеюсь я. — Удачи с этим, — я снова начинаю спускаться вниз, но внезапно он хватаем меня за грудь.

— Нет, — предупреждает он, одной рукой лаская мои тугие соски, а другой свой член. Его твёрдость упирается в моё бедро, и я становлюсь ещё более влажной.

— Что, трахнешь меня здесь? — спрашиваю я, мои руки покоятся на его плечах. — Я упаду.

— Обними руками мою шею, — шепчет он, и я повинуюсь, несмотря на все свои волнения по поводу того, что отец может нас застукать. Моя юбка задралась до талии, а груди саднят и упираются ему в лицо. Он зарывается в них, но не трогает мою юбку, вместо этого его губы целуют моё тело. — Обхвати меня своими ножками.

Я делаю это и каким-то образом скольжу вниз по лестнице, в итоге находясь лицом к лицу с ним, и тогда он погружает в меня свой член. Острота ступенек врезается в мои спину и задницу, но я так поглощена удовольствием, что не обращаю на это никакого внимания. Думаю, боль от этого может усилить мой оргазм. Я обвиваюсь вокруг него, но устоять нам помогает лестница. Он трахает меня жёстко, его толчки становятся настойчивее.

Это не нежно и романтично, это быстро и яростно, первобытно.

Каждый его толчок возносит меня выше и выше. Мы оба вели себя тихо, прекрасно осознавая возможность того, что можем попасться. Но одна единственная мысль об этом делает секс ещё лучше, более диким. Колтер заставляет меня отдаться наслаждению, отступая от контроля. Я никогда ещё такого не чувствовала с кем-то. Я не одна из тех девочек, которая бросает все предостережения на ветер и не волнуется о последствиях. Я не безрассудна.

Я стону его имя, когда он ещё сильнее врезается в меня:

— Блядь, да, Колтер.

— Ты собираешься кончить для меня, Принцесса? — спрашивает он.

— Да, — стону, его вопрос толкает меня к оргазму, и я растворяюсь в этом наслаждении. Он снова врезается в меня первый, второй, третий раз, когда кончает, и затем...

Чёртова лестница под нами падает, создавая металлический лязг и выходя из колеи, и опасно балансирует на полке.

— Чёрт! — Колтер хватает меня за руки и тянет вверх, как-то выскользнув из меня, его боксёры на заднице, а презерватив сполз на кончик члена.

— О мой бог, мы её сломали, — я смотрю на Колтера, а затем перевожу взгляд на лестницу. И не могу сдержать смех. Это не я. Я не одна из тех девушек, ломающих долбаные лестницы в библиотеке во время секса с парнем. Да что со мной не так?

А затем я слышу голос Роуз, доносящийся с другого конца коридора:

— Кейт, с тобой всё хорошо? Я слышала какой-то звук.

— Дерьмо, — Колтер тут же натягивает на себя джинсы вместе с боксёрами до того, как я успеваю моргнуть, и к тому времени, как Роуз заходит, он уже выглядит обычно.

— Что тут стряслось? — спрашивает она, окидывая нас взглядом.

— Я... Лестница вышла из пазов, — отвечаю я.

Колтер прерывает меня:

— Она пыталась достать одну из книг на полке, и лестница просто поехала вбок... Кто-то должен проверить здесь всё. Это же опасно. Со старыми домами всегда так, — он врёт так искренне, что я почти ему верю.

Роуз долго на меня смотрит, и я в это время пытаюсь не покраснеть:

— Ты пыталась достать одну из этих книг... по средневековой истории?

Я сглотнула:

— Я просто смотрела. Для исследования.

— Для исследования, — повторяет она. — Это хорошо, что Колтер был по близости и помог тебе.

Я прочистила горло:

— Да. Это очень хорошо.

Когда она уже дошла до двери, то повернулась:

— Рада видеть, что вы поладили.

Я смотрю на Колтера, когда она уходит:

— Как думаешь, Роуз знает?

Он пожал плечами:

— Возможно. Кого это волнует?

— *Меня* волнует, идиот, — отвечаю я. — Тебя разве нет? Что, если она скажет моему отцу? Что, если кто-то узнает? Поверить не могу, что мы сломали здесь лестницу, ради всего святого.

— *Ради всего святого?* — засмеялся Колтер. — Хорошо, бабушка.

— Я серьёзно, Колтер, — говорю. Я злюсь оттого, что он воспринимает всё так легко. — Каждый поступок имеет последствия.

Колтер стоит возле меня, и я ощущаю трепет от его близости. Я молча проклиная своё тело за то, что оно так на него реагирует.

— Так что, если твой отец нас обнаружит?

— Его кампания пойдёт коту под хвост.

— Почему?

— Ты знаешь почему, Колтер, — отвечаю я. — Мы как бы... Станем родственниками.

— Нет, не станем, — возражает он. — Ты бываешь смешной. Потому что мы всего лишь сводные брат и сестра.

Я морщусь от его таких, казалось бы, простых слов, у него всегда всё так легко.

— Людям плевать, какова правда на самом деле, Колтер, — объясняю. Я злюсь на то, что он решает всё за меня так же, как и мой отец всегда это делает. — Они закатят скандал. Они повернут это в другую сторону. И всё это похоронит его кампанию и публичный образ.

Колтер водит пальцем по моей груди, и, прежде чем я успеваю возразить, по моей коже бегут мурашки. *Чёртов Колтер.*

— Почему это дерьмо так тебя волнует? — спрашивает он.

— Потому что он мой отец.

Колтер заливается смехом:

— Ага, он кажется *лучшим* отцом.

— Ты ничего не знаешь, — рычу я, защищая отца, несмотря на мои чувства к нему. Как же меня бесит этот парень.

Колтер наклоняется поближе ко мне и цепляет бретельку платья:

— Я прекрасно знаю, что ты не пай-девочка, которую так хочет видеть в тебе твой папочка, ребёнок с картинки для его кампании. Также мне известно, что ты неудовлетворённая, всё время идёшь на поводу своего отца, а я просто вытянул тебя из этой скорлупы, и поэтому ты так бесишься.

Вот теперь я ужасно злюсь. Кладу руку на его грудь и отталкиваю Колтера, но он хватает меня за запястья и крепко прижимает к себе.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — рычу я в ответ.

— Знаю, что ты живёшь по тем наставлениям, которые тебе велят выполнять, — парирует он. — Не думаю, что ты так хочешь поехать в этот чёртов Гарвард, готова стать юристом или долбаным врачом, как планирует для тебя папочка. Я вижу тебя с альбомом, постоянно рисующую. Ты должна взять себя в руки и отрастить грёбаные яйца, чтобы делать то, что ты *хочешь*.

Он полностью прав. Неужели Колтер настолько наблюдателен? Он заметил *столько* вещей обо мне. Я дёргаю запястья в сторону и сильно отталкиваю его.

— Да пошёл ты, Колтер. Ты такой чертовски лучший и могущественный, восставший против всех и вся, потому что слишком крут для подчинения кому-то. Но здесь ты подчиняешься своей мамочке, потому что... Да, почему? Она что, не хочет дать тебе чековую книжку? Думаешь, если начнёшь бунтовать, проявишь себя? Нет, это лишь будет означать, что ты полон дерьма.

Я вылетаю из комнаты до того, как он бы успел что-то сказать, гнев будоражит моё тело. Он просто кипит под моей кожей. Колтер такой самодовольный мерзавец. Ведёт себя так, будто в сто раз старше меня и всё знает о жизни. Он просто жертва целевого фонда, который никогда не узнает, что такое долг перед семьёй.

Позже я лежу в постели, голова покоится на подушке, пока я рисую с блокнотом на ногах. Знаю, что Колтер сейчас в своей комнате, потому что слышала, как его дверь захлопнулась, интересно, чем он там занят. Я пытаюсь выкинуть Колтера из своей головы и переключиться на что-то другое.

На что-то помимо Колтера.

Я сейчас рисую. *Член Колтера.*

Отрываю лист, комкаю его и бросаю в другой угол комнаты. *Долбанный Колтер.* И долбанные его слова, которые он сказал мне.

Я закрываю свои глаза, и образ мамы возникает в голове. Но мои мысли сейчас в другом месте. Думаю, Колтер всё же прав, я трусиха, которая боится возразить своему отцу. Поэтому я не сказала ему о Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

ГЛАВА 15.

КОЛТЕР

— Какого чёрта ты делаешь? — Кэтрин бежит по лужайке и машет руками словно сумасшедшая.

Чертовски горячая сумасшедшая.

Её каштановые волосы подпрыгивают на плечах, пока она бежит, безуспешно пытаюсь натянуть юбку на свою задницу.

— Ты ненормальный?

— Ненормальный? Нет. Я жарю зефир, — снимаю зефиринку с палочки и кладу к себе в рот. Она смотрит на меня, её грудь тяжело вздымается, а щёки краснеют. Она выглядит так, словно только что получила оргазм.

Я не касался её целую неделю. Она просто не подпускала меня к себе после той нашей ссоры в библиотеке, когда мы трахались на лестнице.

Мне стоило после этого найти Кейт замену. Но я этого не сделал, потому что Кэтрин

пробралась под мою кожу и надолго там засела. Словно какая-то болезнь.

Так что я решил стать на путь взрослого и вести с ней серьёзные разговоры. Поедая зефир.

— Хочешь? — спросил я.

— Ты не можешь здесь разводиться костёр... Есть определённые правила, идиот, — кричит она. — Кто назовёт тебя нормальным после этого? И что за хрень ты тут... О. Мой. Бог. Это же моя *одежда*. Мои *трусики*. Моё *нижнее бельё*!

Я солгал... Я не собираюсь становиться взрослым. *Пока что*. Это один из самых мальчишеских поступков, которые я когда-либо делал.

Я пожимаю плечами и улыбаюсь:

— Я же говорил тебе, что хочу тебя в юбках. Никаких трусиков.

Она выхватывает палку из моих рук и начитает тыкать ею в огонь. Пламя взмывает вверх, а затем искры начинают лететь в разные стороны. Схватив за руки, я притягиваю её к своей груди.

«*Она там, где должна быть*», — я не могу думать, когда её тело касается моего.

Но проходит какое-то мгновение, и она отталкивает меня.

— Ты что, психопат? — спрашивает она. — Кто сжигает чью-то одежду в костре? С тобой серьёзно что-то не так.

— Я куплю тебе новую одежду, — отвечаю. Но не говорю, что уже сделал это. Я заказал ей целый гардероб от какого-то чёртового модного дизайнера, стилист моей матери клянётся, что все цыпочки хотят носить эти шмотки. Я также заказал ей лучшие трусики и нижнее белье, какие только можно купить за деньги. Их выбирал лично я. Ещё я купил новые джинсы на замену тех, которые сгорели. Ну, я же не *полный* мудака.

Но никаких новых бабушкиных труселей не будет. Это новое правило.

Кейт стоит и смотрит на меня, её руки на бёдрах. Она *злится*. Если бы физически пар мог идти из ушей, то у неё точно он бы пошёл. Она резко сжимает свои ладошки в кулачки и начинает кричать, из-за чего мне становится смешно.

— Ты самый большой мудака, которого я только встречала. Ты абсолютно трахнутый на всю голову.

Я ожидал, что она ударит меня. Если бы я был девчонкой и какой-то парень сжёт мои трусики и брюки, я бы застрелился. Но она ничего из этого не делает. Просто разворачивается и идёт в дом, бормоча проклятия себе под нос.

Это чертовски разочаровывает.

Я ожидал, что она ударит меня или что-то такое. Ударит, а затем посмотрит на меня таким взглядом, которым одаривает меня, когда злится. Будто она не может решить — убить меня или всё же трахнуть. Очевидно, что я хотел, чтобы она выбрала второе.

Честно, я не ожидал, что она просто уйдёт.

Я беру огнетушитель и направляю струю на огонь. Думаю, мне придётся поднять ставки, если я хочу вернуть её в свою постель.

— Вы двое вообще слушаете? — сенатор Придурук рассказывал о мероприятиях, которые расписаны на всю неделю.

Он реально будет делать то дерьмо с флагом и обещаниями. Он почти так же смешон, как и моя мать вместе со своими великими планами на свадьбу. В гостиной у неё есть схема

на мольберте, план рассадки, который они изучали вместе с сенатором, подняв одну руку к бровям, а второй прикрывая рот, когда стратегически решали, как кого рассадить на таком большом событии. Я удивлён, что они не развернули гигантский план прямо на этом столе, как это делалось в военные времена, чтобы просчитывать ходы.

— Я всё слышала, — отвечает Кэтрин, её голос эмоциональный. — Вечеринка в честь помолвки в пятницу.

— Знаю, что всё происходит очень быстро, — говорит Элла, её рука покоится на ноге сенатора. — И действительно не хочу, чтобы ты ощущала себя так, словно я пытаюсь занять место твоей матери, Кэтрин. Никто не сможет заменить её.

Я смотрю на Кейт, которая замирает, поднося вилку ко рту.

— Конечно, нет, — отвечает она.

Сенатор не ждёт, пока она продолжит.

— Никто даже и не думает, что ты пытаешься заменить ей мать, Элла, — говорит он, взяв Эллу за руку. — Кейт же так не думает, да? — Кэтрин открывает рот, но он снова её прерывает. — И она прекрасно понимает, что мы пытаемся всё сделать быстро, чтобы успеть в сроки с этой кампанией, не так ли?

Меня раздражает то, как он за неё всё решает, а она просто сидит, ковыряя вилкой в курице.

— Почему бы вам не позволить Кейт ответить за себя?

Сенатор переводит свой взгляд на меня, его лицо мрачнеет:

— Кейт только что ответила сама за себя.

Элла выглядит потерянной. Она не очень хороша в такого рода ситуациях.

— Кэтрин, — говорит она. — Я знаю, что твоя мама была особенной женщиной и не пытаюсь идти по её стопам. Я...

— Серьёзно, — говорит Кэт, бросая на меня раздражённый взгляд, который заставляет пожалеть о своём остроумии, — это не такое великое дело. Хочу сказать, что это многое значит для вас ребята. Я рада за вас. Но я уже взрослая. Мы все здесь взрослые. Люди вступают в повторный брак всё время. Я ничего не могу вам пожелать кроме счастья.

— Спасибо, Кейт, — отвечает сенатор.

Я пишу сообщение Кейт.

«Лгунья».

Она смотрит вниз на свой телефон, а затем откладывает его в сторону, игнорируя меня.

— Элла, если тебе понадобится помощь здесь в чём-то, дай знать.

Улыбка появляется на лице моей матери.

— Спасибо, Кэтрин, — говорит она. — Это так мило с твоей стороны. Думаю, мой стилист привезёт несколько платьев для свадьбы, и я попрошу её, чтобы она организовала эту свадьбу в лучшем свете. Если ты не хочешь предложить свои варианты.

Кэтрин кивает:

— Конечно.

— Ох, она упомянула мне, что привезёт твой новый гардероб, — говорит Элла, глядя на меня. — Она также сказала, что ты попросила Колтера, чтобы он ей передал сделать это.

Кейт замирает, когда вытирает салфеткой уголок рта.

— Она сделала?

— Конечно, — отвечает Элла. — Я рада, что Колтер помог в этом тебе. Она привезёт

летнюю одежду, платья и такого рода вещи.

Кейт кашляет в салфетку, но я не очень уверен в этом, потому что она может смеяться.

— Она бы могла одевать больше платьев во время кампании, — добавляю я. — Это более... функционально. Для кампании, я имею виду.

Смотрю на краснеющую Кэтрин, но сенатор спасает её от этого.

— Это очень хорошо продумано, Колтер, — соглашается он. — Точно. Платья. Выглядят более женственно и подходят ко всему.

— Да, — киваю я. — Платья могут очень пригодиться.

Кейт кашляет на этот раз сильнее. Ага, я собой полностью доволен.

— Колтер, ты знаешь, кто опрокинул бочку на заднем дворе? — спрашивает Сенатор. Думаю, в этот раз Кэтрин может подавиться кусочком курицы.

Я пожимаю плечами.

— Понятия не имею, — отвечаю я. — Возможно, садовник.

— Смешно, — говорит он. — Ты действительно не можешь вести себя ещё лучше. Мы возвращаемся завтра в Вашингтон, но вечеринка в честь помолвки в пятницу. Элла, планировщики и все остальные придут в течение следующих двух дней, полагаю?

— Завтра утром, — уточняет она. — Ты и Кэтрин должны руководить процессом, Колтер. *Никаких вечеринок.*

Я смотрю на неё, сама невинность.

— Разве со мной были проблемы с тех пор, как я здесь нахожусь? Могу я выбраться отсюда для одиночной вечеринки?

Элла прищуривается. Она мне не доверяет — это её право. Часть о вечеринках правда. Я не был ни на одной с тех пор, как приехал сюда. Не засунул свой член ни в одну девушку. Ну, кроме Кэтрин, конечно.

— Я не хочу увидеть это в газетах, — отвечает моя мать.

— Оставь в покое молодого парня, — говорит сенатор, указывая на меня с вилкой в руке. — Он вёл себя очень хорошо всё это время, и мы уже оставляли их одних дома. Как я и говорил, Элла. *Правила.* Если ты даёшь детям правила и ожидания, они будут соответствовать им. Колтер отличный пример этому.

Я стискиваю кулаки, он говорит обо мне словно о дошкольнике или собаке, которая должна выполнять команды.

— Ага, — соглашаюсь я. Старый Колтер уже давно бы разнёс здесь всё в пух и прах, услышав такое, а затем уехал бы на тачке своей матери. Но новый Колтер, трахающий дочь сенатора, не станет этого делать, потому что он собран и уравновешен. — Знаете, думаю, это на самом деле из-за хорошего влияния Кэтрин.

Она на этот раз кашляет ещё сильнее, и сенатор смотрит на неё с тревогой:

— Кэтрин, ты простудилась?

ГЛАВА 16

КЭТРИН

— Значит ты и твой горячий сводный брат, — говорит Джо. — Круто.

— Тут нет ничего крутого, — протестую я. Я слишком раздражена из-за того, что Джо постоянно интересуется мной и Колтером. Мы были на улице, сидели на причале, болтая

ногами и наблюдая за тем, как рабочие устанавливали палатки, подготавливаясь к помолвке. Мой отец захотел, чтобы я следила за всем этим процессом. — Уф. Ты и правда думаешь, что Колтер горяч?

Как по команде, Колтер появляется на нашем общем балконе, и на нём ничего нет, кроме боксёров. Это выглядит так, словно он думает, что чёртова модель, — напыщенный павлин, совсем не думает о людях вокруг.

Да-да, о людях, которые останавливаются, чтобы на него поглазеть.

Он делает похожие вещи каждое чёртово утро, и так уже повторяется в течение трёх дней. Стоя у окна, он как бы намекает — *посмотри, какой я твёрдый*, — и это сводит меня с ума. Например, вчера он прижал свой член к стеклянной двери, при этом делая непристойные жесты языком и потирая свои соски. Он пытается соблазнить меня, и скажу вам, у него это отлично получается.

Джо стягивает свои очки на нос и показывает пальцем в его сторону.

— Да, он определённо горяч, Кейт, — говорит она. — Ты разве этого не видишь? Я имею виду, что думала, тебе нравятся такие чистенькие парни, а он... *не такой* с тату и пирсингом сосков, и... Дерьмо, у него отличная задница.

— Он отвратительная свинья, — протестую, мой тон звучит не столь убедительно, но я стараюсь. Не могу ничего поделать с тем, как мои глаза исследуют балкон, на котором он стоит, опираясь на перила и при этом куря, в то время как солнце играет на его мускулистом теле. — Плюс он курит.

Джо пожимает плечами.

— Не убедила, — говорит она.

— Он высокомерный и невыносимый.

— Разве ты не говорила, что он послал стилиста Эллы, чтобы тот обновил твой гардероб? — спрашивает она. — Ну, он точно не Сатана.

— Да, но... — я останавливаю себя. — Ты не понимаешь, — как объяснить, что Дьявол — испорченный, татуированный, пирсингованный, великолепный в постели — отправил мой грёбаный гардероб в огонь, потому что хочет, чтобы я носила платья без трусиков? Он точно безумец.

— Всё, что я понимаю, так это то, что ты живёшь с Колтером Стерлингом, — отвечает она. — Он словно... *Легенда*, когда дело доходит до траха.

— Джо! — она права, он имеет неплохую репутацию. Но что я на самом деле понимаю в сексе? У меня был только Колтер в этом плане. Возможно, он не единственный парень, который заставляет меня так слетать с катушек.

Конечно же, глядя на него в таком виде, меня посещают не очень приличные мысли. Я сжимаю свои бёдра вместе, разглаживая платье.

— Это одно из тех платьев, которое тебе купил Колтер? — спрашивает Джо.

Я закатываю свои глаза.

— Да.

— Выглядит дорого.

— Уверена, так и есть.

Джо пожимает плечами.

— Я могу занять его на время, — говорит Джо. — Пока не найду себе кого-то.

— Что? Ты и тот парень расстались? — просто Джо всё время меняет парней, поэтому я никак не могу запомнить их имена.

— На прошлой неделе, — она проводит ногой по воде. — Поймала его на измене.

— Какой мудака, — сочувствую я.

Она пожимает плечами.

— Не то чтобы я была верна, — говорит она. — Но обидно, когда всё это делают за твоей спиной.

Я не осуждаю в ответ.

— Мне жаль.

— Мне нет, — отвечает она. — Он был той ещё проблемой. У меня хорошие новости кстати: сегодня будет вечеринка, и ты обязательно должна прийти. Когда возвращаются Элла и твой отец?

Я качаю головой в ответ:

— Прямо перед помолвкой. Через два дня.

— Тогда приходи, — говорит она. — И пригласи Колтера тоже.

— Колтера? — удивляюсь я. — Не думаю, что это хорошая идея, — не буду его приглашать, чтобы я там лицезрела, как он цепляет других девушек? *Да, сейчас.*

— Прекрати. Будет весело. Это же Колтер Стерлинг. Ты прославишься, если возьмёшь его с собой. Давай же. Потуси с нами, простыми смертными.

Я смеюсь, но, если честно, меня это задело, сложно быть богатым ребёнком. Как мне ещё реагировать?

Джо продолжает водить ногой по воде.

— Там будет очень горячие парни, которые не посещают школу для богатеньких. Парни с татуировками.

Парни, как Колтер. Я снова смотрю на балкон, теперь он пуст.

— Хорошо.

— Серьёзно? — кричит она. — Ты не шутишь, ты, правда, придёшь на вечеринку? Выпивка и парни?

— Я же ответила, хорошо? Ты утомляешь меня.

— Ты *никогда* раньше не соглашалась, — говорит она. — Я, блядь, просто поверить в это не могу. Это круто, я думала, что и в этот раз получу твой отказ. Что с тобой случилось?

Что со мной случилось? Колтер со мной случился.

Колтер трахнул меня на столе моего отца в офисе. Колтер трахнул меня на библиотечной лестнице. Горячее дыхание Колтера на моём животе, его лицо двигается всё ниже и ниже, тёплая вода льётся на нас сверху. Мои губы на его члене, его солоноватый вкус на моём языке.

Дерьмо.

Я несколько раз моргаю, чтобы стереть картинку в голове. Мне *безусловно* нужно встретить кого-то ещё, чтобы забыться. Нужно что-то грязное и порочное, чтобы выбросить мысли о Колтере.

— Колтер должен пойти с нами, — говорит она, возвращая меня в реальность.

— Ты что, им одержима? — рычу я. — Никакого Колтера.

— Хорошо, никакого Колтера, — соглашается она, смотря на меня обиженным взглядом. — Не понимаю, почему ты его так недолюбливаешь.

— Я не недолюбливаю его, — защищаюсь. — Я просто не... Он раздражает, и точка. Не хочу, чтобы он испортил мне веселье.

Она смеётся.

— Ага, хорошо, я поняла. Кто-же захочет, чтобы новенький сводный братик таскался за тобой на вечеринке? — она поднимается на ноги, а затем протягивает мне руку и поднимает меня. — Будь готова к десяти, хорошо? Я напишу.

— Я говорю, здесь слишком громко, — кричу я.

Джо протягивает мне пластиковый стаканчик, наполненный пивом, затем подносит руку к уху и что-то кричит, я её не слышу, но могу прочитать по губам.

— Я не слышу тебя!

Какой-то парень стоит позади неё, одетый в кожаную куртку, хоть снаружи и прохладно, но внутри как в аду. Я вся потная в этом лёгком платье, одно из которых прислала мне стилистка Эллы.

Я до сих пор не простила Колтеру тот случай, когда он сжёг мои вещи. Сегодня утром я обнаружила на своей кровати новые джинсы вроде тех, что у меня были раньше, он даже записку не удосужился оставить.

Часть меня была в шоке от того, что он всё это затеял, что я увидела все самые крутые бренды на своей кровати. Это, наверное, не было таким уж лёгким занятием, даже если он кого-то нанял для этого.

Должна признать, я чуть не натянула те джинсы на сегодняшнюю вечеринку, но стилист подобрала очень горячие модели, но мне они понравились. Обычно я такое не носила. Поэтому остановилась на этом сексуальном красном мини-платье, от которого — уверена — мой отец лишился бы дара речи, увидев меня в таком виде. Но моего отца не было дома, и он ведь не узнает об этом, правильно?

Джо откидывается назад на парня, в то время как тот тянет её рубашку вверх, скользя пальцами по оголённому животу. Затем он берет её за подбородок и целует, его руки касаются её груди.

Ну, очень неловко.

Я уже выпила своё тёплое пиво, и мне интересно, где могу достать ещё. Вот почему я не хожу на эти чёртовы вечеринки. В Брайтоне я сходила на одну такую во время весенних каникул, потому что застряла там на то время. Это было в чьём-то доме родителей в Хэмптоне.

И та вечеринке ничуть не была похожа на эту. Там не было тёплого пива, только дорогое шампанское и ликёр для детей, у которых был свободный доступ к неограниченным запасам. Там были модели. Не знаю, что за чёрт меня дёрнул туда пойти, но сейчас повторялось то же самое. После двух бокалов шампанского и нескольких дурацких попыток подката ко мне я села на заднее сидение такси и вернулась в свою спальню в Брайтоне.

Джо наконец-то приходит мне на помощь, хватывает мой пустой стаканчик и отдаёт тому парню, который так страстно её целовал. Она хватает меня за руку и тянет в прихожую, где становится немного тише, хоть она тоже переполнена людьми.

— Ванная, — объясняет она.

Мы стоим за дверью, ожидая, пока ещё трое человек перед нами войдут оттуда, затем она заталкивает меня внутрь. Ну, по крайней мере, тут музыку не очень слышно. Она садится на унитаз и начинает писать, при этом без умолку болтая.

— Весело, разве нет? Я имею в виду, здесь шумно, но *весело*.

— Конечно, — я чувствую себя не в своей тарелке. Понятия не имею, почему Джо

думает, что мне должно быть тут весело.

— Перестань, — говорит она. — Повеселись немного.

Я сажусь на унитаз, чтобы пописать.

— Кто был тот парень?

Она смеётся.

— Просто какой-то парень. Я перепихнулась с ним, не имеет значения. И мы повторим это снова, знаешь. И у него есть несколько горячих друзей. Я сказала ему, что ты придёшь со мной, — она открывает сумочку и достаёт какую-то бутылочку из-под таблеток. — Хочешь одну? Тебе нужно расслабиться.

Я качаю головой и на всякий случай спрашиваю:

— Что это?

— Расслабляющие таблетки, — отвечает она. — Нашла в тайнике матери.

— Не думаю, что ты должна мешать их с выпивкой, Джо, — начинаю я отчитывать её как родитель. Но она должна сама осознавать это.

Джо смеётся и машет руками.

— Уверена, что не хочешь? Давай, девочка. Ты должна немного отдохнуть от роли прекрасной сенаторской дочурки. Никто здесь не знает, кто ты. Да и никого ничего здесь не волнует. Блядь, живёшь же один раз.

— Я живу своей жизнью, — говорю ей. Мне обидно из-за неё, мне обидно из-за этой ситуации.

— Держи, — говорит она, протягивая таблетку. — Съешь половину, если не хочешь целую. Это поможет тебе расслабиться. Это не кокаин или ещё что-то подобное. Это по рецепту. От доктора. Помогает от нервов и прочего дерьма.

Я забираю таблетку и тяну к своему рту:

— Ладно. Всё равно.

Мы выходим из ванной и видим парня в кожаной куртке, стоящего там с двумя стаканчиками пива в руках, которые сразу же протягивает нам. Я беру стаканчик, но не пью, потому что боюсь смешивать алкоголь с этой таблеткой.

Он знакомит меня с двумя своими друзьями. Они ещё не настолько пьяные, как он, и выглядят старше. Один из них смотрит на меня так, словно я кусок свежего мяса, облизывая свои губы. Мне хочется убежать отсюда, но я делаю глоток пива, чтобы успокоить разбушевавшиеся нервы.

Другой парень притянул меня ближе к себе, уводя от группы, под предлогом потанцевать. Хорошо, он очень горяч: голубые глаза, каштановые волосы, ровно подстриженные. Полностью соответствует.

Не знаю, сколько проходит времени, возможно, тридцать минут или что-то около того, когда я полностью расслабляюсь. *Реально* расслабляюсь. Я чувствую себя пьяной, в то время как моя голова находится словно в тумане и начинает кружиться — я хочу только спать. Парень, имя которого мне неизвестно, жмётся ко мне, упираясь в мои бёдра своей толстой эрекцией, пока мы несинхронно двигаемся под музыку.

Тот факт, что он твёрд как камень, вызывает у меня тошноту. Когда я пытаюсь высвободиться из его рук, он сильнее сжимает мои бёдра, но я отталкиваю его.

Не знаю, где сейчас тусит Джо, не могу нигде её найти, и мне срочно нужен свежий воздух.

Когда выхожу на улицу, холодный вечерний ветер касается моей кожи, и я начинаю

дрожать. Несколько людей сбились в кучку и тусуются на газоне, несколько пар стоят около дома.

Иду в ту сторону, где нет людей. Я так чертовски устала, что просто хочу домой.

Пытаюсь вспомнить название службы такси в этом городе, но ничего не получается. Разблокировав свой телефон, я вижу сообщение от Колтера.

«Ты опаздываешь».

Фото с изображением его члена прикреплено к сообщению.

Я улыбаюсь, потому что ничего не могу поделать с этим, и, перевернув экран, под другим углом наслаждаюсь видом его члена. Колтер имеет не какой-то там хер. У него прекрасный ствол. Толстый. Пульсирующий и всегда готовый к действию.

Думаю, я пьяная. Пытаюсь понять, что же всё-таки происходит в моей голове. Чёрт, как пишется *«великолепный»*? Пофиг, напишу так:

«Ау. Ни 1 не сосёт».

Почему он выглядит таким твёрдым? Мои руки такие вялые. Я хотела сказать, что его член ещё никто не сосал, но получилось с ошибками.

«Что с твоей орфографией? Ты пьяная? Где ты?»

Я тяжело вздыхаю. Если бы Колтер перестал мне писать, то я бы смогла вызвать такси. Пытаясь удержаться на ногах, я пишу ему ответ.

«Да. Но не твоё собачье дело».

Я нажимаю *«отправить»*, заставляя себе прекратить думать. Каким, блядь, образом набрать справочную? Телефон вдруг начинает звонить, и на мгновение я думаю, что это помощь из этого засранного списка.

— Где ты, черт побери?

Я молчу минуту, чтобы понять, кто же мне звонит:

— Не твоё собачье дело.

— Твой голос невнятный, Принцесса, — говорит он. — Ты пьяная. Скажи мне, где ты?

— На вечеринке, — отвечаю. — Я выросла, и ты не можешь меня опекать.

— Я, блядь, могу, — рычит он мне в ухо. Его голос напоминает мне о последнем разе, когда мы трахались, и я чувствую, как у меня начинает покалывать между ног. — Скажи мне, где ты. Я приеду и заберу тебя.

— Я вообще-то пытаюсь заказать такси. Брысь из моего телефона.

— Я сажусь сейчас в машину, — парирует он. *Как он двигается так быстро?* Он как супергерой. Я хихикаю от этой мысли. — Где ты?

— В доме.

— Где именно?

Я выпаливаю:

— Где-то. Не знаю. Я одета в то красное платье, не в джинсы. Мне это нравится, — слышу, как заплетается язык. Я пытаюсь вспомнить номер этого дома.

— Красное платье, — Колтер произносит слова тихо, и думаю, он очень зол.

— Ты на меня злишься? — спрашиваю я. Не знаю, что в этом смешного, но я хихикаю.

— Какой адрес, Кейт?

— Я как раз этим занимаюсь, Господи, — отвечаю я, оглядывая дом. — Тридцать четыре.

— Тридцать четыре *что*, Кейт? — спрашивает он. — Какой полный адрес?

— Откуда я могу знать это, воображая? Тридцать четыре. Так написано на доме. Хей, ты назвал меня Кейт. Не Кэтрин. *Кейт*, — это, наверное, что-то значит, мне так кажется. *Кейт*. Мне нравится, как это звучит из его уст, поэтому повторяю это слово множество раз. *Кейт, Кейт, Кейт*.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Он игнорирует меня:

— Спроси кого-нибудь. Или посмотри на почтовый ящик. Ты на озере?

— Нет здесь никакого озера. Я где-то недалеко. Хей! Знаешь, где мы? — кричу я какой-то парочке. — Они посмотрели на меня как на сумасшедшую, Колтер.

— Спроси у них адрес.

— Ты что, прикалываешься? — спрашиваю его намного громче, чем кричала той парочке. — Какой адрес? — когда они наконец-то говорят его, я медленно повторяю Колтеру полученную информацию. — Ты раздражён, да?

— Я не издеваюсь над тобой, Кейт, — отвечает он. — Я в пятнадцати минутах от тебя. Где ты?

Я выдыхаю:

— Я только что *сказала* тебе. Почему ты мне надоедаешь с этим вопросом? У меня болит голова.

— Я имел в виду, ты на улице? Ты в безопасности?

— Да, я в безопасности, — спотыкаюсь, когда иду в сторону дома. — Мне нужно присесть. Тут так жарко, и парень, который танцевал со мной, был таким идиотом. Он был таким твёрдым, и это было похоже...

— Какой парень, Кейт? — его тон угрожающий. — Кто, блядь, касался тебя?

Я смеюсь:

— Какой-то парень. Мы просто танцевали.

— В том красном платье.

— Я выгляжу очень горячо, — говорю. *Боже, что я болтаю?* Мои слова такие неразборчивые. — Должна признать, что ты был прав. Платья *действительно* мне идут. Эй, кто-нибудь тебе говорил, что ты говоришь «трахать» слишком часто? Потому что это так. *Трахать, трахать, трахать*. Ещё ты часто это делаешь — трахаешься, я имею в виду. Намного больше, чем я ожидала.

Колтер рычит.

— Не двигайся ни на *грёбанный* дюйм, — говорит он. — Никто не имеет права класть на тебя свои руки, тебе понятно?

— Ты не владеешь мной, Колтер, — отвечаю я, мой телефон сдох.

Или я случайно отключилась. Точно не могу сказать. Сажусь на траву, не заботясь о том, что кто-то сможет увидеть мою промежность. *Где сейчас Джо?* Я старательно пишу ей сообщение.

«На улице. гд ты».

Я не получаю ответа, поэтому пытаюсь держать свои глаза открытыми и жду Колтера.

ГЛАВА 17.

КОЛТЕР

Она меня игнорировала. Кейт, чёрт побери, игнорировала меня после того, как высказалась какой я мудака, пока сама пила на вечеринке.

Она попёрлась на эту вечеринку, напилась и ещё надела то ёбаное красное платье.

Я выбирал ей это платье. Я даже не представлял, что она будет танцевать в нём на вечеринке с другим парнем, который будет касаться её.

Это красное платье было создано специально для Кейт, чтобы подчеркнуть все её сексуальные изгибы и длинные ноги. Могу представить, как она выглядит в нём в глазах всех этих возбуждённых парней.

Я сильнее вжимаю педаль газа в пол.

Я за гранью. Прошло некоторое время, пока я понял, что она отправилась на вечеринку. Это чувство *страшнее* в миллион раз, чем простой гнев.

Я лечу на всей скорости по дороге, не обращая внимания на правила и знаки. Если хоть один парень коснётся её своим грёбаным пальцем...

Я так сильно сжимаю руль, что костяшки пальцев побелели.

Я не мог ясно мыслить, даже когда достигаю дома. Автомобили стоят по обеим сторонам улицы, поэтому я остановился посреди дороги, оставляя включённым свет. Пройдя несколько шагов, я вижу её на газоне.

Вот она нелепо опирается на какого-то парня, который ведёт её в сторону дома.

— Что, блядь, ты делаешь? — кричу я. Кейт распахивает глаза, когда слышит мой голос, она очень одурманена.

— Я просто тут стояла, — произносит она нечленораздельно.

— Она со мной, — говорит мне парень. — Кто ты, блядь, такой?

Кейт морщит лоб и отпихивает его руку от своей.

— Нет. Он просто помогал мне подняться. Он водитель такси.

— Занимайся своим делом, — рычит он мне, но всё же отходит от Кейт, делая от неё шаг в сторону. В этот момент я ни о чём не думаю, и мой кулак встречается с его лицом. Я слышу, как хрустят его хрящи, и он падает. — Блядь, мой нос, больной ублюдок!

Я подхватываю Кейт на руки и несусь в сторону машины.

— Тебе лучше не блевать в моей машине, — предупреждаю её.

— Ты его что, ударил? — бормочет она. Её голова покоится на моей груди, а я в это время вдыхаю аромат её шампуня, жасмин и лимонник. Она пахнет словно Таиланд, и мне становится интересно, была ли хоть раз эта малышка там.

— Да, ударил.

— Он не был водителем такси, — её голос еле слышно.

— Просто какой-то мудака.

— Ты спас меня.

Я не отвечаю, вместо этого пытаюсь открыть переднюю дверь своего автомобиля, придерживая её одной рукой за попку. Мне становится трудно дышать, когда я осознаю, как мало скрывает ткань платья, а её голая кожа упирается в мою ладонь. Сажаю её, а она в свою очередь улыбается мне пьяной улыбочкой.

— Я тебе нравлюсь.

Закатываю глаза, закрываю перед её носом дверцу и сажусь за руль. Мы молчим в течение нескольких минут, поэтому я подумал, что она уснула.

— Я тебе нравлюсь, — говорит она. — Ты приехал за мной.

— Ты в жопу набралась на вечеринке, — не отрываю глаз от дороги, отказываясь переводить свой взгляд на неё, сидящую на переднем сиденье в коротеньком платье. — Я бы был самым ужасным человеком в мире, если бы не приехал и не забрал тебя.

— Ты ударил в лицо того парня, — мурлычет она. — Ради меня.

— Это не значит, что ты мне нравишься, Принцесса. Так что уйми свою гордость, — я не смотрю на неё, потому что знаю, что мой взгляд меня выдаст. Она мне нравится, и это чистая правда.

Когда мы подъехали к дому, она снова повисла на мне, когда я помогал ей выбраться из машины.

— Сколько ты выпила? — спросил я, мои руки держали её, пока мы шли к дому.

— Один стаканчик пива.

— Какого черта... Ты что, под наркотой?

— И...

— И что? — она начинает отходить от меня, но спотыкается, поэтому мне приходится подхватить её.

— Мне не нужна забота. Я прелкасно — прекрасно — могу идти.

— Ага, ты так хорошо держишься на ногах, Принцесса, — говорю я и завожу её в дом, а затем пытаюсь доставить в спальню. Мне снова трудно дышать из-за того, что моя рука касается её оголённой задницы. Мой восставший член упирается в молнию джинсов в надежде выбраться на свободу.

— Я кое-что приняла, — мямлит она.

— Кое-что?

— Таблетку, — уточняет она. — Я была очень нервной. И Джо предложила попробовать.

— Твоя подруга Джо? — спрашиваю я, думая об убийстве Джо. — Она была на вечеринке?

— Да. Но я не знаю, куда она ушла.

— Она тоже напилась? — я тяжело вздохнул, укладывая её в кровать. — Дай мне свой телефон. Ты должна была рассказать мне об этом раньше, чтобы я смог вытащить и её задницу оттуда.

— Только не читай мои сообщения, — просит она. — Это личное.

— Расслабься, сладенькая, — говорю я саркастично. — Меня не волнуют твои сообщения. Я хочу убедиться, что твоя подруга не будет изнасилована хер знает кем.

Её глаза расширяются:

— Думаешь, это возможно?

— Нет. Конечно же, нет. Успокойся, — я разблокировал телефон и начал искать в списке номер Джо. Я звонил кучу раз, и меня всё время перекидывало на голосовую почту.

Клянусь, если мне придётся вернуться на эту вечеринку в поисках той цыпочки, я задую кого-нибудь. Мои мысли прерывает женский голос.

— Это Джо? — спрашиваю я.

— Ага, а ты, чёрт возьми, кто?

— Джо! — кричит Кейт. — Это Колтер.

— Ох. Колтер, — она успокаивает кого-то на заднем плане. — Перестань, я буду здесь, Маверик, — Маверик? Мы в Нью-Гэмпшире или в долбаном фильме восьмидесятых?

— С тобой всё хорошо? — спрашиваю я.

— Да, а почему не должно быть?

Теперь я в ярости.

— Ты всё ещё на вечеринке?

— Не то чтобы тебя это касается, но я кое с кем уехала.

— Ты оставила подругу, чтобы перепахнуться с парнем? — Кейт тянется к телефону, но я отстраняюсь. — Она обдолбанная. Что ты, блядь, ей дала?

— Я думала, она зависает с каким-то парнем, — отвечает эта стерва и закрывает телефон рукой, разговаривая с тем мудаком. — Как зовут твоего друга? Дэн? Дэрк? — затем следует пауза. — Она ушла с Дэном. И ничего не пила, кроме пива.

Я глубоко вдыхаю, чтобы успокоиться и не начать кричать на эту сраную шлюху:

— Что именно ты ей дала?

— В чём твоя проблема? — смеётся она. — Кейт была права, ты *реально ещё* тот мудака. Я дала ей одну таблетку, успокоительное, чтобы не нервничать перед вечеринкой. Она будет немного заторможенной, но придёт в норму.

— А затем ты дала ей пиво, — утверждаю я. *Глубокий вдох. Выдох.* Боже, занятие матери по дыханию все-таки пригодились.

— Один стаканчик пива, — отвечает она. — Это не убьёт её.

— И после всего этого ты оставила её в одиночестве с каким-то парнем, имя которого тебе неизвестно, — продолжаю я. — Ты, блядь, *реально* мозгов лишена? Знаешь, что с ней могло случиться?

— Утихомирь свой пыл, ковбой, — говорит она. — Думаю, девочка вполне может о себе позаботиться.

— Ты глупая сука, — я бросаю телефон, и мне неважно, где он приземлится, эта так *называемая* подружка Кейт — тупая стерва. Затем перевожу взгляд на Кейт, лежащую на кровати.

Голую.

Красное платье валяется мятой кучей на полу, лифчик и трусики лежат поверх него. Кейт уже перевернулась на живот и сейчас болтает ногами, глядя на меня через плечо.

У меня было желание сесть на кровать, закинуть Кэтрин на колени и отшлёпать её соблазнительную задницу так сильно, чтобы она поняла, как было глупо доверять этой подруге. Я в такой ярости, что еле могу дышать.

— Иди сюда, — зовёт она.

Я качаю головой:

— Не сегодня, Кейт.

Она делает обиженный вид.

— Я голая, лежу здесь перед тобой, говорю тебе иди сюда, потому что хочу отсосать. Твой. Член, — она специально делает паузы между словами.

Рыча, я всё же снова мотаю головой в отрицательном жесте:

— Этого не произойдёт, Кейт.

Мои слова звучат намного жёстче, чем я планировал произнести, она перекачивается и садится, её сиськи подсакакивают.

Эти чёртовы сиськи. Мой рот наполняется слюной. Они идеальны. У девушек из

Малибу такие же, но фальшивые, даже у цыпочек моего возраста. Знаете, как говорится в одной шутке? Получи сиськи на шестнадцатилетние. В то же время в Нью-Йорке почти никто не вставляет имплантаты, все девушки там состоят из кожи и костей, забывая свою голову диетами, чтобы стать такими тощими, что не остаётся ни груди, ни задницы.

Но сиськи Кейт не похожи на другие. Они дерзкие, более скромных размеров, но прекрасно смотрятся в моих руках, горсть совершенной плоти. И заставляют груди девушек, с которыми я раньше трахался, выглядеть... жалкими.

И вот эти прелести сейчас прямо перед моим лицом.

Кейт одаривает меня разочарованным взглядом, словно я отверг её. Дерьмо, если бы она только знала, какой я твёрдый, как хочу запустить своего дружка в её горячую киску...

— Ты собираешься отказаться от хорошего минета? — спрашивает она. Эти сладкие слова и «минет» заставляют мой член сильно напрячься, ощущение, что он взорвётся в любую минуту.

— Ты пьяна, Кейт, — говорю сердито. — Ложись спать, — я должен оставить её до того, как сдамся, но перед этим обязан убедиться, что с ней всё в порядке.

— Ты назвал мою подругу сукой.

Приподняв брови, я удивлённо смотрю на неё.

— Эта девчонка, которая дала тебе таблетки, потом пиво, а затем кинула тебя, не твоя грёбаная подруга.

— Ты не должен больше говорить это слово.

— Но это правда, я сказал, что думаю.

Кэтрин ползёт ко мне, а затем, схватив меня за талию, начинает расстёгивать джинсы.

— Мой отец не приедет завтра, — говорит она, смотря на меня своими большими, пронзительными глазами, её тушь размазалась. — Ты можешь трахать меня так громко и сильно, как хочешь, всю ночь, а затем проснуться утром и снова трахать.

Я переплетаю её руки со своими:

— Прекрати, Кейт.

Она высвобождает свои руки и тянет их к моей промежности, скользя одной из них по моему твёрдому члену.

— Ты хочешь этого так же, как и я.

Убирая её руку от своего члена, снимаю футболку и выskalываю из джинсов, складывая их на кресло.

— На кровать, — командую я.

Она откидывается на подушку и выгибает своё тело так, что её сиськи подсакаивают вверх.

— Знала, что ты согласишься.

— Я не давал своего согласия, — говорю ей, выключая свет, прежде чем лечь к ней в постель. — Кто-то же должен убедиться, что ты не перестанешь дышать этой ночью.

— Но я не умылась и не почистила зубы, — хнычет она. — И не готова ко сну.

— Так же, как и я, — говорю ей. — Смирись. Я никуда не уберусь с этой кровати и не собираюсь тебя целовать.

— Какой же ты сегодня *жадина*.

— Сказала девушка, которую я спас от хищника сегодня, — говорю я.

— Так что тут у нас? — её голова ложится на мою грудь, а рука ползёт вниз к боксёрам. — Ты носишь нижнее белье?

— Ага. А теперь будь добра, убери свои шаловливые ручки от моего хера.

Она повинуется, и не больше чем через тридцать секунд я слышу, как её дыхание становится ровным и размеренным.

А я лежу без сна, гадая, что, чёрт возьми, делаю, обнимая лучшую обнажённую девушку, которую когда-либо видел, в то время как у меня самый серьёзный случай посиневших шаров в истории.

ГЛАВА 18.

КЭТРИН

Жёлтый солнечный свет пробивается сквозь балконную дверь, а прохладный утренний воздух щекочет мою кожу. Я посмотрела в сторону, где должен был спать Колтер, а затем на открытую балконную дверь. *Его здесь нет.*

Не то чтобы я ожидала, что он останется после прошедшей ночи. Я подавлена. Но как бы я смогла посмотреть ему в глаза после того, что я говорила и делала, да ещё и парень, трахающий всех подряд, отказал мне прошлой ночью.

Я крадусь по коридору, пытаюсь остаться незамеченной. После того, как чищу зубы и принимаю душ, я чувствую себя гораздо лучше. Но *не* по отношению к Колтеру. Один из самых печальных минусов прошлой ночи, что я помню всё предельно ясно.

Одеваюсь и возвращаюсь в спальню, когда Колтер показывается на моей стороне балкона с чашкой кофе в руке.

— Как ты себя чувствуешь?

— Полностью униженной.

Лицо Колтера не выдаёт никаких эмоций. *Он, наверное, ненавидит меня.*

— Держи, — говорит он, протягивая кофе. — Чувствуешь похмелье?

Я качаю головой.

— Нет. Думаю, дело в той таблетке.

Колтер смеётся.

— Чёртовы дилетанты.

— Заткнись. Никогда раньше не пробовала ничего подобного.

Он улыбается.

— Ну, должно быть, и после не захочешь.

— Я не планирую больше повторять, — делаю паузу, отпивая кофе. — Спасибо, что приехал за мной.

Он пожимает плечами, прислонившись к стене. На него надета синяя футболка, которая выглядит мягкой и вылинявшей. И от этого мне хочется прикоснуться к ней, но я остаюсь сидеть на месте.

— Ничего такого.

— Это очень мило, — говорю я. — Прости за... эм... За то шоу и за задницу, которой я была.

Колтер отталкивается от стены и подходит ко мне. Его промежность на уровне моих глаз, и мне хочется сорвать с него эти джинсы к чёртовой матери, но я не делаю этого, потому что трусливая курица. Но, похоже, ему всё равно. Он задевает пальцем мой подбородок и приподнимает моё лицо.

— Насколько помню, это ты сняла с себя всю одежду и набросилась на меня.

Моё лицо становится красным.

— Я была пьяна. Да, точно. Прости.

— Ты просишь прощение? — переспрашивает он. — Я разочарован, если так.

Я злюсь на его заявление, в то время как он проводит своим большим пальцем по моей нижней губе. Мне так и хочется пососать его, но я не делаю каких-либо попыток.

— Ты единственный, кто отказал вчера. Я набросилась на тебя и предложила отсосать, но ты сказал нет.

Он рычит.

— Ты была пьяна, Кейт.

— И? — спрашиваю. Я злюсь, но не останавливаю его, когда большой палец скользит по моей нижней губе, оттягивая её вниз. Хочу поцеловать его. До боли желаю его прикосновений, и это только усилилось после этой ночи, которую я провела в его объятиях.

— Это то, чего ты хочешь, Кейт? — спрашивает он, наклоняясь вперёд и кладя руки по обе стороны кресла, на котором я сижу. Его лицо в миллиметре от моего, наши губы почти касаются друг друга, моё дыхание становится сбивчивым, а сердце замирает. — Ты просила меня, чтобы я тебя трахнул, когда ты была обдолбанная и реально не осознавала, что делала? Или ты хочешь, чтобы я бегал за тобой как собачонка, когда ты захочешь трахнуться?

— Нет, — протестую я. — Это не то, что произошло.

Я касаюсь его губ своими, сначала это был нежный поцелуй, но затем он перерос в страстный, даже дикий — Колтер просто пожирал мой рот. Это было и больно, и приятно одновременно.

Он дёргает меня вверх и начинает расстёгивать мои джинсы, а затем пробирается к моим трусикам. Одной рукой стягивает их с моей задницы, а пальцы второй вводит в меня, движение грубое, но оно делает меня влажной.

— Это то, чего ты хочешь? — шепчет он мне в ушко. — Хочешь мои пальцы и член внутри себя при каждом возбуждении?

Волны удовольствия проходят сквозь меня от его прикосновений. Я так скучала по ним, долго не получая этого.

— Нет, — шепчу я, качая головой. — Да. Я не уверена. Это не то.

Он смотрит на меня, и на его лице злость.

— Вот именно, Кейт, — затем он убирает свои пальцы из меня и отталкивает, оставляя с желанием между ног.

— Ты злишься, потому что не смог трахнуть меня прошлой ночью? — спрашиваю я, не понимая его поведение.

— Конечно, Кейт, — отвечает он. — Это так. Или из-за того, что ты надела то платье и крутила своей задницей перед другими парнями, а когда ни один не повёлся, решила воспользоваться своим дорогим сводным братцем.

— Что ты несёшь, придурок? — говорю я, мой голос становится твёрже. Я застегнула свои джинсы, злясь на себя за то, что опустила свою защиту и допустила его к себе. *Он сумасшедший. Он горячий и холодный всё время. Мне не нужно этого дерьма.* — Какой-то парень подкатил ко мне на вечеринке, и сейчас ты ревнуешь? Я одеваю то, что хочу, и иду, куда хочу.

— Конечно, Кейт, — парирует он. — Я такой ревнивец. Вот почему не трахнул тебя прошлой ночью.

— Почему ты такой кретин сейчас? Прошлой ночью ты был таким милым. А в следующую минуту... становишься полным дерьмом.

— Конечно же, я полное дерьмо, Кейт, — отвечает он. — А ты хороший кусок задницы. Боже, но почему он такой идиот.

— Это всё? — спрашиваю я, скрестив руки на груди. — Да, я милый кусок задницы.

— Ох, точно, думала, я твой Прекрасный Принц или что-то в этом роде? — смеётся он.

— Мы просто веселились, на этом всё.

— Пошёл вон, — рычу я. Закусываю нижнюю губу, чтобы не расплакаться. Боже, я ведь не влюбилась в этого мерзавца... я не должна. Но почему он такой придурок всё время? — Убирайся нахрен из моей комнаты.

— Как скажешь, Принцесса, — он разворачивается и выходит на балкон, затем я слышу, как его дверь захлопывается.

Падаю в кресло, не в силах сдержать слёзы, текущие по щекам. Я больше злюсь.

Через несколько минут я вижу лежащий на столе блокнот. Обычно я держу его под матрасом. Кроме этого вечера. Прошлой ночью я сунула его под подушку, когда в комнату зашла Джо. Как я могла забыть?

Я подавлена и готова сквозь землю провалиться. Колтер наверняка видел мои зарисовки его... члена, чёрт, сколько их там? Меня сейчас стошнит. Он, наверное, думает, что я одержима им, жалкая девственница, которая не может его отпустить.

ГЛАВА 19.

КОЛТЕР

— Ох, милый, ты выглядишь так элегантно, — говорит Элла, прикрывая рукой свой рот. — Это чудесный смокинг. Как думаешь?

— Ну, думаю намного лучше, чем те кожаные штаны, которые я надел на вашу с Ником свадьбу, твою прошлую любовь, — говорю я сладким голосочком. Её свадьба с парнем из музыкальной группы была смешной.

И дело даже не Элле, которая меня раздражает всё время. Дело в Кейт. Я избегаю встреч и не нахожусь в одной комнате с ней, за исключением обеда, когда сижу в угрюмом молчании. Элла же считает, что это из-за вечеринки в честь помолвки.

— Ты можешь хотя бы ради меня сделать весёлое лицо? — просит она.

— Рад, что ты наконец-то нашла своего козла отпущения, — говорю я. — Твоя мечта стать легальной наконец исполнится.

Я шокирован, когда она отвечает мне пощёчину. Элла делала много вещей, но она никогда не била меня. Стилист, делающий замеры, быстро выходит из комнаты, ссылаясь на телефонный звонок.

— В какой-то момент ты должен повзрослеть, Колтер, и перестать вести себя как испорченное маленькое дерьмо.

— Ну, во мне течёт твоя кровь, мама, — говорю я, потирая щеку. — Я же твой сын, и как там говорят, яблоко от яблоньки недалеко падает, да?

— Я не растила тебя так, чтобы ты вёл себя как полная задница.

— Нет, — отвечаю я. — Ты вообще *не* растила меня. Отправила меня сначала в реабилитационный центр, военную школу, а потом в Брайтон, таким образом ты смогла прожить свои тинейджерские годы, развлекаясь с рок-звездами. Теперь ты встретила кого-то

столь могущественного и влиятельного, чьи руки могут тебя выдержать, и можешь пытаться симулировать обеспокоенность важными делами. Так что сейчас я нужен тебе обратно, чтобы играть роль хорошего сына.

— Это неправда, Колтер, — протестует она. — Я не знала, что мне с тобой делать — я сама тогда была ещё ребёнком.

Я пожимаю плечами.

— Ты сделала свой выбор, — отвечаю. — Так же, как и я, выдерживая это ради трастового фонда. Я играю до конца, но после лета конец, достаточно.

— Виски, — бармен смотрит на меня, качая головой.

— Ты ребёнок сенатора?

— Я ребёнок Эллы Стерлинг, — этот проклятый смокинг мешает мне дышать, сдавливая шею. Здесь душно, несмотря на то, что вечерний воздух прохладный. — Это проблема?

— Да, — ответил он. — Ты старшеклассник. Я не могу обслужить тебя.

— Я не в старшей школе. Но ладно. Плевать, — развернувшись, прислоняюсь к бару, смотря в толпу, которая собралась во дворе.

Вечеринку спланировали распорядители в течение двух дней, Элла просто добавила кое-какие штрихи. Двор был изменён в нечто, что выглядело, как белые огоньки и цветы, понатыканные везде и всюду.

Но минимализм не в стиле Эллы, несмотря на её предыдущие свадьбы. На бракосочетание с рок-звездой привели тигра, что было единственной стоящей вещью. Это же просто... *скучно*. Пока я не увидел её. Мы были в состоянии холодной войны с той ссоры в её комнате.

Она хотя бы должна была скрыть те рисунки от меня. Я лежал в ту ночь на кровати, пытаюсь успокоить свой стояк, когда моя рука наткнулась на альбом.

Страница за грёбаной страницей с рисунками меня. Я опираюсь о перила балкона и курю. Я без футболки и в джинсах с расстёгнутой пуговицей. Моё лицо. Моя грудь. Мой член. Портреты меня с широко раскрытыми глазами.

Я мысленно ругаю себя, что был настолько глуп, связавшись с девственницей. Я попал в ловушку, но в этом нет продолжения. Овладеть её киской одно дело, но она явно увлечена мной. Чего я никак не ожидал.

Кейт говорит с каким-то парнем из школы, думаю, игрок по лакроссу, она уже встречалась с ним прежде. Эти чёртовы игроки и долбаная игра Брайтон Бинго сводят меня с ума. Я сжимаю кулаки, борясь с желанием разбить лицо этому придурку, когда её глаза встречаются с моими.

На ней белое платье, одно с тех, что прислал стилист Эллы. Теперь я уже сожалею, что она носит такие платья перед другими парнями. Оно короткое, едва доходит до середины бедра, украшено золотистым цветочным узором, который бросается в глаза, когда она движется. На её ногах белые сандалии, а в ушах золотистые серьги, волосы собраны наверху, но отдельные пряди спадают и обрамляют её лицо. Всё это делает её похожей на греческую богиню. Она даже понятия не имеет, что каждый присутствующий на этом вечере не сводит с неё глаз.

Кейт смеётся на то, что сказал ей парень, при этом коснувшись его руки. С меня, блядь,

достаточно. Если она хочет флиртовать с каким-то другим парнем, то я не имею никакого желания наблюдать за этим.

Я несусь через задний двор, прорываясь сквозь толпу людей. Элла что-то говорит мне, но я не обращаю внимания, сбегаю в дом через кухню.

— Всё хорошо, Колтер? — спрашивает Роуз, когда я захожу.

— Просто мне нужен перерыв, — я прохожу дальше, но она останавливает меня.

— Библиотека закрыта, — говорит она. — Там тихо, если ты хочешь уединиться.

Я беру её руку и пожимаю:

— Спасибо, Роуз.

Она улыбается, а затем отходит в сторону.

— Я понимаю, иногда такое бывает. Вы, дети, слишком эмоциональные. Хочешь, я сделаю бутерброд? Этими мелкими закусками не наешься. Ты, наверное, проголодался.

— Всё хорошо, — отвечаю я. Мне просто нужно поскорее уйти отсюда.

— Если кто-нибудь о тебе спросит, — шепчет она, — я ничего не видела.

— Ты ангел.

Роуз хихикает.

— Ты бредишь.

— Говорю, как есть.

Закрываю за собой дверь в библиотеку, меня встречает гнетущая тишина. «*Кейт, наверное, сейчас в самом разгаре веселья*», — говорю я себе. — «*Это к лучшему*». То, что было между нами, подразумевало только секс. Ничего более. Она не должна была рисовать страницу за страницей, изображая на них меня. А я не должен был думать о ней, спасать с той вечеринки и отклонять предложение секса, потому что не хотел причинить ей боль.

Я, блядь, больше не знаю, кто я такой на самом деле.

Кэтрин просто перевернула все вверх дном. Я *не* хороший парень.

В библиотеке есть бар, поэтому я наливаю себе немного виски. Тонуший в своей собственной тоске, я стараюсь не смотреть в окно.

Интересно, а что, если отвратительный игрок по лакроссу танцует с Кейт, прижимаясь к ней, скользя своими пальцами по её попке, шепча ей на ушко то, что хочет сделать. От этой мысли мне захотелось убить говнюка.

Вместо этого я проглатываю оставшуюся жидкость залпом, позволяя теплу обжечь моё горло. Я опёрся головой о стену, закрыв свои глаза.

Когда двери открылись, я поднял голову.

Рыженькая закрывает дверь, пересекает комнату и расстёгивает на спине своё чёрное платье, позволяя ему лужицей упасть вокруг ног. Если судить по кое-каким вещам, у неё натуральный цвет волос.

Ладно, чёрт. Было бы ещё лучше, если бы передо мной стояли рыжие близняшки. Она выжидающе на меня смотрит, руки лежат на бёдрах, на ней только чёрные туфли на шпильке.

— Ну? — спрашивает она.

Я не шевелюсь.

— Что ну?

— Я надеялась на другую реакцию. Ну, слышала, что ты любишь потрахаться, — она стоит неподвижно, гордо выставляя свою наготу напоказ, словно какой-то павлин. Не то чтобы она не должна этого делать. Её тело великолепно. За исключением её груди. Я не могу

перестать думать о сиськах Кэтрин. Эти... *меньше*.

— Это то, что они сказали?

— И что? — спрашивает она. — Тебе не нравится то, что ты видишь? Или уже повидал столько цыпочек, которые снимают перед тобой платья, что для тебя это уже пройденный этап?

Её голос отталкивает. Мне надоела её болтовня. Я встаю, поднимаю платье с пола и отдаю ей.

— Я не заинтересован.

Но она не отступает, а наоборот хватает меня за воротник рубашки и трётся своим телом о моё.

— Перестань. Колтер Стерлинг не заинтересован? Я слышала, что ты хорош...

— Я же сказал, что нет. У тебя что, со слухом проблемы? — я отталкиваю её, а затем мой взгляд падает на открытую дверь.

Кейт стоит прямо здесь, не двигаясь, её глаза скользят между мной и обнажённой девушкой, которая стоит недалеко от меня. Она несколько раз моргает, и думаю, она готова разрыдаться. Но она просто качает головой и пятится.

— Кейт! — я бросаю мрачный взгляд на рыжую, которая вообще, кажется, не имеет никакого стыда, стоя голой в библиотеке. — Забирай нахрен свои вещи и проваливай ко всем чертям.

Выбегая из библиотеки, я высматриваю Кейт, но она уже на улице. Прохожу мимо кухни, направляясь к выходу тем же путём, каким вошёл, но останавливаюсь. Официанты выносят новую порцию еды, и я вижу Роуз, которая направляется в мою сторону.

Она одаривает меня взглядом:

— Ты расстроен.

— Разве ты не знала, что я вечно угрюмый ребёнок Эллы? — спрашиваю. — Я всегда расстроен.

Она кладёт руку на свою талию.

— Я не сказала, что злой, — отвечает она. — Я сказала расстроен.

— А есть разница? — я раздражён, но не хочу вымещать всё на ней.

— Есть большая разница между злостью и болью.

Я вымученно смеюсь.

— Мне точно не больно.

— Конечно, не больно, — она вытирает руку о свой фартук. — Но дело в том, как ты смотришь на неё и как она выбежала из столовой. Думаю, она вернулась на вечеринку.

— Понятия не имею, о чём ты.

— Конечно же, не имеешь, — отвечает она. — Но об этом не здесь. У меня много людей, которые ждут моего указаний. Мне нужно работать.

Тяжело вздыхая, делаю шаг на улицу, проходя мимо богатеньких зазнаек, политических друзей сенатора, одетых в смокинги, едва сходящихся на их животах. Их жены уже не молоды, но они так стремятся сохранить былую красоту, делая множество пластических операций на своих лицах. Моя мать пригласила сюда чуть ли не всех звёзд Голливуда.

— Колтер! — зовёт меня сенатор, моя мать как всегда держит его за руку. Она выглядит такой счастливой, что говорит о некотором количестве выпитых бокалов шампанского. — Я хотел бы познакомить тебя с конгрессменом Хиллом и его женой Барбарой. Колтер был принят в Йельский университет с этой осени.

Я остановился, уставившись на него. Вот это новость для меня, так как я никуда не подавал заявление. На самом деле методист в школе практически настаивал на отправке моих заявок ему, но я отказался. Зачем идти в университет, если у меня есть трастовый фонд?

Кроме того, нет никакого смысла учиться где-то для таких людей, как я. Мы должны жить на дивиденды, тратя наши деньги направо и налево, позировать для журналов, посещать светские мероприятия, а затем встретить девушку, которая будет пытаться сохранить свою молодость, тратя сумасшедшие деньги на пластические операции.

Моя мать смотрит на меня, ожидая:

— Ты *планируешь* пойти в Йель этой осенью, Колтер?

Улыбнувшись, я киваю головой.

— Очень надеюсь на это, — отвечаю. Я просто хочу поскорее уйти с этой долбаной вечеринки. Моя цель — найти Кэтрин, но зачем? Лучше, чтобы она думала, что я хуже, чем есть.

Пока не вижу её с этим неандертальцем-игроком. Я смотрю, как она хватается за два бокала шампанского с подноса официанта, выпивая их один за другим. Кейт бросает на меня мимолётные взгляды, а затем поворачивается к парню.

Моя мать что-то мне говорит, в то время как жена конгрессмена касается моей руки, но я не обращаю на них никакого внимания. Всё исчезает, когда я наблюдаю, как Кэтрин подаётся вперёд, положив руку ему на плечо, а затем заправляет за ухо локон, наклоняет голову и, улыбаясь, закусывает нижнюю губу.

Так она улыбается для меня. Эта улыбка убивает меня. Это толкает меня за грань.

ГЛАВА 20.

КЭТРИН

Он разговаривает с моим отцом и с его партнёрами о «действительно важных вопросах», о предстоящей президентской гонке, и, о боже, мне кажется, что он только что сказал, что хочет обзавестись женой и детишками. Я касаюсь его руки и делаю вид, что всё, что он сказал, выглядит до ужаса смешным, но на самом деле Колтер всё ещё не покидал мои мысли. Я просто не могу выкинуть из головы... Колтера, который стоял с той женщиной в библиотеке.

Меня тошнит. Только от одной мысли о том, что он может трахать другую девушку, да ещё в библиотеке, мне становится плохо. Думаю, она замужем, потому как я видела её под ручку с пожилым мужчиной вечером.

Официант поднёс ещё шампанского, и я схватила ещё один бокал, несмотря на то, что уже выпила два перед этим. Я хочу, чтобы Чейз просто заткнулся. Он всё время говорит и говорит, бесконечный поток слов, и от этого мне хочется выколоть себе глаза.

Интересно, что будет, если я немного пофлиртую с Чейзом. Он не полный придурок. Возможно, если я с ним пересплю, то это поможет забыть о Колтере, который так сильно засел в моей голове. Ну да, у него есть член, и он прекрасно трахается. И больше я ничего о нём сказать не могу.

Поднимаю взгляд и вижу Колтера, стоящего передо мной.

— Простите, — говорит он, проталкиваясь своим плечом между мной и Чейзом.

— Что за нахрен? — вскидывается Чейз.

— Мне нужно поговорить с Кэтрин, — парирует Колтер. — Это значит, что тебе пора свалить.

Чейз выпрямляется и выпячивает свою грудь вперёд.

— Я с ней говорю, уёбок. Ты что, хочешь, чтобы я надрал тебе зад в твоём доме?

— Чейз, — поправляю я мягко. — Здесь не то место.

— Пофиг, — отвечает он, закатывая глаза. — Кто-то же должен вытрясти всё дерьмо из твоего сводного братца, который...

Колтер смотрит на него:

— Почему ты всё ещё здесь?

— Иди нахер, урод, — но Чейз поднимается и уходит. Я не смотрю ему вслед.

Но я очень зла на Колтера.

— Что, уже устал трахать рыжую? — шиплю я.

Он хватается меня за руку и наклоняется ко мне, окидывая меня взглядом, а затем отводит меня на несколько шагов в сторону. Бармен в это время смешивает свой напиток, но у меня есть подозрения, что он может слушать нас. Колтер шепчет мне на ушко:

— Это *не* то, о чём ты подумала, и я объясню.

Я отталкиваю его.

— Мне не нужны твои объяснения, Колтер. Это не моё дело, — но я *должна* убраться отсюда.

Проталкиваюсь сквозь толпу и направляюсь ко входу в дом. Знаю, что Колтер где-то позади меня, но, если честно, мне насрать на него. Мне хочется убежать от этих людей, и ещё я чувствую, что немножко пьяна от шампанского.

— Кейт, — Колтер произносит моё имя громко, затем тише, как только на кухне я проскальзываю мимо поставщика продуктов и направляюсь к столовой, где никого нет.

Я поворачиваюсь и смотрю на него.

— Что, Колтер? — спрашиваю я. — Ты можешь сказать мне нечто, что я хочу услышать?

— Это не то место для разговора, Кейт, — он кивает в сторону раздвигающейся двери, разделяющей комнаты, двери, которая едва позволяет скрыть какой-либо разговор.

— Может, нам стоит пойти в библиотеку. Не считаешь это место подходящим?

— Я уже тебе говорил, что это не то, о чём ты подумала, — повторяет он, растягивая каждое слово и оглядываясь через плечо в сторону кухни; самое последнее, чего мне хочется, чтобы нас кто-то услышал, и его обеспокоенность ещё больше раздражает.

— Ты прав, — шепчу я. — Я была, наверное, очень смущена увидев голые сиски и задницу. И не смогла нормально разобраться в ситуации.

С меня хватит этого разговора, и с меня хватит Колтера.

Я быстро выбегаю из комнаты и буквально взлетаю по лестнице, несмотря на эти глупые шпильки. Он следует за мной и, когда я уже у двери своей комнаты, настигает меня, его тело опасно близко к моему.

— Лучше тебе открыть эту чёртову дверь, — тихо рычит он.

Я остановила руку, которая уже приблизилась к замку на двери.

— Возвращайся к себе в комнату. Я не хочу с тобой разговаривать.

— Открой эту грёбаную дверь, пока кто-то нас не застукал, — повторяет он. — У тебя две секунды до того, как я сниму свои штаны, — его рука скользит по моему бедру, и я

сбрасываю её.

— Не прикасайся ко мне. Ты отвратителен, — но я всё же открываю дверь. Он прав, кто-то может подняться по лестнице и увидеть нас.

Он закрывает за собой дверь, сильно хлопнув ей, а я иду к окну и задёргиваю шторы, прежде чем повернуться к нему лицом.

— Ты злишься, — говорит он.

— Я не злюсь. Мне просто не нравится дерьмо, которое ты создаёшь своими поступками.

Колтер скрещивает руки на груди и ухмыляется. Проблема в том, что в этом смокинге он просто неотразим.

— Ты, правда, думаешь, что я трахался с рыжей в библиотеке?

— Как ты можешь задавать мне этот вопрос, Колтер? Конечно, я думаю, что ты её оприходовал. Твоя репутация говорит за тебя.

Кажется, он разочарован.

— Независимо от того, что ты можешь думать, я не мудака.

Я смеюсь.

— Наверное, ты думаешь, что я идиотка, — произношу. — Или наивная дурочка, которую ты лишил девственности.

— Я не считаю тебя идиоткой или наивной, — отвечает он. — Поэтому ты знаешь, что я не трахал её, — он выглядит искренним, и мне почему-то хочется ему верить, но я не могу быть уверенной в том, что он не лжёт.

— Рядом с тобой стояла голая девушка в библиотеке, а её одежда была в твоих руках. Ты её трахнул.

— Кейт, я *не мудака*, — разъясняет Колтер. Отвлекаюсь на его рот, наблюдая за тем, как он говорит. Мне хотелось почувствовать его тёплое дыхание на своей коже. — Она была отталкивающей.

— Она была горячая, — возражаю я, — и голая.

— Сколько прошло времени, как я покинул вечеринку? — спрашивает он. — Десять минут? Пятнадцать? Этого времени хватило, чтобы выпить в библиотеке.

— Достаточно времени, чтобы её трахнуть.

— Ты трахалась со мной, Кейт, — говорит он, а его глаза встречаются с моими. — Так скажи мне, пятнадцати минут для меня достаточно?

— Как насчёт того, когда мы были в библиотеке тогда? — напоминаю я ему. — Ты долго там продержался?

— Лестница сломалась. Это не моя вина.

— Ты кончил до того, как она сломалась.

— Только потому, что ты кончила на мой член.

— И? Это что-то меняет?

Он поднимает руку и проводит пальцами по моей шее, цепляя ожерелье на груди.

— И... я не мог кончить, не дождавшись тебя, Кейт.

Я смеюсь:

— Уверена, ты говоришь об этом всем девчонкам.

Он прищуривается, когда смотрит на меня:

— Нет других девчонок.

— Я тебе не верю.

— Нет, веришь, — говорит он, проводя пальцем по моей щеке. Он двигается по контуру моей челюсти, а затем тянет меня за подбородок, чтобы я посмотрела на него. — Потому что ты знаешь, что это правда. После тебя не было ни одной.

Моё сердце пропускает удар:

— Но рыжая...

— Я её даже не знаю. Она вошла и разделась передо мной, — он наклоняется и целует меня, его губы буквально сплетаются с моими, движения нежные.

Я отталкиваю его, не в силах сдержать свой смех:

— Женщины просто так не приходят и не раздеваются.

— Они делают это для меня.

— Но это глупо.

— Я же звезда, — отвечает он. — Это не первый раз.

— И это было не в последний раз, — я снова зла на него.

Зла на самую идею того, что женщины вот так просто могут зайти в комнату и наброситься на Колтера. Я раздражена тем, что пульсация между моих ног становится всё сильнее. Потому что от этого я теряю остатки своего разума, желая похоронить его член внутри меня.

— Мне нравится это ревнивое выражение, — шепчет он. — Это восхитительно.

— Я не ревную, — вру ему или себе, не уверена. — Просто не хочу, чтобы ты подцепил какую-нибудь венерическую заразу.

— Ревнуешь, — говорит он и снова завладевает моими губами. Он лижет мою нижнюю губу кончиком своего языка, и я делаю вдох, в то время как в мои мысли проникает похоть.

— Ты единственный здесь ревнуешь. Когда увидел меня с Чейзом на улице.

Он хватается меня за волосы, притягивая ближе к себе и набрасываясь на мои губы. Небольшая боль пронзает меня, когда он с жадностью начинает поглощать мой рот, а наши языки сливаются в единое целое. Моё тело горит, и руки Колтера начинают исследовать его. Я так долго не чувствовала его внутри себя.

Когда он наконец отстраняется, то не отпускает волосы, удерживая моё лицо.

— Ты чертовски права, я ревную, — рычит он. — Даже не думай о том, что снова сможешь заговорить с ним.

— Сказал парень, у которого была голая девушка в библиотеке. Какая ирония.

— Я не прикасался к ней. Я её выгнал, — заверяет он. — Она отвратительна.

— Она горячая. И ты мог к ней прикоснуться. Ты и я ничего не значим.

— Этот игрок по лакроссу и пальцем тебя не тронет, — злится он. — Ты принадлежишь мне.

— Что это, Колтер? — спрашиваю я. — Ты же тот, кто сказал, что просто веселишься. Ты же не хочешь «жили они долго и счастливо», помнишь?

Хватка на моих волосах стала сильнее, когда он притянул меня ещё ближе к себе, его эрекция упирается в моё бедро.

— А ты не хрупкая Принцесса, которая нуждается в любви с первого взгляда, — потягивает он, пробежавшись рукой по внутренней стороне моего бедра, и затем его палец касается моих половых губок. Я мокрая, из меня практически капает, и когда он это понимает, то снова завладевает моим ртом.

— И какая же я? — спрашиваю, когда могу сделать вдох.

— Ты самая раздражающая девушка, которую я когда-либо встречал, — отвечает он,

снова сжимая мою волосы. Он хватает меня за грудь, окутывая теплом, и мои соски твердеют от его прикосновения.

— А ты...

— Ты никогда не перестаёшь бесить меня, — улыбается он.

Я смеюсь:

— Ты пещерный человек вместе с твоим...

Он сильнее сжимает мою грудь, посылая приятную боль по всему телу:

— Продолжай болтать, и я найду, чем занять твой ротик.

Я не могу сопротивляться. Колтер каким-то образом влияет на меня. Он уже что-то значил для меня после того, как я переспала с ним в первый раз. *Той ночью* он сделал меня полностью своей.

Мысль о его руке в моих волосах, а члене в моем рте делает мои ноги ватными.

— Это угроза?

— Испытай меня, Принцесса. Разбуди во мне зверя и увидишь.

— Тогда вперёд, — отвечаю я, опустившись на колени. — Скажи мне ещё раз, — расстёгиваю ширинку и беру его массивный член в свои руки.

Колтер стонет:

— Ты заноза в заднице...

Обвив свою руку вокруг члена, я лижу его снизу вверх, чтобы слизать смазку. Медленно скольжу губами по головке, пробуя его на вкус, запах; стоны Колтера гортанные. Затем я останавливаюсь и поднимаю свой взгляд на него:

— А ты придурок.

— Хорошо-хорошо, — отвечает он, стягивая мои волосы.

— Ублюдок, — мои слова превратились в стон, когда он потянул меня за волосы и силой толкнул член в мой рот. Обернув свои губы вокруг него, я с жадностью стала сосать.

— Чопорная, пуританская и правильная маленькая девственница, — говорит он, когда я наконец-то могу передохнуть от толкания его члена в моё горло, но его слова действуют на меня потрясающе.

Одной рукой беру его яйца, а второй провожу по всей длине, в то время как он стонет и отстраняется назад, позволяя мне взять контроль в свои руки. Спустя несколько минут его хватка ослабевает, и он отпускает меня. Я отстраняюсь от его члена и оборачиваю свою руку вокруг него, проводя по всей длине несколько раз.

— Тебе лучше вернуть свой ротик обратно, — предупреждает он грубым голосом.

— Я уже не девственница несколько месяцев благодаря тебе. А ты высокомерный, эгоистичный придурок, который не может думать ни о чём, кроме секса, — отвечаю, противясь ему.

— Ботаничка, — произносит он и запрокидывает назад голову, когда мой рот возвращается на его член, а язычок начинает парить по головке.

— Шлюшка, — парирую я, сильнее посасывая его головку губами, а рукой массирую его яички.

— Дерьмо, — ругается он, притягивая мою голову. — Соси его, Принцесса, ещё сильнее.

Но я этого не делаю и просто отстраняюсь:

— Я же говорила тебе перестать меня так называть.

— Иди сюда и продолжай делать с моим членом, что делала до этого, *Принцесса*, —

рычит он. — Ты так сексуально выглядишь на коленях и с этим чуть открытым ротиком передо мной, что мне прямо сейчас хочется кончить на это милое личико.

Моя киска пульсирует от такого заявления. Я очень сильно хочу его.

— Я приму всё это в рот, — мой голос тихий. — *Чудак*.

Схватив меня за голову обеими руками, он трахает мой рот, его смазка начинает капать на язык, поэтому я предполагаю, что он взорвётся в любой момент. Я несколько раз хотела этого, но он останавливал меня до того, как кончал, и надевал презерватив, чтобы зарыться членом в мою киску.

Мне хотелось *попробовать* его.

— Чёрт, я собираюсь кончить, — говорит он, предупреждая меня, но я всё так же продолжаю заглатывать его ещё глубже. — *Кейт...*

Я стону в ответ, мой язык давит на нижнюю часть его члена, и чувствую, как он начинает терять свой контроль.

— Дерьмо, *Кейт*, — рычит он, его руки зарываются в мои волосы, удерживая меня на месте, когда его семя ударяет мне в рот. Я глотаю первый раз, потом снова, а его член все продолжает изливаться в моё горло.

После того, как он кончил, не теряя ни минуты, он поднимает меня на ноги и тянет к себе.

— Твой чёртов рот, — говорит он.

— Молчи, — говорю я. — Я что-то не так сделала, да?

— Твой рот чертовски восхитителен, — улыбается он. — И ты должна открывать его только для моего члена. *Скромница*.

— Спасибо за великодушное предложение. *Избалованный ребёнок*.

— Я могу быть очень великодушным, — говорит он. Он по-прежнему одет в свой смокинг, его рубашка немного помялась, хотя он и был всё время на ногах. Колтер снимает свой пиджак и аккуратно кладёт на мой стул. Оглядывая мою комнату, он командует. — Раздевайся. *Сейчас же*.

Я закатываю глаза:

— Как романтично.

— Ты уже знаешь, что я не могу любить. А ты не нуждаешься в романтике, — говорит он, расстёгивая запонки, а затем пуговицы на рубашке. — Тебе нужен кто-то, кто будет говорить, что сделает с тобой, а затем трахнет. И сейчас я *хочу*, чтобы нахрен сняла это платье и показала мне своё прелестное тело.

Он не ждёт моего ответа. Просто снимает свою рубашку и брюки, при этом не сводя глаз с меня. Я повторяю то же самое с платьем, и оно падает на пол.

Его руки ложатся на мою талию, а затем он проводит ими до основания моей задницы. Когда он пальцем задевает мою щёлку, я сжимаюсь, готовая кончить от одного простого прикосновения.

Резко вдыхаю, прежде чем начинаю говорить.

— Ты ошибаешься.

— Разве? — спрашивает он, убирая свои руки от меня, и я начинаю бояться, что он снова исчезнет.

— Что... Куда ты идёшь?

Он берет меня за руку.

— Оседлай меня, — говорит он, когда ложится на пол.

— Что? Зачем...

— Опустив свою киску на моё лицо, — поясняет он. — Сейчас.

Мне и так душно, я еле могу говорить и, следуя его команде, разворачиваюсь, но он останавливает меня.

— Нет. Лицом ко мне. Это всё только для тебя.

Опускаюсь на его лицо, моя киска встречается с его губами, в то время как я смотрю на него. Кончик его языка касается моей сердцевины, он проводит им вдоль моей киски. Мой сок капает на него, и он стонет, когда начинает ласкать меня.

Я нервничаю и стесняюсь, осознавая тот факт, что его губы ласкают меня. Но, когда он руками хватается за ягодицы, вдавливая сильнее свой рот в меня, вся моя застенчивость тут же исчезает.

— О Боже, твой рот, — хнычу я.

Он смотрит, а затем отстраняет своё лицо от меня, его рот блестит, вымазанный моими соками.

— Я люблю твой вкус. Не могу им насытиться.

Стону, зная о том, что внизу собралась толпа людей, чтобы отпраздновать помолвку моего отца и Эллы. Мы должны вести себя тихо, или кто-то сможет нас услышать. От этой мысли возбуждаюсь ещё больше, а Колтер начинает сильнее лизать меня, отчего я скачу на его лице, цепляясь своими руками за его волосы.

Я скольжу вниз, сжимая свои сиськи, пока этот чудо-рот меня трахает, возносясь всё выше и выше. Его язык повсюду: ударяет по моему клитору, проникает внутрь, дразнит меня, заставляет думать о его члене. Он раздвигает мою попку, и я чувствую, как его палец упирается в анальное отверстие.

Я извиваюсь от его прикосновения, тону в удовольствии, пока его палец трахает меня, и мне кажется, что он смеётся, но этот звук исчезает между моими ногами. Он силой притягивает меня к своему лицу, и от этого мне хочется кричать, но я сдерживаюсь, понимая, что нас могут услышать. Кто-то может прийти и увидеть меня голой, скачущей на лице своего сводного брата, словно на грёбаной лошади, и то, как моя грудь подпрыгивает в воздухе.

Колтер снова толкает свой язык в меня, а его палец по-прежнему трахает мою попку, и мысль о том, что меня могут увидеть в таком состоянии, отправляет меня за грань.

Когда я кончаю, это ослепительно. Я сильнее дёргаю волосы Колтера, мой рот закрыт в попытке сдержать крик, но чувства переполняют. Чувства к Колтеру, его отсутствие в течение всей недели, ревность к другой девушке — всё это поглощает в то время, когда я кончаю ему на лицо.

Мой оргазм ещё продолжается, когда он отстраняется от меня.

— Становись на четвереньки, — рычит он.

Я как в тумане, моя киска пульсирует.

— Что?

— Ты меня прекрасно слышала, — он хватается презерватив и разрывает фольгу зубами, смотря на меня как дикое животное. Его член твёрд. Он раскатывает презерватив по нему. — Что я, блядь, только что сказал?

Я хихикаю, это звучит забавно.

— Окей, босс.

Он не отвечает, а просто хватается подушку и бросает её перед моим лицом:

— Будешь кричать в неё.

— Ты хорошо о себе думаешь, — говорю я.

— Тебе понадобится эта подушка, — он не ждёт моего ответа, просто толкает меня на четвереньки. Кончик его члена прижимается к моему входу, а затем он входит одним быстрым толчком, моя влажность легко позволяет ему проскользнуть. Его руки покоятся на моих бёдрах, в то время как он жёстко меня трахает, моя грудь покачивается, пока его член скользит туда и обратно.

— Чёрт, Колтер, — шепчу, стараясь вести себя тихо, звук наших соприкасающихся тел заставляет нервничать. Моя киска настолько чувствительна от оргазма, что я остро чувствую его член внутри себя. Это так давит, что я готова выползти со своей кожи. — Не знаю, смогу ли вытерпеть это.

Его руки на моей спине поглаживают кожу.

— Я заставлю тебя кончить снова. В этот раз я сведу тебя с ума.

Моя киска сжимается вокруг него, пока он вколачивается в меня, посылая приятные ощущения по всему телу.

— Твой член... — думала сказать «слишком большой», но не хочу ему этого говорить. Сочетание удовольствия и перевозбуждения вместе с болью — то, чего я никогда ещё не испытывала.

— Твоя киска охеренно тесная, — шепчет он, его яйца ударяются о мои губки, когда он входит до конца. — Тыходишь мне как чёртовы перчатки.

— Боже, Колтер, я снова собираюсь кончить, — предупреждаю.

— Ты не кончишь, пока я не скажу тебе об этом, поняла? — он хватается за волосы и тянет мою голову назад. — Ты, блядь, должна слушаться, когда я даю команду.

— О Боже.

— О Боже, что?

— Да, — я задыхаюсь. — Да, да. Жду, — не знаю, смогу ли.

Колтер шлёпает меня по попке, посылая новое удовольствие от боли по телу.

— Коснись своего клитора.

— Нет, — протестую я. Если сделаю это, тут же кончу.

— Прикоснись, — командует он, и я повинуюсь, опуская свою руку к клитору, когда он начинает трахать меня сильнее. — Скажи мне, как ты это любишь.

— О, да, я люблю это, — тру клитор интенсивней.

— Скажи мне, что ты любишь, когда я трахаю твою сладкую тугую киску.

— Люблю, когда ты меня трахаешь, — я уже так близка.

— Скажи это снова: Я люблю, когда ты трахаешь мою сладкую, тугую киску.

— Я. Люблю. Когда. Ты. Трахаешь. Мою. Сладкую. Тугую. Киску, — произношу слова, выделяя каждое. — Колтер, не останавливайся. Не останавливайся.

— Ты хочешь кончить?

— Да, да. Пожалуйста. Да, — думаю, я умру, если он не позволит.

— Скажи: *Пожалуйста, Колтер, позволь мне кончить*, — его рука скользит по нижней части моей спины, он толкает меня вниз, и моё лицо упирается в подушку. Я хватаюсь за неё, пока моя задница парит в воздухе. Кусаю ткань, пытаюсь сдержаться. Но моя киска такая мокрая и опухшая, что я не могу этого сделать.

— Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Колтер.

Он рычит и погружается в меня снова:

— Кончай для меня, Принцесса.

Я сделала это, плача в подушку от такого сильного оргазма и от того, что он кончает во мне. Это действительно свело меня с ума, как и говорил Колтер. Не знаю, сколько прошло времени, когда я отрываю лицо от подушки и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

Колтер проводит руками по моей спине, спускаясь к бёдрам:

— Я же говорил, что тебе пригодится подушка.

— У меня нет слов.

Он усмехается.

— Конечно, нет, — говорит он. — Вот о чём я говорил.

Я смеюсь:

— Ты *не хотел* бы меня, если бы я была молчаливой. Заскучал бы.

— Я был бы на *небесах*.

— Да пошёл ты.

— Снова? — он шлёпает меня по попке. — Мне нужна минутка, и я снова буду в строю.

— Как думаешь, кто-нибудь заметил наше отсутствие?

— Думаю, у нас уже собралась аудитория за дверью, — говорит он, выходя из меня и снова шлёпая.

— Что? — пишу я.

— Утихомирься, — смеётся он. — Я же пошутил. Твоё лицо было вжато в подушку. Если бы было не так, ну... Значит мы бы попали на первые страницы журналов под заголовком «*Они трахались на озере Уиннипесоки*». Думаю, это также попало бы в *мировые новости*.

— Пойду приму душ.

— Ты никуда не пойдёшь, — говорит Колтер, протягивая мне моё платье.

— Почему это? — спрашиваю. — Я не собираюсь идти обратно, воняя...

Он перебивает меня, приподнимая свои брови:

— Как только что оттраханная своим сводным братом на полу своей комнаты девушка?

Я хватаю подушку с пола и бросаю в него:

— Пожалуйста, *прекрати* так говорить.

— Сводный брат? — издевается он. — Это смущает тебя? Я имею в виду, это же останется в семье.

Я закрываю свои уши:

— Ла, ла, ла, ла. Не слышу тебя.

Он пересекает комнату и убирает мои руки с ушей, а затем целует в губы, его поцелуй перерастает от дикого к нежному.

— Иди в ванную и прими душ, я сделаю то же самое. Встречаемся внизу. И, если ты заговоришь с тем парнем, я сломаю ему челюсть на глазах у всех, а затем отшлёпаю тебя.

Мои глаза расширяются.

— Самое печальное то, что ты реально настолько безумен, что с лёгкостью это сделаешь.

— Правильно думаешь. Думаю, ты начинаешь узнавать меня в конечном итоге, Принцесса.

КОЛТЕР

— Чёрт, ты меня до смерти напугал, — она стоит около открытой двери, которая ведёт на балкон, одетая в хлопковую футболку, едва прикрывающую её попку. И в трусиках, но я их не вижу. Это должны быть тонги (прим.: трусы, образованные соединением силуэтов стринг и викини в минимальном варианте), так как я сжёг её забавные бабушкины труселя. — Что смешного?

— Ничего, — отвечаю я. — Ты собираешься меня впустить или как?

— А у меня есть выбор? — спрашивает она.

Я ухмыляюсь и тяну её за руку ближе к себе. Нежно её целую, давая ей раствориться во мне, а затем замечаю альбом на кровати.

— Снова рисуешь? — спрашиваю я, взяв его. Кэтрин тянется к нему, но я поднимаю его вверх так, что она не может достать. — Чёрт, да ты просто не можешь выбросить меня из головы, я прав?

— Верни обратно, идиот, — рычит она сквозь сжатые зубы. — Или я закричу.

— Вперёд, — смеюсь. — Я уверен, нашим родителям понравится твой полуголый вид и зарисовки с участием моего члена.

Она смотрит на меня, потом скрещивает руки на груди, садясь на кровать.

— Отлично. *Пофиг*. Так или иначе, ты их уже видел, так что меня это не волнует.

— Очень разумно с твоей стороны, — отойдя к другой стороне комнаты, смотрю на картину, которую нарисовала Кейт. Я ожидал увидеть себя, но нет. — Это твоя мама?

Она кивнула, и взгляд Кэтрин заставляет меня почувствовать стыд.

— Я нарисовала её по памяти, нет, знаешь, какой я её видела в последние дни жизни.

— Это очень мило, Кейт, — «*мило*» — тупое слово, которое вырвалось с моего рта. Кэтрин рисует очень красиво — такой была моя первая мысль, когда я увидел один из рисунков меня.

— Я нарисовала тебя не потому, что была одержима или что-то типа того, — говорит она. Я передаю ей альбом, и она закрывает его; могу сказать по её взгляду, что она смущена.

— Нет? — спрашиваю я, приподнимая брови. — Ты ранила меня в самое сердце. Я всегда хотел себе сталкера.

Она ничего не говорит в течение минуты, и я уже не очень рад, что выбрал этот путь в поднятии настроения, но затем Кейт смотрит на меня и пожимает плечами.

— Ну, взяла прядь твоих волос для храма, который сделала в честь тебя.

Я сажусь на кровать. Кэтрин в это время прислонилась спиной к подушке, подтянув колени к своей груди. Она выглядит такой уязвимой, что хочется просто обнять её, но мне кажется это банальным, поэтому я укладываю её ноги на свои колени и кладу сверху них руки. Прямо сейчас, находясь рядом с ней, я чувствую себя комфортно.

— Это хорошо, — говорю я. — Волосы... Не так уж и плохо. Вот если бы ты сняла мерки моего члена, было бы немного жутковато.

— Чёрт возьми. У меня планы на этот вечер, — говорит она. — Я должна купить гипс в магазине.

— Гипс не очень удобный. Я предпочту шоколад.

Она смеётся, но всё это быстро проходит, и мы сидим в тишине, я не прекращаю потирать её ноги. Это ничего не значит: Колтер Стерлинг — два месяца моногамии под его ремнём — растирает ноги цыпочки и разговаривает.

— Ты часто о ней думаешь?

— О ком?

— О твоей маме, — отвечаю я, кивая на рисунок.

Кэтрин пожимает плечами.

— Она уже давно умерла, понимаешь?

— Не так и давно, — противоречу я. — Прошло несколько лет, да?

— Ага. В конце восьмого класса. Она уже была больна год, когда это произошло. Рак молочной железы. Было уже слишком поздно, когда его обнаружили.

— Мне жаль, — я не знал, что сказать.

Кейт пожимает плечами:

— Случилось то, что случилось, так ведь? Я имею виду, тебе не за что просить прощения или извинения, а тем более жалеть.

— Потом тебя отправили в Брайтон, — утверждаю я.

— Как только отец смог избавиться от меня, он сделал это, — её голос жёсткий.

Избавиться от чего-то, что тебя тяготит, — то, что мне было понятно:

— Он и Элла просто созданы друг для друга.

Она смотрит на меня.

— Что хочешь этим сказать? — спрашивает она. — Ты знал своего отца?

— У Эллы тоже было *очень сильное желание* избавиться от меня, как только я родился, — рассказываю. — Кто, чёрт побери, знает о том, кем был мой отец?

Кэтрин выглядит немного потрясённой:

— Ты действительно не знаешь?

— Она когда-то говорила, что он был неудачником из Джорджии, — отвечаю ей. — Когда мне стукнуло пятнадцать, я нанял частного детектива, чтобы найти его. Но моя мать узнала об этом и заплатила кому-то, чтобы тот сказал, что он является моим отцом. Думаю, она заплатила тогда много, ведь сама даже не знает, кто это.

— И никто не захотел проводить ДНК-тест?

— Нет, если ты даже не можешь выделить кого-то — спрашиваю я.

— Дерьмо. Это ужасно.

Ядвигаюсь к её икре, потирая ногу, это немного отвлекает.

— Да пофиг. Это ведь не так важно, правильно? Такова жизнь. По крайней мере, твой отец её возраста и намного старше восемнадцатилетнего парня, с которыми она встречалась.

— Иногда я думаю, что мне не положено быть счастливой, знаешь? — спрашивает она. — Некоторые люди такие счастливые, но я не из их числа.

Это я понимаю. Всё время в погоне за счастьем, словно это твоё грёбаное проклятье.

— Если ты пошлешь своего отца нахер, бьюсь об заклад, будешь счастливой.

Она подавляет свой смешок.

— Ага. Ты, конечно, прав. Так и сделаю.

— И больше не будет никакого Гарварда осенью? — спрашиваю я.

— Думаешь, что я не счастлива из-за поступления туда, — утверждает она. — Возможно, это моя мечта.

— Смешно, — говорю я.

— Возможно, я хочу пойти в Гарвард.

— Нет, не хочешь, — произношу эти слова уверенно, хотя и не должен. Я не могу знать, что на самом деле она хочет или не хочет, но делаю это. В чём точно уверен, так это в том,

что она не хочет ехать в этот долбаный Гарвард и не хочет учиться на юридическом. Это не то, чего она для себя желает.

— Могу я тебе что-то показать? — спрашивает она. — Но ты не должен никому рассказывать об этом.

— Покажи мне, — она вскакивает и хватается свой альбом, достаёт что-то из него, а потом суёт мне в руки. — Что это?

— Смотри.

Я читаю письмо, и там написано, что её приняли в Калифорнийский университет.

— Это то место, куда ты хочешь поступить?

— Я хочу сказать, что этого никогда не произойдёт, знаешь? — спрашивает снова она. — Это не Лига Плюща. Но у них реально очень хорошая программа по искусству. Мой отец кожу с себя сдерёт, если я пойду на Искусство. Он скажет, что это пустая трата времени.

— Но тебя приняли, — утверждаю я. — И ты ведь пойдёшь туда, да? Должна это сделать, потому что это то, чего хочешь именно ты.

Она выхватывает листочек из моей руки и кладёт его в ящик.

— Думаю, это невозможно. И это в Калифорнии. У моего отца сердечный приступ случится. Мисс летняя стажировка в Капитолии на факультете Искусства? Я хочу сказать, что дальше ждёт меня в этой жизни... Эскизы? Это непрактично, — она пожимает плечами. — Я хотела бы себя в этом попробовать.

— Ты должна делать то, что делает тебя счастливой.

Она закатывает глаза и возвращается на то место, где сидела ранее.

— Мне не нужны советы от Мистера Жизнь-Это-Гигантская-Вечеринка, — ёрничает она. — У твоей матери много денег. Ты вообще можешь ничего не делать в своей жизни.

— Блядь, спасибо, конечно, но знаю, — говорю я жёстко.

— Я не это имела виду, — отвечает она. — Просто ты тот, кто может управлять своей жизнью сам, разве нет? Ты можешь весело проводить *всё время*.

— Ну, *есть* и другая сторона медали этого, — рыкаю я. — Это очень утомляет, и со временем ты устаёшь от этого дерьма.

— Правда? — спрашивает она. — Быть безответственным всё время не очень весело.

— Сначала ты сказала, что я ничего не делаю в этой жизни, а теперь ещё и назвала безответственным? А я уже было подумал, что мы начали ладить, как ты снова начала меня оскорблять.

Кэтрин вздыхает.

— Это была ошибка, — говорит она. — На самом деле я не имела виду именно это. Просто хотела сказать, что ты умный. И делаешь со своей жизнью всё, что захочешь.

— Как и ты, — чувствую, что мой путь кажется довольно ясным. — Я очень плохой парень сын знаменитости. Люди знают обо мне всё, что хотят.

— Так что ты хотел сказать, говоря *трахать кого-то* и не воспринимать близко к сердцу тот факт, что за тобой всё время следят? — она теребит свою нижнюю губу пальцем, притянув колени к груди. А я не могу перестать думать о том, как мой язык раздвигал их чуть раньше и по-хозяйски проникал внутрь, как прикусывал эти пухлые губы своими зубами.

Прошло меньше двух часов с того момента, как я её трахал, и я должен бы успокоиться. Но не могу. Я принял душ и словно вдохнул в себя новую жизнь, прежде чем прийти сюда к ней. И теперь мне прекрасно видны её трусики, скрывающие сочную киску между бёдер.

— Тебя, — отвечаю я, потянув её за лодыжки, таким образом притягивая к себе ближе. Она смеётся и заправляет свои волосы за ухо.

— Ага, конечно же. Но ты знаешь, о чём я спрашивала.

— Конечно же, *знаю*, — подползаю к ней и начинаю тереться о её тело твёрдым членом, она в ответ хихикает и кладёт руки на мою грудь.

— Не так быстро, — говорит она. — Пока не ответишь, ничего не получишь.

Я целую её, прикусывая нижнюю губу, мои руки ложатся на её плечи.

— Что тебе сказать? — переспрашиваю я. — Здесь не о чем говорить. Я хочу *тебя*.

Никогда не прекращу тебя трахать. *Вот это* я хочу.

— Я серьёзно.

— Как и я, — запускаю руки под её рубашку, провожу ими по её животу, пока не достигаю груди. *Без лифчика*. Соски затвердели, и я стону, когда сжимаю их, наблюдая за её выражением лица. Поза Кейт слегка меняется, а глаза закрываются от наслаждения. — Так значит, ты не хотела бы трахать *меня*, если никто не узнает об этом?

— Нет, — бубнит она.

— Нет? — переспрашиваю я. — Как грубо. По крайней мере, ты не должна врать парню, чей член сейчас упирается в твою киску.

— Боже, хорошо. Да, — шепчет она.

Я поглаживаю её сосок своим большим пальцем, и она стонет, голос наполнен нежностью.

— *Да*, потому что я поймал тебя на лжи, или *да*, потому что ты хочешь трахаться со мной?

— Трахни меня *прямо сейчас*, — хнычет она.

— Это было быстро, — я отстраняюсь от неё, снимая рубашку через её голову, а затем она притягивает меня к себе и ложится снова на подушки. На мне всё также надеты пижамные штаны, хлопковая материя по-прежнему служит барьером между нами, и я чувствую смазку на ткани. Наклонившись, захватываю её грудь ртом, скользя своим языком по соску. — Ты готова для меня так скоро?

Кэтрин берёт моё лицо своими руками и притягивает к себе, её язычок по-хозяйски врывается в мой рот, когда она меня целует. Опустив свой палец, провожу им между её бёдер, она стонет. Трусики пропитаны соками.

— Видишь? — спрашивает она. — Я уже намокла.

— Да, ты уже, — отвечаю я. — Подожди минутку, я возьму презерватив, — отстраняюсь от неё, но она хватается за руку.

— Нет.

— Нет, что?

— Не нужно презерватива, — шепчет она.

— Это займёт две секунды, — отвечаю я. — Он где-то здесь.

— Нам *обязательно* его использовать?

— Презерватив? — спрашиваю я в недоумении. — Ты недавно была обеспокоена тем, что я трахал рыжую, а теперь просишь меня об этом?

— Ты *не трахал* её.

— Это вопрос или утверждение? Потому что до этого ты не была уверена.

— Утверждение, — отвечает она. — Уверена.

— Ммм, — я всё равно встаю и стягиваю с её бёдер трусики, не могу удержаться от

того, чтобы не попробовать её киску. Этот вкус тут же делает меня твёрдым. Мысль о том, что это всё будет происходить без защиты, сводит меня с ума. Но это совершенно *против* моих правил. — Это не то, что я обычно делаю, Кэтрин.

— Что ты имеешь в виду? — она смотрит, как я избавляюсь от своих пижамных брюк, её рот открывается, и такой вид заставляет почувствовать меня адское самодовольство. Хватаю презерватив из её нижнего ящика. — Ты что, спрятал их там? — спрашивает она.

— Ага, — я присоединяюсь к ней.

— Когда?

— Не так давно.

— *До того*, как мы начали трахаться? — задаёт вопрос она. Я возвышаюсь над ней, а она в это время охватывает рукой мой член.

— Ты что, собираешься сломать мой член, если я отвечу честно? — я почти уверен, что она реально может это сделать. Но Кейт только смеётся и скользит своим пальчиком по кончику моего члена, размазывая образовавшуюся на нём капельку.

— Так *да* или нет?

— Да.

— Самоуверенный мудака.

— Но ты же *не* фригидная сучка, — утверждаю я.

— Спасибо, — говорит она, смеясь. — Думаю, это самый лучший комплимент, который я от тебя слышала, Колтер Стерлинг.

— Только не утверждай, что я никогда не говорил о тебе что-нибудь милое, — прошу я. Её рука начинает движение на моём члене, от чего мне не сдержать стон. Она открывает мне свою киску, и я напрягаюсь, уперевшись своим членом в её тёплую щёлку, но это лучшее, что я когда-либо чувствовал. — Подожди.

— Я на таблетках, — говорит она. — Несколько лет. Ты чист?

— Я проверялся, перед тем... как переспал *с тобой*, — не хотел ей рассказывать почему, но за месяц я переспал почти со всеми сумасшедшими цыпочками в радиусе часа езды от школы. Как потом выяснилось, они в свою очередь переспали с половиной команды по лакроссу.

— Так что сделай это. Трахни меня. Я хочу почувствовать, как ты кончишь в меня.

— Дерьмо, Кейт, — рычу я, но не шевелюсь. Никогда ещё не трахал кисок без защиты. Может, я и не постоянный парень, но в *безопасности*. — Ты меня убиваешь. Ты должна быть ответственной.

— А ты должен меня трахнуть без презерватива, — шепчет она, в то время как её руки сжимают мою задницу. — Что могу сказать в своё оправдание? Я хочу сделать что-нибудь сумасшедшее.

Она притягивает меня к себе, но я не спешу входить, погрузившись в её киску на несколько дюймов. Не могу трезво мыслить, пока нахожусь в этой влажной щёлочке. Она сжимает меня ещё сильнее, и я срываюсь. Резко врываюсь своим членом внутрь, погружаясь по самые яйца, чувствую, как её мышцы растягиваются. Всё это приносит мне невероятное блаженство — она так идеально мне подходит.

Кэтрин выгибается, когда я сильнее толкаюсь в неё, она запрокидывает голову назад, её волосы разметались по постели и плечам. Одной рукой я скольжу под её спину, притягивая к себе, двигаюсь внутри мягко, ведь она такая влажная и готовая для меня.

Кейт смотрит на меня, тяжело дыша, стонет и шепчет снова и снова:

— Да, да.

— Посмотри на меня, Кейт, — она поднимает свою голову, встречаясь глазами с моими до того, как мы сливаемся в страстном поцелуе. Каждая часть её изголодалась, киска сейчас практически выжимала меня. Знаю, что она уже готова прийти к финалу, но вместо того, чтобы это допустить, я замедляюсь и жду.

— Нет, нет, не останавливайся, — шепчет, почти скуля. Она обхватывает меня ногами, прижимая к себе, но я всё же останавливаюсь. Хватаю её за запястья и поднимаю их над головой, мой рот в дюйме от её. — Молю, не останавливайся.

— Перестань всё контролировать, Кейт, — шепчу ей. — Ты тут не главная, — она хнычет, но всё же лежит неподвижно, и я решаю поцеловать её, в то время как мой член пульсирует внутри. Когда она сжимает мой член своей киской, я смеюсь. — Ты всегда пытаешься взять всё под свой контроль.

— Трахни... — шепчет она, и я жду, когда она скажет «себя», но она этого не делает. Вместо этого говорит, — Трахни меня.

Я больше не могу ждать. Я толкаюсь глубоко внутри неё, чувствуя влагу её киски.

— Это то, что ты так хотела? — спрашиваю я.

— Да, — шепчет она, её пальцы сплелись с моими, в то время как я вхожу в неё снова и снова. — Да.

— Ты хочешь мой твёрдый член внутри себя...

— Да, — говорит она. — О боже, да.

— Ты хочешь чувствовать, как я кончаю в эту сладкую киску, — её мышцы напрягаются вокруг моего члена, сжимая его. И в эту же самую секунду я готов кончить в неё.

— Колтер, я так близко, — она прерывает свои слова одним сокращением своей киски, и я стону и кончаю, наполняя её своей горячей спермой.

Когда она кончает, тут же захватывает мои губы в плен, и я поглощаю её стоны своим ртом, всё ещё чувствуя её оргазм. Киска всё ещё пульсирует и сжимает мой член, её мышцы выдаивают каждую каплю из меня.

После в комнате слышны только наше прерывистое дыхание. Её глаза встречаются с моими, на лице появляется улыбка.

— Это было неплохо.

— Это всё, что ты скажешь? — уточняю я. — Только *неплохо*? Что за разочарование.

— Точно *не* разочарование, — говорит она, обвивая меня своими ногами. — Хочешь повторить?

— Я создал монстра, — отвечаю, целуя её лоб, затем скулы, щёки. — Тебя ведь теперь не остановить.

— Так не останавливай меня, — мурлычет она. — Продолжай трахать.

— Ты же знаешь, что это не может длиться долго, — я должен её предупредить, но, как только эти слова слетают с моих губ, понимаю, что скорее пытаюсь предупредить себя. Кейт пробирается под мою кожу, и я боюсь, что она меняет меня. *Уже поменяла.*

— Если мы будем осторожны... — говорит она, её голос становится тихим. Она думает о том, что нас могут застукать, но я не это имел в виду. Я не говорю ей об этом. Вместо этого нежно целую её губы.

— Мы будем осторожны, — шепчу ей. Я напоминаю себе, что должен быть осторожным. С её сердцем и моим.

ГЛАВА 22.

КЭТРИН

Мой отец и Элла вернулись в домик у озера. Сенат ушёл на каникулы три дня назад. Три дня назад весь дом погрузился в приготовления к свадьбе. Он был наполнен людьми: свадебными планировщиками, поварами, стилистами, кондитерами, менеджерами, дизайнерами и политическими советниками отца.

Я надеялась, чтобы свадьбу сорвёт кампания отца, но она сюда очень даже хорошо вписалась. Наверное, всё из-за того, что Элла взяла все мероприятия на себя: она управляет всем с такой же военной тактикой, как и мой отец, отбиваясь от нападков предвыборной кампании.

Колтер и я *трахались*. Я имею виду, реально трахались. Но теперь мы были как кролики. Мы трахались всё время.

Когда мой отец и Элла всё ещё были в Вашингтоне, Колтер принялся за выполнение своего обещания, он отвёл меня в столовую после ухода Роуз и, устроившись между моих ног, похоронил своё лицо между моих ног, пока я лежала на обеденном столе.

У нас был вечерний секс у причала возле озера.

В сарае для лодок.

В машине по пути за мороженым и потом, когда мы возвращались обратно, потому что, как сказал Колтер, он не мог смотреть на то, как я лижу мороженое, поэтому я оказалась с его членом в своём рте.

В наших комнатах — так много раз.

Да, у нас *много* секса, но это больше не *просто* секс. Что-то произошло в ту ночь — ночь помолвки — думаю, Колтер стал менее раздражающим. Он привлекает меня. Что очень странно.

Но всё это также навевало грусть. Одно дело было веселиться, когда родителей не было дома, а другое, когда они вот-вот собирались вступить в брак. Скоро мы и вправду станем братом и сестрой, и что будет тогда?

В моей голове зародилась и другая идея — в этом виноват Колтер, потому что он никогда не покидал моей головы — насчёт поступления в Калифорнийский университет. Интересно, что последует за этим, если я всё же решусь уехать.

Колтер также виноват в том, что делал меня счастливой. Вот почему мне хотелось... большего. Но счастье — опасная штука, потому что оно никогда не длится вечно. Жизнь научила меня этому.

Я смотрю в зеркало, поправляя свои волосы и выбившуюся прядь, заправляя её в конский хвостик. Выгляжу как *долбаная учительница* в костюме пастельных тонов и светло-бежевых туфлях. Или как *Пасхальное яйцо*.

Мы собираемся дать интервью по части папиной кампании, но это не совсем так. Это национальное телевидение, которое уделяет внимание не столько городу под названием Нью-Гэмпшир, где набираются голоса, сколько свадьбе. И семейной драме.

Им хотелось узнать всё обо мне и Колтере, о том, как мы ладим. К счастью, мы подготовлены. У нас уже припасены функциональные фразы. И ни в одном из этих предложений не говорилось о том, что мы *трахались как кролики*, и его член *фактически заставлял меня течь, когда я была рядом с ним*.

— Хей, — дверь на балкон открылась, и его голос заставил меня подпрыгнуть.

— Чёрт, Колтер, — прошептала я. — Перестань меня так пугать.

— Ты выглядишь как Пасхальное яйцо, — говорит он.

— Да ты что? *Именно то*, о чём я только что думала. Это оранжевое или розовое? — спрашиваю я, разглаживая юбку. Думаю, это какая-то льняная ткань, наверное, в таком платье играют в канасту (прим.: карточная игра, зародившаяся в начале XX века в Южной Америке, предположительно в Уругвае. В 50-е годы игра проникла в США, где стала популярной, а после уже попала в Европу. Существует несколько вариантов канасты, наиболее распространёнными из которых являются два — классическая канаста и американская канаста) во Флориде.

— Коралловое, — отвечает Колтер, подходя ко мне и укладывая руку на мою задницу. — Он так хорошо подчёркивает твою попку.

— Руки прочь, — команду я. — Никакой распушенности.

— Боже, только надела этот костюм, а уже ведёшь себя как бабуля, — говорит он, смотря на меня в зеркало. — Даже больше, чем обычно, должен сказать.

— Ха-ха, — мои глаза блуждают по его телу. — Ты наденешь пиджак?

— Не-а, просто рубашка с воротником, — отвечает он. — Стилист остановился на этом. Видимо, я не могу быть слишком формальным, ты же знаешь. Мой бренд называется «приручили бунтаря».

Меня передёргивает.

— Ты, правда, это сказал? Это тот же стилист, который подобрал мне одежду после того, как ты спалил всю мою одежду?

— Тот же, — отвечает он. — Но не по трусикам. Их я выбирал лично, — он тянется к подолу моей юбки. — Позволь мне проверить, носишь ли ты их.

Я ударяю по его рукам, он никак не унимается и теперь трогает мои ноги.

— Прекрати, мы сейчас должны спуститься вниз. И тебя вообще не должно тут быть.

— У нас есть время, можем быстро это сделать, — отвечает он.

Я смеюсь.

— Отстань от меня идиот.

Он, кажется, не слишком воспринимает мою угрозу, потому что шлёпает меня по попке.

— Я, кстати, старался, выбирая эти трусики. «Приручили бунтаря» — фраза PR-менеджера твоего отца или кто она там.

— Мона, — отвечаю я, закатывая свои глаза. — Она тиран.

— Она говорит, что я прирученный бунтарь. Это звучит интригующе. Может, мне стоит рассказать на камеру, кто меня приручил.

Я ударяю его, но он уклоняется и уходит на балкон.

— Ты ещё тот бунтарь, — произношу я, смотря на то, как он достаёт сигарету. — Ты серьёзно собрался сделать это перед тем как пойти на интервью?

Он выдыхает дым и смотрит на меня:

— Ты хочешь, чтобы я произнёс это на интервью?

— Нет, — отвечаю я. — Играй так, как и раньше.

— Я играю просто отлично, моя маленькая сводная сестричка, — говорит он. — Но буду всё время раздевать тебя своими глазами.

Я смеюсь:

— Не сомневаюсь.

Тридцать минут спустя мы спускаемся в библиотеку. Всю жизнь *мечтала* вот так сидеть перед камерой и отвечать на вопросы об отношениях со своим сводным братом. Я хочу сказать, что *заебись*, как это *прекрасно*.

— А что случилось с гостиней? — спрашиваю я Мону, которая указывает мне, куда сесть, плюс она отвечает за проведение шоу.

— Фон здесь больше подходит для семейного интервью, — отвечает она, поправляя воротник моего пиджака.

Ну, кто бы сомневался. Место, где я и Колтер сломали лестницу, когда трахались, теперь стало местом, где проводят семейное интервью.

Я смотрю на Колтера, а он в ответ ухмыляется. *Арх.* Колтеру нравятся всё, что доставляет мне дискомфорт. Может, мы и трахаемся, и я не ненавижу его уже так, как раньше, но это не значит, что он будет получать огромное удовольствие, сидя тут и смотря на то, как я корчусь от всей этой гнетущей меня обстановки.

Колтер обожает смотреть на мои неловкие ситуации. В моей голове проскальзывает мысль о сексе, но я стараюсь не думать об этом. *Сконцентрируйся Кейт.*

Мона хлопает меня по бедру.

— Ноги вместе, скрести лодыжки. Сядь прямо, наклонись немного вперёд так, чтобы диван полностью тебя не поглотил, — она отдаёт команды словно сержант своим подчинённым, а затем всё её внимание переключается на Колтера. — Колтер. Сюда.

Её тон становится мягче, когда она рассаживает Эллу и моего отца возле нас.

Когда наводят камеру, нам показывают *три-два-один*, и мы все улыбаемся — *большая счастливая семья*. Но мои мысли совсем не в этой библиотеке, я даже не слушаю, какие вопросы задают Элле и отцу.

А затем журналистка преклонного возраста начинает выпытывать всё обо мне с Колтером. Знали ли мы друг друга в Брайтоне? Уживаемся ли мы вместе? Что мы планируем делать, когда закончится лето?

Мы как два попугая отвечаем на выученные вопросы, выглядим мило и стараемся не портить моему отцу все планы.

Это всё поверхностно и неважно. Но я стараюсь избегать взгляд Колтера, выбирая правильные слова для ответа, практически чувствуя себя на минном поле. Вопросы и ответы должны были быть простыми, но сейчас они были со скрытым контекстом.

«Конечно же, мы ладим, друг с другом», — отвечаю я. Но умалчиваю о том, что лицо Колтера каждое утро зарывается между моих ног, прежде чем я поднимаюсь с постели. Да, мы ладим *очень хорошо*.

ГЛАВА 23.

КОЛТЕР

— Выключи телефон, — я шагаю через балконную дверь, хотя Кейт и игнорирует меня, качая головой.

Отворачивается в сторону, пытаюсь оградить телефон от меня, говоря что-то, что я не могу разобрать, но слышу, каким тоном она это говорит, и мне становится интересно. Кэтрин раздражена.

— Я так не думаю, — отвечает она, дальше следует молчание. — Потому что ты

помнишь последнюю нашу вылазку?

— Это Джо? — спрашиваю я.

Кейт качает головой и зажимает рот рукой. У меня появляется желание выхватить этот хренов телефон и кинуть его в стену, как я сделал в прошлый раз, но не делаю этого только потому, что все моё внимание привлекает этот шикарно сидящий на ней жёлтый сарафан. Тот факт, как её сиськи красиво смотрятся в нём, заставляет меня чуть ли не наброситься на неё.

Она продолжает говорить, даже тогда, когда я подхожу к ней и сдвигаю верх сарафана и лифчик, высвобождая эти прекрасные груди. Кейт качает головой, морщит свой лобик, по её виду можно сказать, что она не очень это одобряет, но не останавливает.

Я пробегаюсь своими пальчиками по её груди, наблюдая за тем, как соски твердеют.

— Нет, Джо, — говорит Кейт, её голос становится на октаву выше, и это заставляет меня замереть на месте. — Я не отвечаю за приглашения, — наклоняюсь к ней и вбираю в рот сосок, она откидывает голову назад, телефон по-прежнему у её уха. — *Ничего* не случилось. Я прекрасно помню, что случилось на вечеринке. Но это не означает, что тебе дозволено быть на свадьбе, — она молчит в течение минуты, пока я сосу её грудь. Затем бросает телефон на кровать, даже не попрощавшись.

— Что хотела Джо? — спрашиваю я, задирая платье и проскальзывая рукой между её бёдер. — Почему ты с ней всё ещё разговариваешь?

— Я не разговариваю, — отвечает она, делая вдох. Она уже влажная, и от этого я сам становлюсь твёрдым. Мне нравится тот факт, что эта девчонка всегда готовая для меня, я провожу пальцами по мокрой щёлке. — Я больше не разговаривала с ней после той вечеринки. Она хочет приглашение на свадьбу.

— Почему у тебя вечно *такие* подружки, как она? — задаю вопрос, скользя пальцами по её половым губкам. Затем проникаю внутрь киски, наблюдая за тем, как она расслабляется и закрывает свои глаза.

— Не знаю, — отвечает Кейт. — Она мой друг на лето. Забавный. С ней весело.

— Она не очень хороший человек, — предупреждаю. Кейт знает, что я думаю. — Элла заставляла тебя выбирать все эти свадебные штучки?

Она отвечает, но её дыхание сбито.

— Нет, не меня. Думаю, у неё для этого есть друзья. Знаешь, сколько тут будет знаменитостей? Они уже начали прибывать в город.

— Как чумы, — я снимаю её сарафан и толкаю Кейт на кровать. — Так нас никто не ищет.

— Нет, — говорит она хриплым голосом. — Возможно, кто-то ищет *тебя*?

— Чёрт, нет, — я сую пальцы ей между ног, попутно расстёгивая свои джинсы. — Только ты и я.

— Столько людей находятся в доме, Колтер, — шепчет она. — Прямо внизу. Кто-нибудь может подняться сюда. Уверена, Роуз что-то подозревает. Думаю, она о нас знает.

— Тогда она точно не хочет увидеть нас, — утверждаю я, когда встаю и подхожу к двери, чтобы её закрыть.

— Почему мы не можем куда-нибудь пойти?

— Мы можем, — отвечаю ей. — Но только после того, как я кончу в эту тугую маленькую киску.

Она стонет.

— Ты делаешь меня...

— Влажной? — прерываю я её. — Ага, Принцесса, я это уже чувствую, — начинаю раздеваться, но она меня останавливает.

— Просто перестань и трахни меня наконец-то, — командует она, обвив свою руку вокруг моего члена. Он пульсирует от её захвата. — Прямо сейчас.

Я даже не закончил снимать с неё одежду. Она просто сидит на кровати с приспущенным до талии сарафаном, выглядя немного растрёпанной, и мне хочется выполнить всё, о чём она только попросит. Мои боксёры немного приспущены, когда я хватаю её за бёдра и тяну к себе, пока она не оказывается на краю кровати.

Я погружаю свой член в неё, и она громко стонет. Думаю, она не заботится о том, что нас могут услышать. Сделав ещё один толчок, я смотрю, как Кейт запрокидывает голову назад и выгибается, в этот раз её стон громче предыдущего.

— Трахни меня, — командует она. — Жёстче.

Она такая чертовски тёплая и влажная, что я не могу себя удержать. Вхожу в неё намного жёстче.

— Ты же говорила, что не хочешь, чтобы нас застукали Элла и твой отец, — но в ответ она снова стонет. — Мои слова тебя заводят, Принцесса? — задаю вопрос, вонзаясь в неё по самые яйца. — Заводит, что наши родители могут услышать?

— Что делает меня возбуждённой, так это твой член, — отвечает она. Её голос звучит громче, поэтому я прикрываю ей рот своей рукой. Её глаза расширяются, и она кусает меня за палец.

Я вбиваюсь в неё снова и снова, в то время как она меня кусает и стонет. Мои движения быстры, я засовываю ей два пальца в рот, те самые, которые недавно побывали в её киске. Наблюдаю за тем, как она пожирает их, на них всё ещё сохранились её соки. Мне нужно заполнить Кейт своей горячей спермой. Её мышцы обхватывают мой член, и я знаю, что она готова.

— Соси их, — шепчу я. — Соси их так, словно это и есть мой член.

Она стонет, а её киска сжимается сильнее.

— Кончай со мной, Принцесса, — прошу я, она кивает головой в ответ, смотря на меня своими большими удовлетворёнными глазами. — Кончай для меня.

Она кончает. Мои пальцы по-прежнему в её рте, в то время как большим я поглаживаю её подбородок, когда вхожу в неё в последний раз, изливаясь внутрь. Мои яйца сжимаются, а моя сперма заполняет её. Спустя минуту мой член всё ещё пульсирует, и она улыбается мне. Отстраняется от моих пальцев.

— Что мы, блядь, будем делать завтра, Колтер?

— В моей голове сейчас нет нужного притока крови, а ты задаёшь такие вопросы? Что с тобой не так?

Кэтрин берёт мою ладонь и кладёт к себе на грудь.

— Я хочу сказать, — говорит она нежно. — Они завтра поженятся, а ты меня трахаешь.

— Не забывай, — напоминаю я ей. — Ты *трахнула* меня первой.

Она морщит лоб.

— Будет мальчишник?

— Ты хочешь, чтобы меня вырвало? — отвечаю я, передвигая свою вторую руку на её грудь.

Она хихикает:

— Ты не хочешь идти на мальчишник с моим отцом? Разве это не звучит весело?

— Не будь отвратительной, — от одной этой мысли меня пробивает дрожь.

— Ох, это значит, я увижу завтра на церемонии всех голливудских девушек, которых ты поимел?

Я замираю, мысленно вспоминая всех подруг Эллы, которых трахнул, и списочек получается немаленьким. Но она то об этом не узнает.

— Возможно.

— Чёрт, Колтер, — говорит она, хлопая меня по руке. — Только не говори мне о них.

— Ты сама спросила. Хочешь, чтобы я тебе врал?

— Я не знаю, чего хочу, — вздыхает Кейт. — Но мы не можем так дальше продолжать, ты же знаешь.

— Почему нет? До этого же могли, и всё было нормально.

— Я так не могу, да и остальной мир тоже, — отвечает она. — Они женятся.

— И что? — спрашиваю я. — Мы не родственники. Ты же это понимаешь?

Она качает головой. Прядь волос падает ей на глаза, и я возвращаю его на место.

— Так думают люди, Колтер.

— Нет. Люди будут думать, что мы два взрослых человека, абсолютно не связанных кровными узами, которые трахаются.

— И это всё, что ты скажешь? — уточняет она.

— Что ты от меня хочешь, Кейт? — меня это начинает раздражать, но, если честно, я не раз об этом думал. Она понятия не имеет, как часто я думаю о ней... Или нас. Никогда не переставал об этом думать.

Разве она не понимала, как абсолютно ненормально то, что я был с ней и только с ней с того самого дня, как мы закончили школу? *Это* на меня не похоже. Трахать одну и ту же киску не в моих правилах. Проводить всё время рядом с одной девушкой не входило в мои планы. Смеяться над теми забавными вещами, которые она говорила, и засыпать с ней рядом не было в моём списке. И вот к чему мы пришли.

— Ты хочешь, чтобы я стал твоим чёртовым парнем или что-то в этом роде? — задаю вопрос. — Или хочешь, чтобы это был наш маленький грязный секрет? Я не знаю, какого чёрта ты от меня хочешь.

Она смотрит на меня, прищурившись. Кейт может быть раздражена, хотя я пока нахожусь внутри неё и поглаживаю эти прелестные соски.

— Я просто говорю, что мы не можем этого делать, потому что нас могут поймать.

Я обвожу указательным пальцем её сосок.

— Скажи это той цыпочке, которая тут недавно стонала и была уверена, что нас поймают.

— Это всё потому, что ты свёл меня с ума, — оправдывается она. — Я не могу себя контролировать рядом с тобой.

— Так ты хочешь прекратить это всё? — её сосок стал твёрдым, и мой член внутри неё тоже. Это девочка словно маленькая синяя пиллюля. Я всегда твёрд рядом с ней.

— Нам не стоит это продолжать.

— Они ещё не поженились

— Но это произойдёт завтра.

— Ну, так завтра и прекратим всё это, — предлагаю я, зажимая сосок между пальцами и наблюдая за тем, как она дрожит. Она не убирает мою руку. А мышцы её киски сжимают

меня.

— Как сейчас?

— Как сейчас, — говорю ей. — Ты не будешь хотеть трахать меня, а я тебя.

— Если тебе так будет легче.

«Конечно же, нет», — почти сказал я. Хочу ли я прекращать трахать её? Эта девчонка вскружила мне голову, я думаю о ней постоянно. Не могу *ничего* с этим поделать. Но я не скажу ей. Я *не могу* сказать ей это.

— Да, так будет легче.

— Отлично, — соглашается Кейт, её челюсти сжимаются. Но, когда моя вторая ладонь накрывает её грудь, она выгибается от моего прикосновения. — Тогда мы остановимся.

— Мы должны сегодня очень много трахаться, — шепчу я. — Если собираемся прекратить всё это.

— Да, конечно... Должны, — она толкается мне навстречу, и я следую вниз к её бёдрам.

— Я бы хотел, чтобы завтра на церемонии тебе было больно ходить.

— Ты такой мерзавец, — шипит Кэтрин, из-за чего мой член твердеет ещё больше. Но она улыбается.

ГЛАВА 24.

КЭТРИН

И вот этот день настал.

День свадьбы.

Мой отец женится на Элле.

Колтер говорил правду. Я ходила словно ковбой, который только что слез с лошади после нескольких дней езды. Стилист, делая мне причёску, спросила, в порядке ли я, моё лицо тут же стало мрачным.

Эта свадьба главное событие в Нью-Гэмпшире. Грандиозное событие. Слава Господу, что задний двор нашего дома у озера не такой большой, чтобы всё это вместить. Церемония свадьбы отца проходит в любимом месте моей матери, это отвратительно.

Я бы даже сказала, что, увидев это, она перевернулась бы в гробу, но, если говорить честно, она желала отцу счастья. Вот таким человеком была моя мама.

Колтер и я на пути к свадьбе. Вечеринка проводится в огромном отеле постройки 1800-х годов. Мы не с остальными гостями, потому что я солгала Элле, сказав, что нуждаюсь в помощи Колтера в приготовлении сюрприза для моего отца.

— Как ты? — спрашивает он, когда лимузин тормозит.

— Дай мне минутку. Спасибо, что приехал сюда со мной.

Он кивает.

— Я могу пойти с тобой, если хочешь.

— Не нужно, — отвечаю ему мягко. — Я не задержусь.

Я взяла цветы, зашагав по траве, мои каблуки впивались в грязь. Элла бы пришла в ужас, увидев на моих босоножках комья грязи, но меня это не волнует. Подол моего платья ползёт по траве, но я не могу себя заставить идти медленно.

Я кладу цветы на надгробье своей мамы, заменяя те, которым уже несколько дней, они уже немножко завяли. Это тяжкая ноша, и никто, кроме меня, ей больше не приносит

цветов, что меня очень сильно печалит.

Возможно, странно и неуместно делать такое в день свадьбы отца. Но я не могу прожить этот день, не посоветовавшись со своей мамой. Я сглотнула.

— Я скучаю по тебе, — говорю в тишину. — Думаю, ты не считаешь Эллу плохой. Колтер просто ненавидит её. Или, возможно, это и не ненависть. Думаю, он чувствует её отстранённость так же, как я чувствую это от отца. Знаю, ты не хотела бы, чтобы я ощущала такое к отцу, — всегда прихожу сюда, чтобы поговорить с ней, но каждый раз не готова побеседовать с ней о Колтере.

— Ну, свадьба сегодня. Я сбежала с Колтером. Надеюсь, ты хорошего мнения об этом, — звучит так, будто говорю о свадьбе, но на самом деле это о Колтере. Всё должно быть закончено в этот день, потому что, если станет известно о нас двоих, кампании отца придёт конец. — Люблю тебя, мам.

Мрачная, я направляюсь к машине, странная печаль накрывает меня. Словно я отпускаю... не мою маму, а Колтера.

Одна часть меня думает, что политическая карьера моего отца важнее, чем собственное счастье. Другая же часть держит то самое письмо из Калифорнийского университета в ящике стола. Та часть меня, которая связалась с администрацией университета и уже готова поехать туда, как только отец с Эллоу отправятся в медовый месяц. И эта же часть меня думала послать отца ко всем чертям собачьим и делать то, что хочу я.

Жаль, что она не настолько сильная.

Я сажусь в машину, и Колтер концентрируется на мне:

— Готова?

— Готова.

ГЛАВА 25.

КОЛТЕР

Весь этот чёртов день отстой. Я имею в виду, что от этой свадьбы мне хочется блевать. Полагаю, теперь Элла достаточно окольцевала сенатора, перспектива быть первой леди её прельщает. Коммерческий успех. Конечно, я не должен винить её в этом, так как сам согласился на всю эту игру, чтобы сохранить свой трастовый фонд.

Пока министр говорит, я не свожу глаз с Кейт. Ранее она сказала мне, что перед церемонией хотела бы заехать на кладбище к своей матери, вот почему она взяла меня с собой. Думал, что тот случай проявления моих собственных чувств на вечеринке был единственным, но, как оказалось, нет, я хотел держать её за руку, когда она стояла у могилы своей мамы.

Но мне не хотелось вмешиваться, раз она желала сделать это в одиночку. Кейт вернулась и была грустной всю поездку, молчала и всё время смотрела в окно.

От неё невозможно оторвать глаз, когда она стоит между подружками невесты. Другие были звёздами Голливуда и ничего общего не имели с ней. Своей красотой она делает их похожими на ведьм.

Даже эта улыбка не скроет грусти в её глазах, она чертовски прекрасна. Её волосы заколоты, но несколько локонов спадают на лицо, на платье без бретелек, которое открывает прекрасный вид на её ключицы, она выглядит как настоящая царица. Разве платья подружек

невесты не должны быть уродливыми? Нет, не на Кейт.

Министр продолжает болтать, и в моей голове всплывают её вчерашние слова о том, что мы должны остановиться. Трудно воспринимать их всерьёз, потому что она всё время кружит мне голову, я думаю о ней и засыпаю с ней. Она для меня всё.

Тот факт, как она произнесла их, не даёт мне покоя. Я ещё никогда не был так *помешан* на девушке, чтобы засыпать с ней. И теперь *не могу* представить, как буду жить без неё дальше.

ГЛАВА 26.

КЭТРИН

— Это люди так смотрят на нас? — прошептала я Колтеру, который сидит за одним столом со мной. — Я чувствую, что их взгляды обращены на нас.

— Конечно, на нас, — отвечает он. — Мы же сидим за свадебным столом. *Каждый*, блядь, смотрит на нас или наших родителей.

— Я не сумасшедшая, — обиженно говорю я. Чувствую, как все на нас смотрят. *Словно они знают*.

По другую сторону от меня сидит один из шаферов, который наклонился, чтобы поговорить со мной.

— Так всё же Гарвард, да?

Как мне хотелось, чтобы он убрался к чёртовой матери. Также мне хотелось того же и для Колтера. Я так раздражена, что готова взорваться прямо на месте. Люди смотрят в свои телефоны слишком долго. Смеются слишком много.

— Не уверена, — ответила я равнодушно.

— Не уверена? — переспросил он. — Не уверена насчёт Гарварда? Твой отец сказал, что ты поступила на юридический.

— Да. Конечно, поступила, — киваю ему, наблюдая за женщиной, которая смотрит на свой телефон и затем показывает его сидящей рядом девушке. Они обе оборачиваются и смотрят на нас, а затем прикрывают свои рты и смеются. Хорошо, я не одна сумасшедшая здесь. Тянусь к своей сумочке, висящей на стуле, а, открыв её, достаю свой телефон и кладу его на колени.

Колтер смотрит на меня.

— Как грубо, — ругает он.

— Я не одна тут такая, — отвечаю ему. — Люди пялятся на нас, — и это уже не несколько людей. Они постоянно заглядывают в свои телефоны. Это распространяется как чума на всю толпу.

— Они просто уставились на твои сиськи, — шепчет он.

— Очень смешно, идиот, — я проверяю несколько новостных сайтов в то время, как отвечаю на глупые вопросы сидящего рядом человека. Там не было ничего: ни террористов, атакующих какую-нибудь страну, ни развязавшихся войн.

— Почему они всё время с телефонами? — спрашиваю я. — Разве знаменитости это ненавидят?

Колтер наклоняется ко мне:

— Твой папочка и моя мать на этот раз не пытаются избежать СМИ.

Я игнорирую его, очищая свой интернет поиск:

— И? — шепчет Колтер. — Что ты там нашла?

Затем я проверяю один из сайтов со сплетнями. И на этот раз на экране красуется заголовок из ярко-красных букв, чтобы никто не смог обойти его стороной. Моё сердце перестаёт биться. И мне кажется, я реально сошла с ума.

РОДСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ: СДЕЛАЛ ЛИ КОЛТЕР СТЕРЛИНГ КЕЙТ ХАРИСОНОВОЙ НАСЕЧКОЙ НА СПИНКЕ СВОЕЙ КРОВАТИ?

«*Это всего лишь таблоид*», — говорю я себе. Моя голова начинает кружиться. Это всего лишь глупый интернет-таблоид, который ничего не значит. *Ничего*. Просто слух. Ведь они же всегда возникают.

Я прокрутила новости вниз. Там было наше вчерашнее фото, когда мы сидели с Колтером в машине на стоянке, на моём плече лежала его рука. Хорошо, по крайней мере, они не засняли, что было после этого. Это ничего не раскрывает.

Дерьмо, говорила же ему не быть таким долбаным придурком. Я знала, что не должна была чувствовать себя так *беспечно*.

Мне плохо. Я продолжаю читать, и чувство ужаса и стыда настигает меня. И затем я достигаю места, которое делает всё остальное, даже фото, *ничем*, пустым местом.

Это фото карточки с именами девушек с надписью «Брайтон Бинго» в центре. Все имена размыты, за исключением моего. Моё в середине, а под ним чёртов перечень услуг, обведённых звездой.

Кэтрин Харисон

Минет — 50 баллов

Секс — 100 баллов

Анал — 200 баллов

Без презерватива — 500 баллов

Просто пиздец. Меня сейчас вырвет, но всё же я продолжаю читать:

«**Очень хороший источник нам сообщил, что Колтер Стерлинг, известная знаменитость, которая не прочь покувыркаться с молоденькими дамочками Голливуда, звёздами Нью-Йорка, придумал игру, *Брайтон Бинго*, как известно, это такой способ «зарубок» его завоеваний в частной школе-интернате. И Кэтрин Харисон определённно его лучший приз**».

Я перевожу взгляд на Колтера, мои руки дрожат.

— Что? — спрашивает он.

Думаю пырнуть его ножом для стейка.

— Брайтон Бинго? — рычу. Я не смогла больше ничего другого произнести. Встаю со своего места, отодвигая стул и собираясь уйти.

Мне нужно убраться из этого места. Мой отец тоже встал, думаю, пришло время для танца отца с дочерью. От мысли, что я буду на виду у всех этих людей танцевать с отцом, мне хочется заплакать.

Кто-то спрашивает, в порядке ли я, но мне не хочется отвечать. Я спотыкаюсь о столы людей, которые, должно быть, уже прочитали статью и теперь смотрят на меня так, будто

ожидают мою реакцию.

Я не заплачу. Я не заплачу.

Я начинаю плакать до того, как выхожу из комнаты. Чувствую, как слёзы катятся по моим щекам. Свежий вечерний воздух встречает меня на улице, Колтер хватает за руку и поворачивает лицом к себе.

— Блядь, Кейт, — говорит он. — Какого чёрта... Святое дерьмо, ты плачешь?

Я вырываю свою руку и отпихиваю его, опасаясь, что мы здесь не одни.

Краем глаза я вижу, как пожилая пара возвращается обратно на праздник. Я даю пощёчину Колтеру, и он ловит моё запястье, убирая его.

— В чём, черт тебя подери, твоя проблема? — спрашивает он.

— *Брайтон Бинго*, — отвечаю я. Мой голос звучит слишком громко. Я говорю себе быть немного тише. Этот разговор не должен был состояться здесь. Мы должны пойти в другое место. Все мои мысли смешались, моя голова ужасно болит, и только одно приходит на ум: Колтер считает меня долбаным призом в грёбаной игре.

И все знают.

Его лицо тут же бледнеет, и я получаю ответ на свой вопрос.

— Это не я, Кейт.

— Не ты? — мой голос громкий. — Трахнуть меня без презерватива пятьсот баллов, Колтер. Неудивительно, что ты быстро всё прекратил, ха-х? Ты играл всё это время?

— Ага, это всё было игрой, Кейт. И мой последний штрих — трахнуть свою сводную сестру без презерватива, — отвечает он, всё ещё держа меня за запястье. Я пытаюсь отстраниться от него, но он притягивает меня к себе ближе, на его лице читается злость. — Ты вычислила меня. Это моя грёбаная причуда. Ты с ума сошла?

— Ты отвратителен, — своей свободной рукой я отвешиваю ему вторую пощёчину. Я не верю ему. — Отпусти мою руку, или я ударю тебя по яйцам.

— Это был сарказм, — он всё же отпускает меня, и я делаю шаг назад. — Иисус, возьми себя в руки.

— Я, блядь, тебя ненавижу.

— Да? — кричит он. — Ну что ж, а я чертовски люблю тебя.

Слова разносятся в пространстве между нами, и всё замирает. Я стою там, пока он смотрит на меня, вытянув руки ко мне, его ладони раскрыты.

Как будто кто-то кладёт мне руку на плечо, и я вынырываю из моего тумана и оборачиваюсь. Кто-то открыл дверь в зал, и люди пялятся на нас. Я смотрю на них, их лица отворачиваются обратно, они делают вид, что не замечают этого зрелища.

И потом я возвращаюсь к Колтеру, стоящему там же, застывшему в той же позе. Он выглядит так же, как и я: будто кто-то ударил меня в живот.

Всё кончено.

ГЛАВА 27.

КОЛТЕР

ГОД СПУСТЯ

— Содовая? — стюардесса кладёт салфетку передо мной. — Арахис?

Я качаю головой, а затем откидываюсь на спинку своего сиденья и закрываю глаза,

игнорируя гул голосов вокруг меня.

Настало время вернуться в реальный мир.

Такие слова прислала мне мать на электронную почту месяц назад. Я открыл его, когда сидел в кафе, находящемся в Луангпхабанге в Лаосе. Я пробыл там весь прошлый месяц, а окончание прошлого года провёл в восточной Азии: Вьетнаме, Таиланде, Малайзии, Непале, Индии и Камбодже.

Некоторые люди могли видеть, как я облажался. Они не понимают, почему я сделал то, что должен был сделать.

Свадьба всё поменяла.

И даже в другой части мира я не мог перестать думать о том, что произошло тогда. Последующие несколько месяцев, когда я каждый раз закрывал глаза ночью, это снова повторялось в моей голове, словно эта сцена была петлёй, затянутой на моей шее. Кэтрин стоит напротив меня, слёзы катятся по её прекрасным щекам, пока она говорит, как сильно ненавидит меня за то, что, думает, я сделал.

Я сказал, что люблю её. Я имел в виду именно это. То был единственный раз в моей жизни, когда я кому-то сказал эти три слова.

Но она не ответила тем же.

Я уехал, потому что решил сбежать от всего, но последний год прекрасно дал мне понять, что мне нужно. Я бы сказал, что нашёл себя, но это звучит как какое-то фальшивое дерьмо. Думаю, это был лучший выход из этой ситуации.

Я пытался с ней поговорить после свадьбы, но она даже не смотрела на меня.

— Я ничего не знаю об этом дерьме, Кейт, — говорил я. — Меня не волнует то, что все будут знать, и мне плевать, что они будут думать. И ты сама прекрасно знаешь, что «Брайтон Бинго» идея Чейза, не моя. Он просто мудака, который слил всё прессе.

— Это не имеет значения, Колтер.

Я пытался убедить её бросить всё и сбежать вместе со мной, но она не хотела ничего слушать.

У нас с Эллой случился скандал, действительно серьёзный скандал: она кричала на меня, назвала безответственным ёбарем, говорила мне, что я не получу свой целевой фонд. Я сказал, чтобы она забирала всё себе.

И уехал в тот же день. Я направился в аэропорт и купил ближайший билет до Бостона. На следующий день купил билет до Бангкока с остановкой в Токио, где планировал провести следующие несколько месяцев, снимая деньги с карточки и трахая тайских официанток. У меня не было абсолютно никаких планов на будущее.

Первую ночь я провёл в городе, получил хорошую встряску, ночевал в фантастическом бизнес-отеле. И когда проснулся утром, ничего не поменялось. Я оставался всё тем же незрелым и бестолковым придурком, каким и был всегда.

Поэтому я решил, что буду меняться. Я хотел поменяться. Я продал всё: свои дизайнерские часы, все гаджеты, вещи, которые привязывали меня к другой жизни, к той, где я был сыном известной во всём мире кинозвезды.

И сделал то, что никогда не делал.

Я работал.

Подработки то тут, то там. Я зарабатывал и путешествовал, чего не делал никогда раньше: в переполненном автобусе в Индию, на поезде в Китай. Моими друзьями стали люди, которые понятия не имели, кто я такой.

Также я следил за всем, что происходило по другую сторону океана.

Прошёл всего лишь месяц, как Элла и сенатор развелись, наверное, это случилось из-за меня и Кэтрин. В этом не было только нашей вины, потому что их отношения были обречены на провал с самого начала, ведь Элла бредила любовью, а сенатор политикой. Элла оповестила меня по электронной почте. Она сейчас в Малибу, занята ремонтом дома, снова готовит его к новой жизни. Скандал не потопил кампанию сенатора, которая была в самом разгаре.

И Кейт...

СМИ обсасывали эту историю пару недель, но потом приключилась какая-то другая скандальная история, которая отвела внимание от неё. Кейт отказалась давать какое-либо интервью. Она уехала в Калифорнийский университет, не в Гарвард.

Я улыбался, когда читал об этом. Она выбрала искусство.

Она *изучает* искусство.

Иногда я думаю о ней в прошедшем времени, словно она часть моей прошлой жизни. Но затем я вижу кого-то, кто похож на неё, или как какая-нибудь девушку заправляет волосы за ухо, как делала это Кейт... И она снова самая значительная часть моего настоящего.

Шесть месяцев назад моя мать прислала мне сообщение, что возвращает мой трастовый фонд. Я согласился, но на своих условиях. Первые свои инвестиции я вложил в искусство, в те места, в которые мечтала Кейт. Я их проверял, таким же образом я планирую поступать и с другим бизнесом, которому хочу помочь: старт-ап компаниям и людям с хорошими идеями, которые не имеют средств для финансирования своих проектов. Я не думал, что какое-то из мест, в которые я инвестировал, имеет какое-то отношение к Кейт.

До прошлой недели.

Это не было удачей, что я наткнулся на крошечное упоминание о выставке на том сайте. У меня установлено он-лайн оповещение, настроенное на проекты, в которые я вкладывал... *и на Кейт.*

Когда я увидел объявление о художественной выставке, имя было первым, что бросилось мне в глаза. И это были работы художника, который заставил меня пойти в ближайшее турагентство и купить билет в один конец. В Калифорнию.

ГЛАВА 28.

КЭТРИН

— Это безумие, — кружусь, осматривая галерею, моя голова, словно в тумане, я не верю в происходящее. — Не могу поверить, что вижу свою работу на стенах на реальной выставке.

— Придётся поверить, — отвечает директор галереи. — Многие заинтересовались тобой. Ты станешь известной, Кэтрин. У тебя талант.

— Я просто так рада, что эта галерея согласилась принять меня, — говорю я. Три месяца назад это место было на грани закрытия, из-за его давней истории это было бы особенно печально.

— Поблагодари ангела-инвестора, который спас галерею, — улыбается она.

— Не знаешь, кто это?

Она качает головой и пожимает плечами.

— Он, видимо, предпочитает делать свои дела анонимно, — отвечает она. — Кстати,

моя дорогая, есть один репортёр, который хочет взять у тебя интервью.

Я стону:

— Только не о моей личной жизни.

Она снова качает головой:

— Только о твоём творчестве, дорогая.

— Но... Зачем?

— Я же говорила тебе, что ты талантливая, — улыбается она. — Как думаешь, стала бы я тратить два месяца, подготавливая всё к твоей выставке?

Это правда. Она потратила два месяца, чтобы сделать всё. Я поначалу ей не верила, что она действительно заинтересовалась моим творчеством. Думала, что это всё из-за того, что я непостоянная дочь сенатора Харисона.

Мой отец и я не разговаривали месяцами. Он просто хотел, чтобы я «выбрала правильный путь». Но я гордилась тем, что выбрала Калифорнийский университет, что выбрала искусство.

Но я не гордилась тем, что наговорила Колтеру. Тот разговор на улице, в то время как свадьба набирала свои обороты, до сих пор меня преследует. Его слова снова и снова эхом раздавались в моей голове: «Я чертовски тебя люблю».

Но я не ответила на его чувства тем же. Просто стояла там, пока он на меня смотрел, полностью искренний передо мной, но я знала, что Колтер не был тем парнем, который говорит такое.

Я не ответила ему тем же.

Когда он попытался объяснить всё, я просто сказала, что не хочу ничего слышать. Я была напугана тем, что всё это произошло на глазах у людей.

Я даже не думала, что он уедет. Даже после всего, что случилось, я пыталась разыскать его в Голливуде. Когда я послала письмо Элле, она тоже понятия не имела о его местонахождении. Она думала, что это Таиланд. Возможно, Индия. Он крутился где-то в Азии. Я писала ему кучу писем, но так и не нашла в себе смелости отправить. Рассказать о том, как я себя чувствую, как скучаю, как тоже люблю его. Но передать эти эмоции в письме не получалось. Ужасная правда заключалась в том, что я была трусихой, чтобы сказать ему в лицо о своих чувствах.

Несколько месяцев после его ухода я всё ждала, когда же откроются эти балконные двери, и он войдёт внутрь с той дурацкой ухмылкой на лице. Но этого так и не произошло.

Я бы соврала, сказав, что не думаю о нём постоянно. Но как говорится: жизнь не сказка независимо от того, как бы я не верила в это. Думаю, Колтер бы гордился мной, будь он здесь. И он бы засмеялся, увидев тему моей выставки.

Но его здесь нет. Так же, как и моего отца. Мои друзья из школы здесь, а также несколько профессоров с художественного отделения. Стоя здесь в окружении моих картин, я ощущаю себя счастливой и свободной. Я в восторге от всего этого, хотя часть меня скучает по Колтеру.

Репортёр из небольшого издательства хочет взять у меня интервью. Он спрашивает, что вдохновляет меня. Я не вру, но и правды не говорю.

— Меня вдохновил друг, — отвечаю я. Не уточняю кто именно.

— Это очень интересное название — Мерзавец, — говорит он. — *Для дружбы.*

— Это просто друг, — повторяю я.

— Не уверен, что я говорил такое, — этот голос поражает меня как тонна кирпичей. *Его*

голос. Словно призрак из моего прошлого, потому что он и *есть* чёртов призрак из прошлого. Всё вокруг начинает кружиться.

Колтер чёртов Стерлинг во плоти.

Святое-дерьмо-он-по-прежнему-великолепен.

Колтер изменился. Его волосы стали длинней, неряшливей, более неопрятные, словно он только встал с постели. Но это выглядит очень сексуально. И на нём костюм. И галстук.

— Ты, — говорю я. Это единственное слово, которое мне удаётся выговорить. *Ты*. Это всё, что я могу сказать человеку, которого люблю, после года разлуки. Это всё, что я могу сказать человеку, который стоит здесь передо мной и смотрит на меня вживую, а не с рисунков.

— *Мерзавец*, — говорит он, смотря на меня с выражением «я все ещё не забыл». Он узнает мои эскизы — хотя на них и не видно лица, но мы оба знаем, кто на них изображён.

— Да, именно так называется выставка, — вмешивается репортёр, его голос звучит немного уверенней, нежели раньше.

Я поворачиваюсь в его сторону:

— Не могли бы вы дать нам минутку, пожалуйста?

— Но интервью... — начинает он.

— Просто минутку, — я не смотрю на него, когда оборачиваюсь к Колтеру. — Мерзавец, — повторяю я.

— Хладнокровная ханжа, — отвечает он. И это старый Колтер. Колтер, которого я любила. Колтер, которого всё ещё люблю. Усмешка медленно озаряет его лицо, именно та усмешка, которая заставляет моё сердце каждый раз биться быстрее.

Я улыбаюсь во все тридцать два зуба.

— Придурок.

— Хорошо-хорошо.

— Шлюшка.

— Принцесса, — он наконец-то произносит его. Я так скучала по этому слову с тех пор, как он ушёл.

И я знаю, что должна сказать ему. Одна часть меня, которая отвечает за логику, говорит: *«Нет, постой, прошёл уже год, у него наверняка есть девушка, или он уже нашёл себе двойняшек из Парижа, — она говорит мне, — будь разумной. Будь здравомыслящей»*.

К чёрту эту логическую сторону меня.

Мне хочется нахрен избавиться от всего этого дерьма. Это часть меня, которую я так долго не воспринимала всерьёз. Та часть, где я чувствовала себя в безопасности. Которая всегда жила во мне. Я больше уже не та девочка.

Поэтому я действую решительно.

— Я чертовски тебя люблю, — говорю, ожидая его реакции. Но он просто смотрит на меня. Я не могу прочесть какую-либо эмоцию на его лице.

— Ну, очевидно, — отвечает он, обводя взглядом стены. — Я хочу сказать, что ты создала чёртову святыню в мою честь.

— Приятно видеть, что ты всё тот же самый мерзавец, — шепчу я. — Ну, и я точно назвала свою выставку.

Колтер смеётся.

— Ага, ничего не изменилось, — отвечает он, оборачивая рукой мою талию и притягивая меня ближе к себе. Мне кажется, что моё сердце вот-вот выскочит из груди,

когда он смотрит на меня так. — Я тоже чертовски люблю тебя, Принцесса.

ГЛАВА 29.

КОЛТЕР

СПУСТЯ ТРИ ГОДА

— Так ты собираешься мне рассказать, куда мы едем? — спрашивает она, её рука на моём бедре. — Серьёзно, откуда мне знать, готова ли я к этому?

Я качаю головой.

— Прости, но мой рот на замке, — отвечаю ей. — Ты доверяешь мне?

Она кладёт свой палец на уголок рта и делает задумчивое выражение лица.

— Хммм. Даже не знаю.

Обняв её одной рукой за талию, я нежно целую Кейт в кончик носа, медленно продвигаясь вниз к её полным губам. Она приоткрыла свой ротик, и я жадно набрасываюсь на неё, мой член тут же оживает.

Я отстраняюсь от неё и смотрю в течение минуты. С трудом могу поверить в свою удачу, будучи рядом с Кейт. Когда увидел её три года назад в галерее, я всё понял. Это моё. Она моя. Звучит банально, но это правда.

Я другой человек, и все благодаря Кейт.

Я не верил в «жили они долго и счастливо». Одному Богу известно, что Элла не была примером этому. Удивительно, но моя мать вернулась к свиданиям с рок-звездами. Её парень Вайпер только что переехал в дом в Малибу, который снова выкрашен к чёрный. Теперь он украшен анималистическими принтами и серебряным черепом.

С моей репутацией я больше удивлён, что влюбился в девушку, которую раньше ненавидел. Три года назад я перестал играть с ней в игры. Мы оба перестали играть с сердцами друг друга. Теперь мы играли только в нашей спальне. Я имею виду, что за эти три года я ни разу не спалил её одежду.

Кейт ударила меня ладошкой по груди.

— Что? — спрашивает она. — В моих зубах что-то застряло? Ты на меня как-то странно смотришь, и это немного выводит из себя.

— Просто думаю, что счастлив, — отвечаю ей. И это правда. Восемнадцатилетний Колтер в жизни бы такого не произнёс вслух, просто я тогда не задумывался о счастье. Теперь же я без ума от этого ощущения.

Как там говорят, *переполненная чаша*? Это я. И моя трудовая жизнь тоже. Оказывается, у меня есть какая-то интуитивная способность вести бизнес. Я использовал свой трастовый фонд для инвестиций в малый бизнес, в начинающие компании, которые делают очень важные вещи для мира. И это заставляет меня чувствовать себя лучше.

— Ох, да? — улыбается Кейт. Она запускает свои ручки под мою футболку. — Что именно делает тебя счастливым? Наша поездка на... Карибские острова?

Я засмеялся.

— Хорошая попытка. Скоро узнаешь, — говорю я.

— Как ты можешь доставить меня в аэропорт, чтобы я не узнала при этом, куда мы летим? — спрашивает она.

Я поднимаю свои брови.

— Частный самолёт, — ухмыляюсь я. Самолёт — работа Эллы. Может, она и не самая лучшая — или стабильная — мать, но всё же может выкрутиться из любой ситуации. И это хоть что-то.

— Элла дала свой самолёт? — спрашивает она. Её руки пробегаются по моим рукам, и Кейт прижимается ко мне ещё ближе, пока мой нос не упирается в её шею. Я люблю то, как она пахнет, это напоминает о доме.

— Она не дала мне его навсегда, — отвечаю я. — Но это особый случай.

Кейт смеётся.

— Я не получила Нобелевскую премию. Всего лишь окончила колледж.

Целую её шею, а в ответ слышу стон. Я не говорю ей о том, что эта поездка не в честь окончания колледжа.

— Это грандиозное дело, — уточняю. — Я не ходил в колледж.

— Ты мог бы, если захотел, — переубеждает она.

Я уже думал об этом. Но не сейчас. Сейчас я хочу быть рядом с Кейт. Хочу провести с ней всю оставшуюся жизнь.

— Ммм ... — бормочу я, потянув за края её рубашку.

— Этот план заключается в ожидании? — спрашивает она мягко. Но она снова прижимается ко мне, я глажу её груди руками. Её соски затвердели, и она снова стонет. Делаю вид, что не замечаю их.

— У нас есть несколько минут, — говорю ей, помогая ей избавиться от рубашки и джинсов, оголяя её идеальную грудь. Я снова смотрю на неё.

— Что? — спрашивает она, пихая меня. — Ты снова на меня смотришь этим взглядом.

— Я просто наслаждаюсь тобой, — отвечаю ей. — Ты захватываешь дух.

— Нет, ну серьёзно, — рычит она. — Какой-то особый план, поездка в экзотическое место, а теперь ты называешь меня *захватывающей дух*? Ты пытаешься скрыть от меня плохие новости?

Я провожу рукой по её животу, а затем опускаюсь к её ножкам. Она томно вздыхает.

— Заткнись и прими это за комплимент, — говорю я мягко, в то время как мои пальцы уже кружат по клитору. — Никто не учил тебя быть любезной, Принцесса?

Она смеётся, запрокидывая голову назад и закрывая свои глаза от удовольствия:

— Ты не хотел бы меня, будь я такой.

ГЛАВА 30.

КЭТРИН

Мы на Бали.

Когда я уже думала, что дела идут лучше, чем когда-либо, Колтер преподнёс мне этот сюрприз. Поездку на Бали.

Это круто и удивительно. Но такова теперь моя жизнь. У меня самая лучшая жизнь, чем я когда-либо мечтала. Всё началось три года назад с той галереи и продолжается по сей день. Мои эскизы и картины хорошо продаются. Конечно, я не зарабатываю миллионы, но могу позволить себе заниматься только искусством после того, как окончила колледж. И это делает меня поистине счастливой.

Мой отец не был в восторге от всего этого, но в конце концов он смирился. Теперь мы

общаемся, и это хорошо. Всё же он отказался от планов стать Президентом. Он даже говорил об уходе из политики.

Думаю, всё же некоторые люди умеют меняться.

Колтер и я живое доказательство этому. Колтер не был из тех парней, которые влюбляются — и ненавидят — до того лета в Нью-Гэмпшире. Он вырос, став тем, кем я теперь горжусь, но время от времени старые привычки дают о себе знать. Я уже больше не та девочка. И уже сказала, что люблю Колтера, и теперь я спокойна. Он научил меня тому, что стоит рисковать в любви и в жизни. Я люблю его целиком и полностью, без оговорок. А это меняет многое.

— Иди сюда, посмотри на улицу, — Колтер схватил меня за руку и тянет через весь дом. Стена вся стеклянная, поэтому нам открывался вид на пальмы и океан. Солнце настолько яркое, что практически ослепляет. Мы стоим так в течение минуты, Колтер рядом со мной, смотрим в тишине.

— О боже, Колтер, — я прикрываю рот рукой и качаю головой. — Это... Это так прекрасно. Не могу поверить, что ты привёз меня именно сюда, — когда я уже собираюсь поцеловать его, вижу, как он становится на одно колено. Мои глаза медленно опускаются с его лица вниз на кольцо. — Чёрт возьми, да. Конечно. Да.

Колтер ухмыляется:

— Чёрт, женщина, я ведь даже ещё не задал вопрос.

Я кладу руку себе на грудь, делая вид, что готова услышать его вопрос.

— Хорошо, хорошо, — отвечаю я, подпрыгивая вверх, словно маленький ребёнок в рождественское утро. — Спрашивай.

Колтер вздыхает:

— Ты не будешь меня перебивать?

— Да, да! Давай спрашивай уже! — я не могу сдержать свой смех. — У тебя большая подготовленная речь?

— Молчи, женщина, пока не приложил свою руку к твоему ротику, — он улыбается от уха до уха. — Кэтрин Харисон, ты самая сложная и упёртая женщина, которую я когда-либо встречал. Ты также добрая, любящая, творческая и адски сексуальная женщина, которую я только знаю. Если ты готова любить меня до конца своих дней, то я готов подарить тебе это долго и счастливо.

— Это самое трогательная вещь, которую ты мне только говорил, — шепчу я, когда он надевает кольцо на мой пальчик. Я смотрю на него, удивляясь, насколько оно идеально подходит мне. Чувствую слёзы, бегущие по моим щекам, и пальцы Колтера, которые бережно их стирают. — Не знаю, почему плачу. Но я так счастлива, Колтер.

Он притягивает меня к себе, сокрушая поцелуем. Каждый раз, когда мы целуемся, время словно замирает. Теперь он мой дом, вот где моё место.

— Рад, что это так, — говорит он. — Потому что теперь тебе не убежать.

Я снова целую его, но на этот раз нежно:

— Обещаешь?

— Всегда, — отвечает он. — Я люблю тебя, Принцесса.

— Я люблю тебя, Мерзавец.

КОНЕЦ

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net